

Юрий Щекочихин

ЗАБЫТАЯ ЧЕЧНЯ:

Страницы из военных
блокнотов

Юрий Щекочихин

**ЗАБЫТАЯ ЧЕЧНЯ:
СТРАНИЦЫ ИЗ ВОЕННЫХ
БЛОКНотов**

МОСКВА

2003

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
Щ40

Дизайн обложки

Глеба Тржемецкого

В оформлении книги использованы следующие фотоматериалы:

На 1-й сторонке обложки фото Юрия Козырева
«Это не Ирак. Это Чечня. Зачистка», весна 2003 г.,
предоставленное «Новой газетой»

На 4-й сторонке обложки фото из личного архива автора
(первая военная фотография):

Ю. Щекочихин и офицеры новосибирского СОБРа после обстрела
в центре Грозного. Подвал молокозавода, январь, 1995 г.

Подпись на обороте: «Юрию Щекочихину на память
в знак признательности за его вклад в построение
правового государства. СОБР Зап. Сиб. РУОП»

Щекочихин Ю. П.

Щ40 Забытая Чечня: Страницы из военных блок-
нотов / Ю. П. Щекочихин. — М.: ООО «Агентство
«КРПА «Олимп», 2003. — 304 с. — (Нет — экстре-
мизму!)

ISBN 5-7390-1261-9 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

Чечня... Земля, о которой хотели бы забыть. Война, которая не кончается. Репортажи оттуда, из самого пекла, собраны в этой книге. Юрий Щекочихин — журналист, писатель, политик — пристально вглядывается в судьбы молодых россиян, одетых в камуфляж: за что они воюют? кто послал их под пули и во имя чего? кто столкнул в этом жестоком конфликте людей одной страны? Он старается привлечь внимание общества к вопросам войны и мира, к ответственности за то, что происходит там, в горячих точках.

Юрий Щекочихин — человек без оружия, но калибром своей незаурядной личности он заметно влияет на ход событий в стране.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 5-7390-1261-9 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2003

Вместо предисловия

Юрий Щекочихин решил опубликовать свои чеченские хроники. Репортажи с войны, с тайных переговоров, закрытых слушаний в Госдуме. Щекочихин замечает — журналист не может брать в руки оружия, потому как если он погибнет с автоматом в руках, его не посчитают репортером. *Но при этом не может не вмешиваться в жизнь и войну.* Он организует операции по освобождению пленных и помогает обустройству потрепанной в боях бригады. Он ведет переговоры с боевиками и ставит в Госдуме жесткие вопросы о мире и войне. Он — без оружия, но своим калибром, калибром личности, влияет на жизнь. Главное — в его частной политике присутствует ныне считающееся не прагматичным понятие стыда. За страну, войну, бессмысленные жертвы. Для него все это не геополитика, не державное сжимание пухлых кулаков, а судьбы людей. Он физически, до боли ощущает утрачиваемое время: скоро может не остаться тех, с кем хотя бы на одном языке можно договориться о мире.

Для него невозможна категория победы в этой войне: победа — окончание войны. Он ответил, кажется, и на основной вопрос сегодняшней политики. Можно ли, занимаясь ею, оставаться приличным человеком.

Он был и остается носителем особой, штучной репутации. Значит — свободен.

Главный редактор «Новой газеты» Д. Муратов

Не привыкли мы к одиночеству,
Намекни о нас между строк.
Не по имени, не по отчеству,
Можно просто — братишка, браток.

Вы все хотели жить смолоду,
Вы все хотели быть вечными...
И вот войной перемолоты,
Ну а в церквах стали свечками*.

Пролог

Я ехал туда по еще почти ничего не знающей вечерней Москве...

«На Пролетарском проспекте, где мне надо было повернуть на улицу Мельникова...» — так я начал свою блокнотную запись ранним утром, только что вернувшись ОТТУДА.

Да, небо над Москвой уже начало светлеть. Наступал день, которого у нас еще не было. 2002 год, октябрь.

Я почти механически записывал, что узнал и что увидел, и вдруг понял, что эти мои записи, которые веду с января 1995 года, еще долго, долго, долго вести не закончу.

А раньше казалось так: о, конец 96-го года! Можно уже писать книгу о том, как ЭТО было. А ЭТО

*Здесь и далее использованы стихи А. А. Чикунова с любезного разрешения автора, которому посвящен 9-й блокнот. Полностью тексты песен печатаются в конце книги. — Ю. Щ.

все не кончалось. Ни в 96-м, ни в 99-м, ни в 2002-м, ни сейчас.

И тогда я решил: пора уже рассказать.

Я выбрал восемь событий, по одному (реже по два) в год, которые мне особенно запомнились. Естественно, рассказы о них — совершенно субъективные. Кто-то непременно начнет со мной спорить, кто-то обвинять во всех страшных грехах, кто-то полностью будет против меня.

Пожалуйста. Повторяю, я выбрал те события, которые посчитал для себя переломными во всем этом нескончаемом кошмарище.

И еще одно.

У каждого, кто ТАМ был, — свои собственные воспоминания. Не скажу, что эти воспоминания доставляют тебе страшное удовольствие. Ведь не хочется вспоминать расставания с любимыми женщинами, ссоры с друзьями, да и собственные ошибки, приводившие к непоправимым последствиям. И о том, что не удалось написать. Обидно, потому и не хочется.

Хочется вспомнить дворы твоего детства, которые уменьшались, уменьшались, уменьшались, потому что сам ты вырастал.

Какое-нибудь море. Скорее всего — Черное. Коктебель. Семнадцать лет. Тогда я впервые в жизни увидел море.

И вдруг — война. Чечня.

В страшном сне я не мог бы представить, что сижу в бэтэре, идет пальба, трупы на обочине... О Господи!

Я понимаю, что я не главный свидетель.

Но я ТАМ был. Я видел.

В журналистском ремесле есть одна странность.

По крайней мере, как я сам ее вычислил на собственном опыте: о событиях, которым ты стал свидетелем, надо писать мгновенно.

Ночью, если вернулся из командировки вечером. Днем, если вернулся утром, вечером, если вернулся днем.

Ни одно событие, о котором пытаешься рассказать, если ты его считаешь достойным общественной боли, не может отлеживаться в сознании. Тогда оно теряет интонацию события.

Потому-то статьи из Чечни, которые я публиковал сначала в «Литературной газете», а потом, после ухода оттуда, в «Новой газете», были написаны с колес, в текущий номер.

Я не хочу сейчас ничего менять в тексте, хотя, конечно, от командировки к командировке изменялись мои представления об этой чудовищной трагедии России и Чечни. Подправлять их сейчас было бы нечестно. Я только позволю себе рассказать о том, что сопровождало эти поездки, и о том, что я тогда не мог написать.

Каждый раз, возвращаясь ОТТУДА, пытаешься понять: тебя что-нибудь поразило на этот раз? У тебя перехватило дыхание от нового увиденного и нового узнанного? Почувствовал ли ты себя вновь стоящим над пропастью, края которой ты не разглядишь, как ни старайся?

**БЛОКНОТ ПЕРВЫЙ:
ГОД 1995-Й**

Дикие черкесы напуганы: древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часа безопаснее, многочисленные конвои — излишними... Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка с зажженным фителем... Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению...

*Александр Пушкин — брату Льву,
24 сентября 1820 г.*

Власти, хватит врать!

Из Грозного — из этого кромешного ада смерти, грязи, крови, страха, из этого города (вернее, из того, что раньше было городом), где так переплелись политическая подлость и человеческое мужество, захолустный Моздок представляется сияющим Парижем: свет — просто свет, вода — просто вода, тишина — просто тишина...

Так вот, власти, слышали бы вы, как люди, очутившиеся после грозненского ада в моздокском раю, материли ваши очередные заявления в программе «Время» и о «втором этапе операции», который будто бы уже давно начался, и о «замене армейских частей частями МВД», и о «переходе власти к оппозиции».

Перед отъездом из Моздока столкнулся случайно с ребятами из Ярославского ОМОНа: отвоевав здесь свое, они вернулись, чтобы перевезти на родину тело убитого товарища. Спросили, давно ли я из

Грозного? Ответил: только что. «Ну как там сейчас?» — спросили меня. Рассказал о том, чему сам был свидетелем. «Понятно, — мрачно вздохнул один из парней. — А мы еле получили автоматы... Нас все убеждали, что в Грозном сейчас ужасно тихо: «обойдетесь пистолетами»...

И не позабуду, как в самом Грозном услышал от заросшего, как и все здесь, капитана: «Какая-то газета попалась... Читаю, что дети в Грозном пошли в школу...» И, помолчав, зло бросил: «Суки... Теперь вообще ваших газет никогда не буду читать...»

Война в Грозном... Самая настоящая война...

День и ночь тяжелая артиллерия обстреливает районы города, которые находятся под Дудаевым (по разным подсчетам, он контролирует от 40 до 50 процентов территории города). А внутренние войска не располагают тяжелой артиллерией! В городе — постоянные передвижения танковых колонн. А танков тоже нет у внутренних войск! Наносят бомбовые удары самолеты — тоже ведь армейские.

Я говорю о том, что сам видел на прошлой неделе, то есть спустя десять дней после того, как Борис Ельцин публично заявил, что «первый этап операции завершен» и внутренние войска сменили армию...

Здесь, в Грозном, проходит настоящая линия фронта. Здесь — наши, а рядом, там, где соседняя девятиэтажка, — уже «они», наши, ставшие волей бездарных политиков не нашими, чужими, противниками, врагами.

Уже забылось, как и не было, что когда-то ели кашу из одного солдатского котелка — все же испытали одну солдатскую школу! Что вместе проходили военную подготовку в вузах, да и с преступно-

стью — было время! — тоже боролись вместе. Не говоря уже о том, что вместе жили в одной стране...

Теперь — все, теперь война, со своими собственными законами, с примерами великого мужества и беспредельной подлости, со своими подонками и героями, с вдруг просыпающимся милосердием и, куда чаще, с проявлением нечеловеческой, звериной жестокости.

И с одной, и с другой стороны. Потому-то на тебя здесь смотрят, сомневаясь в твоей умственной полноценности, если одним ты начнешь рассказывать о гуманизме чеченской стороны по отношению к российским пленным, а другим, как российские солдаты делятся последней банкой тушенки с чеченскими детьми.

Хотя есть и то, и другое. Но для тех, кто сегодня воюет, это уже не имеет никакого значения.

Туман... Вертолет не полетит... Говорят, формируется колонна на Грозный. С такой же тщательностью и мерами предосторожности, как в пушкинские времена. Только вместо казаков с пушками — бэтээры с нацеленным пулеметом... Первая примета войны — разбитые танковыми гусеницами дороги и грязь, грязь, грязь... Тащимся еле-еле. Потом окажется, что дорога от Моздока до Грозного, а это всего ничего, сто тридцать километров, займет семь часов. Будто на лошадях. «Мечтательному воображению» ничего не предстает. Хватает того, что видишь... Убитая корова на обочине. Метрах в пяти — убитый теленок. До Грозного еще километров пятнадцать. Потом на улицах самого Грозного увижу неубранные трупы: женщина, прикрытая мешком,

два молодых парня в штатском... Услышу: «Ну что ты! Разве сравнишь, что здесь было дней десять назад...» Потом уже перестану удивляться.

*Под траки полегла трава,
Моторы пели.
Броня горела, как дрова,
Мы не сгорели.*

Центр Грозного контролируется криминальной милицией, отрядами ОМОНа, собранными со всех концов страны, офицерами и солдатами внут-

ренних войск и гвардией Главного управления по борьбе с оргпреступностью МВД — СОБРАМи — специальными отрядами быстрого реагирования. Созданные три года назад, они предназначались прежде всего — да и только! — для борьбы с вооруженными преступными группировками, оккупировавшими наши города. «Не знали, для чего едем, а оказалось, прямо в бой, на позиции», — говорит мне один из собровцев. Сегодня они пользуются законным авторитетом, в отличие от «Альфы», которая, по словам многочисленных очевидцев, если и появляется в городе, то только для сопровождения очередного высокого начальства и, как правило, поражая — и зля — тех же собровцев выглаженной униформой. Каждый командир армейского батальона мечтает получить к себе хотя бы одного собровца: они незаменимы хотя бы потому, что полуобученные солдаты чувствуют себя рядом с ними увереннее. Да и молодые офицеры тоже.

Что означает сегодня в действительности контроль федеральных войск над городом? Что такое «очищенные от боевиков кварталы»?

Штаб группы МВД находится на территории молокозавода. Отсюда уходят в рейды бэтээры, сюда —

практически ежедневно — привозят раненых, здесь каждое утро у ворот собирается толпа мирных жителей, в основном русских... В штабе работает и оперативно-следственная группа, задача которой пока не очень ясна даже для самих ее участников... Какие преступления надо раскрывать, когда кругом — одно сплошное преступление?..

— К нам привозят тех, кто подозревается в принадлежности к боевикам, но доказать, боевик этот человек или нет, практически невозможно, — признался мне молодой человек из московского РУОПа.

С оружием сюда не доставляют, доказать, что человек только что выстрелил, а выйдя на улицу, превратился в мирного прохожего, — невозможно. Самые подозрительных доставляют в Моздок. Там — фильтропункт, в котором (по крайней мере в прошлую пятницу) находилось 24 человека. Недавно было около трехсот — остальных, по словам офицера МВД, недавно освободили. Серьезных обвинений пока почти никому не предъявили, да и надежды на то, что попадутся закоренелые преступники, не очень-то оправдываются — таких сегодня было задержано всего трое. Думаю, часть задержанных находится сейчас в изоляторах Краснодар, Ставрополя, Ростова, Минвод.

Да никто здесь серьезно о расследованиях и не думает — не до этого. Стреляют постоянно и в так называемых «защищенных» районах. Но если в контролируемых Дудаевым районах идут боевые действия, то здесь это — партизанская война. Особенно достается блокпостам, которыми, как вешками, огородили свое влияние на Грозный федеральные войска и МВД.

В подконтрольном МВД центре города таких постов — шесть, каждый из них практически ежедневно подвергается нападениям. Мне рассказали, как действуют «партизаны».

— Они шмальнули — и переместились. Если танк идет — танк подобьют. Если бэтээр... Пока ребята выскакивают в панике, те уже отошли. Как можно воевать, если противника не видишь? Из пятиэтажных, из девятиэтажных, из-за любого угла стреляют — ну как можно воевать?

— То есть, — уточняю, — все это происходит в очищенных районах?

— Появляются... И днем, и ночью... Эту историю мне рассказывали, я не был сам очевидцем... К нашему блокпосту подъехали «Жигули»... Где-то в районе моста через Сунжу. Оттуда два автоматчика и гранатометчик. Первый раз промазали, второй раз — точно. Постреляли, сели в «Жигули» и уехали.

(Имя и звание своего собеседника не указываю, как, впрочем, и всех остальных, с кем я говорил. Не только потому, что большинство из них работают в районе боевых действий под псевдонимами — многие назвали своим родным и близким совсем другие адреса своих командировок, более тихие и спокойные.)

В «очищенных» районах можно стать мишенями не только для боевиков, но и для своих — особенно из-за несогласованности действий армии и внутренних войск. И часто чужой снайпер начинает пальбу между двумя блокпостами, армейским и вэвэшным, разгорается бой между своими, и уже не узнаешь, чья пуля ранила тебя или убила.

Мы сами заехали в такое вот «очищенное» место — в самом центре Грозного, где и места-то живого не осталось, а если что и можно восстановить, так только сдав эти развалины в аренду Голливуду... Да, заехали и — попали под огонь снайперов. «Разворачиваемся!» — крикнул Юрий, командир сводного отряда СОБРа, когда пули пробили три колеса нашего бэтээра. И потом долго матерился, вспоминая танкистов, которые снялись, никого не поставив в известность. Снялись — а спустя несколько минут появились боевики. На моих глазах подбили российский флаг, который развевался над дудаевским дворцом (хотя только идиоту пришла мысль приравнять к Рейхстагу здание бывшего обкома партии).

Да нет в Грозном спокойных мест! Война идет, война... Война, которую и сравнить не с чем даже закаленным мужикам из ВВ, которых судьба закидывала от Сумгаита до Карабаха, от Осетии до Оша.

Вот еще один разговор — с двумя собровцами из Московской области, охраняющими рубеж на юго-западе Грозного (привожу его так, как он остался на диктофонной пленке):

«— Мы работаем на бывшей ракетной базе стратегического назначения... Там очень сильный укрепленный центр, оборудованный противовоздушной обороной... С большим количеством дотов, ходов сообщения... Оружие очень современное... Очень серьезные подземные коммуникации...

— Это, естественно, не Дудаев все построил...

— Конечно нет... Все осталось еще от Советской Армии... Что касается нас, то выполняем функции специальных подразделений внутренних войск. Те

функции, которые возложены на нас дома, мы здесь, конечно, не выполняем. Ребята воюют... Натуральным образом воюют.

— Кто все-таки воюет с той стороны?

— Контингент очень большой... Есть просто чеченцы, но очень много и профессионалов...

— Видели ли вы наемников?

— Мы шестнадцать человек задержали, из них двенадцать — грузины. То, что украинцы воюют, это однозначно... Прибалтов много и, как ни странно, очень много наших, россиян... Из Ленинграда девчонка... Воюет здесь как снайпер... На этом делают деньги, и деньги не слабые.

— Откуда вы знаете?

— Из показаний пленных... Они получают тысячу долларов в сутки... Помимо того, четыреста долларов за убитого солдата, восемьсот за офицера... По три тысячи они платят за нас... У них хорошо развита система контроля: за каждым таким специалистом закреплены как минимум двое чеченцев, которые следят за профессионалами...

— А все эти истории про девушек-снайперов?..

— Это чистая правда... Одну лично видел: мастер спорта по биатлону, семнадцать лет... Восемнадцать человек убила... Так она показала на допросе...»

Ни подтвердить, ни опровергнуть этот рассказ я не могу. Но свидетельств о наемниках довольно много: в кармане одного из них, убитого в бою, был найден список с фамилиями и адресами, среди них есть жители России, в том числе и москвичи. Офицер связи рассказал мне, что сам слышал, как команды дублировали на русском, украинском, литовском,

польском языках. Мой коллега привез паспорт убитой снайперши, украинской гражданки.

Да, свидетельств о наемниках много, только живьем их никто не видел: их просто не довозят до тыла, и сейчас я даже не хочу повторять многочисленные истории, как именно заканчивается их жизнь на передовой.

А вот мнение заместителя командующего внутренними войсками МВД России, с которым я встретился в Моздоке, о том, кто же сегодня противник федеральных войск:

— Во-первых, это окружение Дудаева, которым уже нечего терять: при другом правлении сами же чеченцы им головы оторвут. Вторая группа лиц — наемники и, наконец, третьи — те, кто стали нашими противниками в результате боев: не за Дудаева идут в бой, а мстить за погибших родных.

Город, город... Я никогда в жизни не видел таких городов. И не думал, что когда-нибудь увижу. Выбитые окна пятиэтажек... Кажется, все, все... Не может быть мертвее дома. Но вдруг на одном подъезде написанная от руки табличка: «Люди на первом этаже», а рядом, на другом доме, Красный Крест и другая надпись: «Здесь люди...» Дверь медленно открывается, выходит женщина, безучастно провожает глазами БТР... Старушка тащит санки с мешком... Толпа возле Красного Креста, надеющаяся как-то вырваться из этого ада. Спрашиваю, откуда берете воду? Старик отвечает: «Собираем в лужах...» Другой старик. Спрашиваю: «Вы совсем не боитесь стрельбы? Вы даже не вздрагиваете при звуках выстрелов?» — «Я боюсь только одного... Когда посту-

чат в дверь». — «Кто постучит в дверь?» — «Чеченцы...» А тяжелые гаубицы все лупят, лупят по южным окраинам Грозного... Видны три далеких пожара... Как снаряды отличают, где друг, а где враг, если сегодня и человек не может этого отличить?.. Шестой блокпост считается самым опасным: вчера здесь ранило троих омоновцев, слава богу, все остались живы... Блокпост — это развалины когда-то добротного дома в два этажа... Минный обстрел. Все, кроме меня, к этому уже привыкли. Сидят за столиком во дворе и пьют чай из жестяного чайника... Парень с кинокамерой... Думал, коллега. «Нет, я из краснодарского ОМОНа... Для истории...» Приезжает новая смена, она пробудет здесь сутки. Подходит омоновец из новой смены, узнает меня. «Странно, что вы приехали сюда, к нам...» — «Почему?» — «Но вы же, как я знаю, гуманист и демократ...» Я так и не смог понять, какой смысл вкладывает в эти слова парень, который уже через минуту сидит у оконного проема, положив автомат на кирпичную кладку...

*По горам
Покатились бои...
Ошалевшие роты,
Этот мир поделив
На чужих и своих,
Шли в открытую
На пулеметы.*

Сейчас, наверное, пора объяснить один парадокс.

Люди, с которыми я провел неделю на этой войне, не только не профессиональные военные (кроме, естественно, офицеров внутренних войск, да и то их главное тяжелое оружие — хрупкие

бэтээры), но и в самой меньшей степени ответственные за ошибки политиков в чеченском конфликте: дали приказ, сказали «Надо», не объяснив толком,

что же ждет их — профессиональных борцов с профессиональной преступностью. Они умеют анализировать, искать доказательства, проводить облавы и рейды, естественно, стрелять, некоторые из них — те же собровцы — хорошо владеют различными боевыми приемами. Их враг — мафия, которая, при всей своей мощи, еще не докатилась до фронтовых операций.

И вот они здесь. При мне у собровцев радость: первый раз за двадцать дней добыли кровати, до этого спали как придется. Остальные условия? Без условий. Деньги получают по возвращении — по два оклада. «Это сколько?» — спрашиваю. Один отвечает: восемьсот тысяч, другой, постарше званием, — миллион. Еще один сказал, что как бы все не вычли: дали денег на гостиницу, а какая здесь гостиница? Как отчитаться, если командировочные деньги оставили семьям, когда уезжали сюда, в Чечню...

Да, можно сказать и так. Им надоела Чечня как криминальная зона: фальшивые купюры (их столько здесь нашли, что можно оклеить дудаевский дворец), террористы, просто бандиты, которых ищет вся Россия. Не говоря уже о том, что им, профессионалам, был заказан въезд на территорию Чечни: из Франции и то легче выудить нашего гангстера, чем отсюда. Но, с другой стороны, им не пришла бы в голову идея сровнять с землей московское Солнцево только потому, что там была рождена знаменитая солнцевская мафия!

Хотя люди они служивые и привыкшие к риску, в принципе, они люди мирного времени. А здесь стали людьми войны.

Гордятся тем, что их раненые скрывают свои раны, чтобы не попасть в тыл. Довольны, что профессиональные военные признают их авторитет. Да даже тем хотя бы, что внутренние войска (хоть и другая служба, но все же свое МВД) понесли потери неизмеримо меньшие, чем регулярная армия, — ясно, что все это дает им право чувствовать себя куда более уверенно, чем их армейским соседям.

Нет, они не говорят о «матушке» России, о «сохранении территории», о «национальных интересах» (вообще я заметил, что всякие подобные слова звучат тем громче, чем тише звуки боев). Этих мужиков волнуют более земные проблемы: мину прямо перед эшеленом обнаружили, бэтээр сломался, снайперы расшумелись...

Повторяю, я приехал к людям, со многими из которых меня связывают профессиональные интересы, а с некоторыми уже давно знаком.

Но недели, а у некоторых — уже и месяц войны (по количеству проведенных здесь дней можно судить, какая у кого выросла борода) превратили их совсем в других, не знакомых мне людей.

Какой мир! Какие мирные переговоры! С кем? С этим бандитом? После того как столько наших ребят полегло? — слышался всеобщий ропот на мои робкие слова, что не может же так продолжаться еще и еще: тупик, а за ним — пропасть...

Больше того! Они кричали на меня, как будто я единственный журналист во всей России: «Хватит нас оплевывать! Что, мы самые виноватые?.. Чеченцы — люди, а мы кто? Где же вы были раньше со своими правами человека, когда в Чечне был полный геноцид русского населения? Почему не возму-

щались, когда русских за бесценок заставляли продавать свои дома?!..»

Я им говорил о разоренном городе, а они мне: «Почему же вы не напишете, как они повесили вниз головой одиннадцать солдат на здании Совмина?» Я о том, как армейский капитан положил из автомата четырех мирных жителей, абсолютно непричастных к тому, что из его батальона в живых осталось только шестеро солдат, а они мне о том, сколько чего они нашли в чеченских домах с ограбленных поездов.

И я понимал их личную правоту — каждого в отдельности, пережившего за эти дни здесь такое, что не приснилось бы и в страшном сне. Но я знал, что где-то в другом подвале другого дома кто-нибудь из моих коллег точно так же, сидя с чеченскими бойцами, слушает рассказы о пытках, которым русские солдаты подвергают чеченцев, о молодых ребятах, которые, несмотря на ранение, остались в строю, о мужестве и подлости, которые всегда соседствуют на любой войне, и, конечно, о разрушенных домах, об унижении. И обо всем, обо всем, что и они пережили за эти дни войны.

И, возможно, мой коллега точно так же услышит грозный ропот в ответ на вопрос: «Может быть, хватит? Может быть, пора кончать? Может быть, все-таки мир?» А после этого опять — слова о родном чеченском доме, о родине, о свободе.

Может, война — это зеркало, в которое смотрит человек и не может в нем узнать самого себя?

Что-то не так в этой российско-чеченской батальи. При всем идиотизме войн в них обычно присутствует хоть какая-то логика.

Ведь не успели мы стать враждебными друг другу народами — прошло всего-то три года, что за срок для истории? Даже в удостоверениях сотрудников полиции Чечни текст написан на русском языке, только на печати — волк вместо орла...

Боюсь, не в зеркало мы смотрим — друг на друга, позабыв уже, как выгядим на самом деле.

Из-за какого-то другого стекла другие люди насмешливо наблюдают, как ручеек крови превратился уже в полноводную реку.

Оружие. Нефть. Золото. Деньги... Возможно, эта цепочка слов и поможет, наконец-то, восстановить утраченную логику событий в Чечне.

«Это было как сон... — рассказывает мне парень из СОБРа. — Мы шли с Серегой, и он вдруг крикнул: «Смотри, бронежилет на снегу... Давай возьмем». Мы подошли ближе. Да, это был бронежилет, но — на обезглавленном теле. И ты знаешь, вдруг уже ничего не сработало. Я ничего не почувствовал...» Да, к этому быстро привыкаешь, слишком быстро... Уже на второй день я отметил в себе, что почти не реагирую на выстрелы. Военные медики мне сказали, что оптимальный срок пребывания в боевых условиях — две недели. Правда, уже для подготовленного к войне человека... Потом наступает апатия, и человеку уже безразлична не только чужая жизнь, но и своя... Убежден, что большинству из тех, кто попал на эту войну, раньше не приходилось стрелять в человека. Теперь для них это уже стало нормальным: и стрелять, и рассказывать о том, как стреляли. Вот типичный рассказ, услышанный

мною: «Мы прочесывали квартал. Задержали человека, чеченца... «Что вы, я из оппозиции...» Мы отпустили его, и он уже зашел за угол. И тут к нам подбегает женщина: «Он же боевик, зачем вы его отпустили?» — «И что вы?» — спрашиваю. «Ну, догнали, завели за угол... И все». Но куда больше (хотя, казалось бы, куда больше?), чем сама смерть, бесит грязь, наверное, неизбежная в подобных странных войнах. Полковник внутренних войск рассказывает: «Прибегает армейский генерал. Срочно требует машины для вывоза беженцев. Я даю. Потом вижу толпу беженцев: «Вы почему не уехали?» Они отвечают: «У нас не было долларов...» Я кидаюсь к своему бэтээру, догоняю этого гада... Собровцы заломили руки... Жалко...»

Заметил, что в городе совсем не осталось ни птиц, ни животных. Единственно, кого видел, был котенок, живущий на молокозаводе. Офицеры называли его «Дух».

«Куропаткины х-вы...» — мягче слов по отношению к нашим военачальникам мой собеседник не находит, вспомнив вдруг российского генерала, чье имя стало символом поражения в войне, которую Россия позорно проиграла в начале века. «Шестого января мы с мужиками собрались — изо всех подразделений, чтобы самим подсчитать, сколько же полегло в этом бездарном наступлении». — «Ну и сколько?» — «По нашим подсчетам вышло около пяти тысяч...» — и, помолчав, добавляет: «Сволочи»...

Все чаще и чаще слышал я здесь это слово. Это, и еще более резкие... Те, что не выдержит лист бумаги...

*Онемела душа
И застыла.
Той далекой зимой
В декабре-январе
Даже страшно
представить,
Что было.*

«Они были как зомби... — рассказывает еще один мой собеседник о пацанах, которые и стрелять-то толком не научились. — Минный обстрел, а они медленно, как в кино, кладут на землю автоматы и так же медленно расходятся в разные стороны, будто и не слыша свиста мин. Мы могли делать лишь одно — повалить их на землю хоть под какое-то укрытие...»

Здесь все напоминает об этом провальном наступлении, но больше всего — глаза оставшихся в живых командиров, потерявших своих бойцов. Мне и сейчас трудно забыть ту застывшую тоску.

Мне удалось встретиться с несколькими участниками этого позорного похода на Грозный.

«Наступление началось 30 декабря (а не 31-го, как писалось в газетах). Шли тремя колоннами по трем дорогам. Сначала, еще не доходя до Грозного, в ночь с 30 на 31 декабря, попали под бомбы своих же собственных самолетов. Я звоню генералу Р.: «Вы сошли с ума! Что вы делаете!..» Он мне: «Найдите и расстреляйте этого наводчика...» Мы находим наводчика: «Но я наводчик армейской авиации, а вас бомбит фронтовая...» — слышим в ответ...» — это свидетельство подполковника Д.

Но то были не единственные жертвы еще во время прохождения колонн на Грозный: из-за несогласованности действий армии и внутренних войск то и дело начиналась стрельба друг против друга.

Танки входили в Грозный, как на парад, с поднятыми вверх дулами. Они шли уверенно и спокойно-

но, по ним никто не стрелял — пока они не оказались в узких улочках центра Грозного. Потом взлетела зеленая ракета... Наперерез первому танку выскочил гранатометчик... Подбили первый, последний и танк в середине колонны... Потом, потом уже все было кончено, тем более что пехота, которая должна была сопровождать танки, опоздала на три часа...

Но именно в эти часы милицейский генерал Воробьев совершил подвиг, о котором вспоминают сейчас его подчиненные: когда его первых три бэтэра были подбиты, он остановил свою колонну, понимая, что дальше он ведет ее на бессмысленную гибель. В радиации слышались крики: «Вперед! Это приказ первого!.. Это приказ наиглавнейшего!..» Он не пошел, и неизвестно, как сложилась бы его собственная судьба, если бы спустя несколько дней он не погиб.

Не хочу оценивать стратегию и тактику наших военачальников, пославших на смерть тысячи солдат и офицеров. Хотя не понимаю, почему только лишь 7 февраля (по словам офицера-связиста) федеральные войска получили аппаратуру, способную глушить переговоры боевиков. Тем более не понимаю, почему не до, а после взятия дворца Дудаева (вот уж не думал, наверное, архитектор, проектировавший здание обкома партии, что он строит такое аристократическое сооружение) стало известно о существовании под центром города двадцатикилометрового туннеля, сообщавшегося с обкомом, по которому вполне могла пройти колонна танков: не Дудаев же его строил! И не знаю, почему только сей-

час, уже в январе, стало известно, что еще в 1992 году в Грозном было проведено крупномасштабное учение, на котором потенциальным противником была Россия — грош цена тогда всем нашим многочисленным спецслужбам.

Повторяю, проверять и анализировать эти факты, известные, кстати, слишком многим людям, дело специалистов.

Но одно несомненно: в войну ввергли совершенно неподготовленных солдат, многие из которых и в учебных стрельбах участвовали раз или два. Те же офицеры СОБРа привели мне множество примеров полной растерянности солдат и командиров. И, встретив в Моздоке высокого чина из Военной прокуратуры, услышал от него, как уже сегодня запугивают солдат, чтобы они не рассказывали, сколько же раз на самом деле они «играли в войну», перед тем как их бросили на войну не игрушечную, а настоящую...

Но это — только прелюдия, жестокая, кровавая, но хотя бы объяснимая патологической бездарностью наших генералов. А дальше начинается самое интересное: дальше начинаются деньги. Огромные деньги тех, кто в этой войне уже выиграл.

Еще в Москве, до отъезда в Грозный, знакомый ингушский писатель спросил меня: «А тебе не кажется, что в Грозном идет очень странная война... Ведь дорога на юг совершенно свободна и, как я знаю, именно по ней Дудаев получает оружие и боеприпасы...» Я не поверил и, прилетев в Моздок, начал уточнять, может ли быть такое на самом деле. Оказалось, да, может. Даже не одна, а две дороги

связывали ополченцев Дудаева с их базами: свободно вези, что хочешь.

Но это еще не все! Уже в Грозном я узнал о радиоперехватах дудаевского штаба: речь шла о том, куда будут внесены 100 тысяч долларов как плата за оружие, которое должно быть сброшено с парашютами. Но не люксембургский же самолет пересек российское воздушное пространство?!

И это не все! По словам одного из высших офицеров, на вооружении дудаевской армии находятся автоматы АКСМ 94-го года выпуска с восемью магазинами, оптическим и ночным прицелом. Эти автоматы, как сказал мой собеседник, производятся в Туле и в Ижевске и до сей поры так и не поступили ни в армию, ни во внутренние войска.

Одни проливают кровь, другие на этой крови обогащаются.

Да, на войне как на войне: подонство и благородство, мужество и грязь — близко, рядышком. Но что-то в этой войне совсем нехорошее, нехорошее настолько, что все больше и больше прихожу к одной странной версии: а не была ли придумана вся эта история с независимой Чечней лишь для того, чтобы легче, удобнее, безопаснее было делать себе миллионные состояния? Не только тем, кто в Грозном, но и тем, кто в Москве? На нефти, на оружии, на золоте? Да взять те же фальшивые авизовки, которые принесли России ущерб на два триллиона рублей в ценах 92-го года. Их называют «чеченскими», но, уверен, невозможно было провести эту операцию без российских, московских банковских структур. Да и люди, которые сейчас официально прохо-

дят по этому уголовному делу, живут — или жили — отнюдь не в Грозном и носят ну совсем чеченские фамилии: Горшков, Костючков... (называю лишь те, что уже звучали у нас же, в «Литгазете»).

Может, для того и нужна была такая Чечня и такой Дудаев? Чем иным объяснить, почему же он — раз уж такой враг России — до сих пор не лишен звания российского генерала? Почему свободно мотался по всему земному шару — не на баллистической ракете, а на самолете, пересекавшем воздушное пространство России? Почему и сами российские власти с ним время от времени заигрывали? Посчитал бы эту версию чистейшим бредом, если бы вдруг не нашел в Грозном один любопытный документ, который проливает свет на подпольную экономическую деятельность Чечни в России или.. или России в Чечне.

Судите сами:

8 февраля 1993 г.

КОНТРАКТ

Культурно-торговый центр «Эркээни» (Республика Саха), именуемый в дальнейшем «поставщик», с одной стороны, и Министерство финансов и экономики Чеченской Республики, именуемое в дальнейшем «покупатель», с другой стороны, договорились о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

«Поставщик» обеспечивает поставку в адрес «покупателя» золото 999 пробы в слитках в количестве 5000 (пять тысяч) кг по цене 556 000 (пятьсот пятьдесят шесть тысяч) рублей за один килограмм на общую сумму

2 780 000 000 (два миллиарда семьсот восемьдесят миллионов) рублей 00 коп.

ДОГОВОР ПОДПИСАЛИ:

От имени поставщика:

Генеральный директор *Кривошапкин*

От имени Министерства финансов и экономики Чеченской Республики *Т. Абубакаров*.

Как мне известно, сделка эта состоялась на одном из небольших аэродромов Азербайджана...

Грязная это штука, война. Совсем грязная. Возможно, правы те мои собеседники, которые сказали мне, что единственно «точечными» ударами российской авиации в Грозном были удары по банку и по Министерству финансов и экономики. Я уже ничему не удивляюсь. И тому, что оружие, на котором кто-то зарабатывает сейчас колоссальные деньги, будет последней операцией, после которой отпадет необходимость в самом существовании независимой Чечни.

А кровь льется. А война идет. И воюют люди, которые, как и всегда бывает в этих случаях, ничего не получают ни при победе, ни при поражении, а будут жить или погибнут лишь в качестве статистов этого грязного спектакля.

Мы застряли в пробке. Слева танки, справа танки. В воздухе гарь и копоть. Хлопки далеких выстрелов... Вдоль колонны военных КамАЗов бредет маленький черноволосый пацан. «Каша есть?» — кричит он водителю нашей машины. Азиатского вида водитель открывает дверцу и кричит пацану:

«Нет каши, нет...» Пацан подходит к следующей машине, и еще к одной, и еще, скрываясь постепенно за поворотом.

Что же, мальчик, мы с тобой сделали...

Теперь о том, о чем я тогда не написал.

Во-первых, почему меня занесло в Чечню.

Употребляю слово «занесло» по следующим причинам.

Начиная с конца 80-х СССР стал полигоном для локальных войн на собственных окраинах. Вспомните: Карабах, Сумгаит, Тбилиси, Баку, Фергана, Осетия, Абхазия... Уже все и не припомнишь — в такой трясине мы очутились. Эти войны требовали своего освещения. Освещения — тех, кто должен их освещать: журналистов.

Подобного опыта ни у кого из нас, естественно, не было.

Да, правда, была война афганская, но репортажи с нее были специфическими: видишь, а сказать не можешь, знаешь, а должен молчать, можешь написать правду, а вынужден нести чушь про «ограниченный контингент» да про «интернациональный долг», выполнение которого, судя по подцензурным газетам и еще больше — по подцензурному телевидению, напоминало игру в «зарницу» в музыкальном сопровождении Иосифа Кобзона.

Даже, помню, о трагедии Сумгаита я узнал из любительской пленки, посмотреть которую меня, со всеми предосторожностями, пригласили в какую-то квартиру на окраине Москвы.

Иногда бывали и потрясающие информационные

прорывы, как, например, у Юрия Роста, который первым на весь мир сообщил о новом оружии властей — саперных лопатках. (И то в собственной газете, то есть в «ЛГ», где мы тогда с ним работали, начальство испугалось публиковать его тбилисский репортаж, и он вынужден был отдать его Егору Яковлеву в «Московские новости».)

Да, а потом прорвало: был ликвидирован главлит, то есть цензура, осмелели редакторы — и вдруг откуда-то появилась целая команда военных репортеров, большей частью совсем молодых людей.

Я с интересом читал их репортажи с кровавых советских полигонов, но еще больше любил слушать их рассказы. И хотя они были удивительно похожи один на другой: запустили «иглу», попал на минное поле, пришлось самому взять в руки «калашников» — от них веяло юношеским военно-романтическим задором, сродни молодому Симонову.

Но мне уже было тогда за сорок, и в журналистике к тому времени я проработал уже больше четверти века.

Доказывать самому себе, что не боюсь грохота войны, считал неуместным. Я нормально отношусь к опасным приключениям, и у меня их в жизни было немало, от Вильнюса до Белого дома, не говоря уже о родных бандитах и КГБ. Да я и не считал себя профессионалом в описании военно-полевых романов. Тогда они казались мне (возможно, в этом была моя ошибка) слишком локальными, затрагивающими интересы различных национальных элит, сводящих между собой кровавые счеты. Ну ладно, как-нибудь разберутся и без меня.

Но с Чечней было все по-другому.

Я чувствовал, что это и всерьез, и надолго, и что еще будет много крови и — много денег, что в московских, что в грозненских кабинетах.

Поэтому внимательно следил, что там происходит, читал, слушал, встречался с очевидцами, разговаривал и иногда спорил с различными российскими политиками.

И писал в «ЛГ» о том, что узнавал, в чем сомневался и с чем был категорически не согласен.

Заметок до 95-го года я не нашел, но скорее всего они были: просто я так и не научился свои статьи сохранять.

Но вот что нашел. Злой и нервный комментарий на первой полосе «Литгазеты»: «Услышим ли мы снова от Бориса Ельцина: «Простите меня, своего президента»?

Он был вызван двумя событиями: Борис Николаевич, судя по этому тексту, вновь куда-то исчез и потом вновь возвратился (вот ведь была страсть у нашего президента к исчезновениям — прямо старик Хоттабыч! Даже со счету собьешься считать, сколько раз это было — по крайней мере, то, январское 95-го года, хоть убей — не помню).

И второй повод, конечно, Чечня, откуда приходили сообщения одно страшнее другого, хотя я тогда не подозревал об истинном масштабе трагедии новогоднего наступления на Грозный.

Вот что я тогда писал:

«Эйфория, неожиданно охватившая некоторые средства массовой информации в середине прошлой недели, лично меня повергла в состояние шока.

Какой это еще новый праздник придумали на нашей улице? Ах, наш президент, появившийся на вручении очередными послами очередных верительных грамот, выглядел «бодрым, уверенным в себе и полностью контролирующим ситуацию»? Ах, он обещал в течение нескольких дней прекратить военные действия в Чечне (день выхода «ЛГ» — среда: ну, что там на дворе?) Ах, он снова с нами! Он наконец-то проснулся и увидел, что же происходило в период его затворничества, когда слова о «полном контроле ситуации президентом» вылетали из неуверенных уст его помощников...

Да, естественно, политика и нравственность несовместимы. Но не до такой же степени!

И нет у меня сил поверить в то, что с того мгновения, когда мы увидели «бодрого и контролирующего ситуацию» президента, одна, исписанная кровью, страница кавказской войны закончилась и открывается новая, незапятнанная, чистая...

Увы, уже не поверишь, уже не утетишься и, боюсь, уже не простишь.

Меня умиляет — и как тут не вспомнить недавнее советское прошлое! — когда Олег Лобов в прямом телеэфире оправдывает гибель мирных жителей Грозного тем, что и США во время войны в Заливе «уничтожили триста тысяч не военных, а гражданских иракцев (знакомые американцы за голову схватились, в каком сне приснилась нашему Секретарю Совета безопасности эта фантастическая цифра), или когда Андрей Козырев с глубокомысленным видом объясняет нам, людям, еще по-коммунистически доверчивым, что и США тоже не хуже нас используют

свои вооруженные силы для разрешения своих внутренних конфликтов.

Ох, Америка! Что бы мы без нее делали? Откуда бы тогда еще черпали примеры наши политики?

Но почему же тогда они не вспоминают другие примеры из той же Америки?

Во время войны в Заливе (поддержанной тогда всем цивилизованным миром, и нами, кстати, в том числе) я оказался в Вашингтоне. И я помню не только разлитую по стране скорбь — больше десятка американских солдат погибли, случайно накрытые огнем собственной артиллерии, — их фотографии на первых страницах газет, их биографии, интервью с их родителями и друзьями, но и шквал возмущения по всей Америке, когда одна «точечная» бомба угодила в бомбоубежище, в котором находились мирные жители.

Что, наши ястребы забыли об этом?

Или — ближе, уже совсем рядом...

Судьба двух американских летчиков, сбитых в Боснии.

Не помнят? Не удивились, что лично президент Клинтон занимался их судьбами и вся Америка с напряженным вниманием следила, сумеет ли президент возвратить одного живого из плена и тело другого, погибшего там?

Всего двое... Капля в человеческом море, но все понимали, что не заметит президент этой капли — грош ему цена. Президент, которому до лампочки один-единственный попавший в беду гражданин, может ли он рассчитывать на доверие остальных своих граждан?

Слышу в ответ: но это тоже пропаганда, за которой стоит тонкий расчет и игра на популярность.

Думаю, и мы поняли бы своего президента, если бы в то время, когда громили российские военные городки в Грозном, когда захватывали в заложники офицеров российской армии, когда, наконец, Чечня не отдавала своих террористов, виновных в захватах самолетов, Россия бы вмешалась, провела военную экспедицию, заговорила языком силы.

Да, думаю, что поняли бы...

Но речь-то тогда шла именно о капле в человеческом море. А зачем ее замечать, если уже по-большевистски привыкли мерить все на десятки, сотни тысяч, на миллионы...

Помните, конечно же помните, когда на похоронах трех ребят, погибших возле Белого дома, Борис Ельцин сказал: «Простите меня, своего президента». Какой комок подступил тогда к горлу. Но — и гордость в сердце: вот. Наконец появился президент, достойный своего народа.

Где он, тот Ельцин?

Он скажет: «Простите меня, своего верховного главнокомандующего, за то, что посылал я на смерть необученных пацанов, в то время как элитарные части, в том числе и моя охрана, достигшая численности сорок тысяч человек, охраняли меня и мое окружение...»

Он скажет: «Простите меня, руководителя страны, за то, что у меня такой бездарный министр обороны и не могут его провалы оправдывать то, что он хороший партнер по теннису и мой сосед по новому дому в Крылатском...»

Он скажет: «Простите меня, председателя Совета безопасности, за то, что я наплевал на мнения своих советников и экспертов, а доверился сам уже не зная кому...»

Он скажет: «Простите меня, избранного вами президента, за то, что я доверил власть, данную мне вами, комердинерам и сторожам?..»

Боюсь, что теперь он уже промолчит.

Если я не ошибаюсь, газета с этим, повторяю, нервным и злым комментарием вышла в начале той недели, когда я улетел в ту свою первую чеченскую командировку.

Теперь, все-таки, почему я полетел...

Во-первых, уже в начале ноября 94-го события в Чечне начали развиваться так стремительно, что все яснее и яснее возникало ощущение какого-то ужаса, куда нас всех ввергли, и потому-то Чечня притягивала к себе, как в ранней юности на Кара-Даге тянуло заглянуть в пропасть.

Но была еще одна совершенно прозаическая причина, понять которую может только человек, сам причастный к журналистике, — текущий номер. Успеть, успеть, не опоздать...

Я работал тогда редактором отдела расследований «Литгазеты». В нашей стареющей и, увы, тогда уже затухающей газете лишь в нашем отделе работали молодые журналисты. И хотя специфика отдела была далеко не военно-репортерской, не просить же поехать под пули Анатолия Рубинова или Аркадия Ваксберга?

Вторым из отдела вызвался ехать Кирилл Б. —

еще работая до «ЛГ» в «Комсомолке», он облазил множество горячих точек. Тем более что ему представилась возможность поехать туда в качестве то ли переводчика, то ли сопровождающего какую-то американскую делегацию. То есть за их деньги. (А деньги нищей «ЛГ» — это особая лебединая песня. И потому сколько раз нас выручали совместные проекты с богатыми западными коллегами, когда их деньги и наши информационные возможности позволяли — чаще всего день в день с ними — печатать сенсационные материалы.)

Как я волновался, когда он улетел!.. Названивал в Назрань, просил Бориса Агапова, вице-президента Ингушетии, подстраховать нашего парня. Хотя как уж там, на войне, можно подстраховать...

Мы держали под его репортаж целую газетную страницу. До того момента, как держать пустую, ничем не заполненную полосу, уже становилось невозможным.

А он уже вернулся домой... Без репортажа.

— Ты подвел редакцию!.. Ты подвел меня!.. — помню, вопил я в телефонную трубку.

А он в ответ произнес слова, которые я и сейчас воспринимаю с обидой:

— Но не ты же давал мне денег на эту командировку!..

— Но у нас же команда... — вяло бросил я в ответ.

Да, и тогда мне надо было реабилитировать свой отдел.

Это, наверное, была еще одна из причин той командировки в Чечню, куда, честно сказать, мне ехать совсем не хотелось.

Мне было бы неинтересно писать об отступлениях одних и наступлениях других. Точно так же, как пули летят по степям. Вернее, по горам. Или — между гор.

Но одно мне было интересно: что могут делать в Чечне, в которой воюют, ребята из главного управления МВД по организованной преступности и из РУОПов?

Они же — не по этому делу... Во время войны дать приказ заниматься борьбой с мафией мог дать только сумасшедший. Или в Москве, там, в Кремле, не понимают этого? Если десятки военных академий и училищ не смогли создать команду генералов и офицеров для того, чтобы воевать, то, может быть, их лучше переквалифицировать в нормальных полицейских, а полицейских — в солдат?

Так я тогда думал, еще не понимая сути и сущности этой войны...

И я позвонил Михаилу Егорову, в то время — первому зам министра МВД и начальнику главка по оргпреступности.

— Михаил, мне надо в Грозный. Помоги мне выйти на своих, — попросил я его.

— Я тебя не пущу. Там тебя могут убить, — ответил он.

— Ты меня не можешь пускать или не пускать. Ты только помоги мне до них добраться...

Я почти дословно цитирую наш диалог.

— Ладно, черт с тобой... — ответил мне Егоров. — Скажи, когда ты летишь?

— Завтра утром... До Минвод...

— Тебя возьмут и привезут... Туда, к нашим.

Да, а потом было утро. Вернее, вечер и утро...

Да, вот еще что. В самом начале января 95-го я познакомился с Магомедом Угурчиевым. Тогда он работал в постпредстве Ингушетии в Москве. Где-то недели за две до этой командировки он пришел в «Литгазету». Во время январского штурма Грозного у него пропали два брата. Там, в Грозном, где он и его большая семья жили еще тогда, когда Грозный был столицей Чечено-Ингушской республики, и где они оставались жить и тогда, когда Грозный стал столицей независимой Чечни...

Рассказ его был страшен, и потому мы тут же напечатали крошечную заметку: «Исчезают люди»:

«В Чечне забирают мужское население. Берут их в основном представители Министерства обороны и МВД России, вывозят в Моздок, Ставрополь, Краснодар, Минводы. Там они находятся в изоляторах. Требуют от них, чтобы они признались в том, что они боевики Дудаева или шпионы Дудаева.

Вот факты, которые у нас имеются.

11 января задержали при выезде из Грозного ответственного секретаря ингушской республиканской газеты «Сардало» Ибрагима Угурчиева. На сегодня известно, что он находится в следственном изоляторе.

Еще пример. Сотрудник Ингушводстроя Чингисхан Амирханов сумел сбежать из моздокского изолятора. Сегодня он находится в Ингушетии. Ему в изоляторе отбили все внутренние органы. Эту информацию нам дал управляющий делами Совмина Ингушетии Асхаб Яндиев.

Еще один случай. 5 января пропал младший брат Ибрагима Угурчиева — Адам Угурчиев».

Да, я все это слушал, писал, но, честно признаюсь, тогда сам еще не пропускал через сердце все эти несчастья, обрушившиеся на тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей.

Да, и я летел вместе с Магомедом до Минвод (рейсы на все остальные города Северного Кавказа были уже отменены). Магомеду нужно было добраться до Грозного, чтобы найти следы своих братьев.

— Один брат даже не из Грозного, он живет в Сибири... Приехал в гости, а тут вдруг... Вышел из дома, его схватили... Где он теперь, как...

Слушая Магомеда, я тогда был уверен, что все будет в порядке... Найдутся братья... Отыщем... Не подозревая еще, что тысячи и тысячи людей канут в Чечне в безвестность. Так же, как и младший брат Магомеда, следы которого он не может найти по сей день.

Кстати, тогда, в полете, я услышал от Магомеда Угурчиева, как он представлял истоки всего российско-чеченского конфликта.

Дело в том, что он заканчивал московский Литинститут вместе с Яндарбиевым, который впоследствии сменил Джохара Дудаева на посту президента Чечни. Потом они долгое время занимали одну комнату в Союзе писателей Чечено-Ингушетии: один был консультантом по ингушской литературе, второй — по чеченской. (Вообще меня поражает, как много людей пишущих стали не описателями трагических событий, а людьми, о которых пишут: тот же Звиад Гамсахурдия, мой товарищ по «Комсомолке» Отахон Латифи, ставший одним из ярых таджикских оппозиционеров, Мавлади Удугов — как он сам

сообщил мне однажды — провалился на журфак МГУ, а Шамиль Басаев, оказывается, пишет песни. Вот уж на самом деле, «как наше слово отзовется».)

И вот что я еще услышал от него тогда, в самолете:

— Казалось, что все делалось специально. При всей эйфории свободы, положение в республике было аховое: разгул преступности, экономический кризис, люди без зарплаты... Но как только популярность Дудаева падала, в Москве что-нибудь придумывали, чтобы ее поднять. То Верховный Совет призывал к экономической блокаде Чечни, то Руцкой требовал бомбежек Грозного. И каждый раз это происходило, когда рейтинг Дудаева приближался к нулевой отметке. И, как следствие московских решений, тут же его популярность резко возрастала...

Потом я еще не раз мог убедиться в подобной взаимосвязи московских политических решений с событиями в Чечне. Но честно признаюсь, до сегодняшнего дня я не могу дать себе ответ, где была заданность, а где — череда нелепых случайностей.

Но, наверное, так всегда и бывает в человеческой истории. Вспомним хотя бы насморк Наполеона, стоивший ему победы...

Ну, а тогда я летел в Минводы, приближаясь, приближаясь, приближаясь к манящему и пугающему миру войны.

Что, помню, меня удивило: среди моих попутчиков было много людей, которые через Минводы хотели добраться до Грозного, чтобы вывести оттуда своих родных и близких. Помню парня из Украины, по-моему, из Харькова. Он летел за сестрой. «А как

же ты будешь добираться?» — спросил я его. В ответ он пожал плечами: «Я же не могу ее там оставить»...

Я понимал, что мне-то — куда легче. После звонка Михаила Егорова меня встретят. Меня привезут. Обо мне будут заботиться и меня оберегать.

Вообще-то при всех опасностях, которые случаются в нашей работе, нельзя эти опасности преувеличивать, а тем более — ими гордиться.

Все-таки журналисту легче, чем просто человеку без редакционного удостоверения, попадающему во всякие передрыги. И потому, когда меня спрашивают, не боюсь ли я, не угрожают ли мне, и если угрожают, то как я на это реагирую, я отвечаю уже заготовленной фразой: «Этот вопрос для студента журфака».

Я на самом деле уверен, что наша профессия не опаснее жизни.

Да, а война все приближалась и приближалась. Вот уже выпущены шасси... Вот уже внизу игрушечные дома... Вот уже взлетная полоса... Трое в камуфляже возле трапа... «Пока, Магомед, надеюсь, что братья найдутся...» — «Удачи тебе...»

Мы ехали из Минвод в Моздок. О приближающейся войне напоминал лишь «калашников» в руках у сержанта, который сидел на переднем сиденье военного «уазика».

— Ну как там? — спросил я у офицера из главка по оргпреступности МВД, которого послали меня встретить.

— Ничего хорошего... — ответил он и всю дорогу практически молчал, односложно отвечая на мои вопросы: «Да», «Нет», «Не знаю»...

Так начиналась моя первая чеченская команди-

ровка, впечатления о которой я довольно подробно изложил в статье, которую назвал: «За Родину? За мафию?»

О том, что не вошло в статью.

Первый вечер в Моздоке, где располагалась тогда главная военная база федеральных сил. Вагончик, в котором — штаб МВД. Знакомство с руководителем всех милицейских подразделений, начальником западносибирского РУОПа Юрием Проще-лыгиным.

— Егоров сказал, чтобы я тебя не пускал в Грозный. Кого надо, сюда привезем...

— Все равно поеду...

— Ну смотри... Тебе виднее... — пожал он плечами.

Помню, что меня удивило в первый вечер.

Во-первых, то, что все, с кем я тогда встретился, ходили под псевдонимами.

Ночью мы пили водку с генералом Широковым. Но оказалось, что никакой этот генерал не Широков, а на самом деле — заместитель командующего внутренними войсками (впоследствии, после покушения на Романова, командующий) Анатолий Шкирко. Оказалось, что он сам родом из Грозного, куда его родители переехали после депортации чеченцев. Вот ведь какие изгибы судьбы случаются!

Какие-то бытовые вопросы, которыми все были озабочены. Например, приехал собровец из Грозного, чтобы выбить кровати. Потом, уже в самом Грозном, на молокозаводе, я убедился, какой праздник был у собровцев, когда эти кровати были наконец-то привезены.

Помню, какое раздражение вызвал у меня мужик из Главка по оргпреступности (оказалось, что лет пятнадцать назад, когда он еще был лейтенантом, мы с ним даже встречались), который был комендантом пассажирского вагона, одиноко стоявшего в поле: там я ночевал в первую ночь и потом, после возвращения из Грозного.

Он был первым из тех, кто сам в Грозном и не был, но считал себя человеком войны: много рассуждал о боевых действиях и командовал постояльцами вагона, как заправский прапорщик. Потом, когда я уже вернулся из Грозного, он поразил меня вопросом: почему я не взял справку, что побывал под обстрелом? «А на кой она мне?» — удивился он. — «Как на кой? В личное дело», — удивился он моему вопросу.

(Потом мне рассказали о проверяющем полковнике из Москвы, которому дали медаль только потому, что в Моздоке он по пьянке сломал палец, но за бутылку получил справку, что палец сломан в бою. «Чем дальше от фронта, тем больше героев...» — как поет мой друг Сан Саныч.)

Помню, как долго не мог уснуть в первую ночь. Стоял, курил, смотрел на звезды. Время от времени слышались выстрелы: это развлекались пьяные солдаты...

Да, еще помню командира тюменского СОБРа, который нервно плакал: в тот день он потерял половину своих ребят.

Еще помню, как время от времени к штабному вагончику подходили чеченцы, и тогда меня просили выйти на улицу покурить: как понимаю, это были

милицейские агенты, или те, за кого их тогда принимали.

Как я писал в статье, из-за нелетной погоды ехал в колонне КамАЗов. Сначала в кузове, вместе с Юрой Прощелыгиным. Потом, по предложению Юры: «Давай, чтобы лучше видеть!», пересел в кабину последнего КамАЗа. Уже в горах, на подъезде к Грозному, наш КамАЗ застрял. Колонна ушла вперед. Помню, как занервничал собровец. «Тебе только оленей водить!» — зло бросил он водителю-якуту, который, как оказалось, за баранкой сидел всего три месяца.

Я делал вид, что, в принципе-то, ничего не боюсь, когда собровец нервно осматривал пугающие окрестности сквозь оптический прицел.

Потом все-таки тронулись и догнали колонну уже на подъезде к Грозному, где все поле было усеяно танками, время от времени стреляющими куда-то по верху дороги.

Тогда первый раз услышал выстрелы. Все было довольно громко.

В самом Грозном произошел очень смешной эпизод — меня арестовали.

— Давай, двигай на молокозавод, там штаб. А я — на «Северный», — сказал мне Юра Прощелыгин.

Я перебежал (да, именно так и было, потому что кругом слышались выстрелы) в другую машину — ремонтный фургон, на котором и въехал, не замеченный часовыми, на территорию молокозавода.

Было темно и грязно.

— Что вы здесь делаете? Как вы здесь оказа-

лись? — спросил меня небритый человек, у которого я попытался узнать, как мне пройти в штаб.

Я сказал, кто я и откуда.

— Я вас узнал, — зло бросил он. — Я вас спрашиваю, как вы здесь оказались?

Я начал объяснять, что приехал с Прощельгиным, что тот уехал на «Северный», а меня послал сюда, что с ним можно связаться и что он все объяснит.

— Не знаю никакого Прощельгина. Как вы оказались на территории воинской части. Черт знает, что происходит! — буркнул небритый человек, как оказалось, зам начальника штаба.

Меня отдали — до выяснения личности и не являюсь ли я дудаевским шпионом — под охрану парня из московского РУБОПа.

Мы мирно беседовали под потрескивание поленьев в печурке (прямо как в каком-то знакомом с детства кино), вспоминая общих знакомых. Тогда-то он мне и сказал, что не понимает, зачем его сюда прислали: каких здесь можно ловить преступников, когда кругом идет пальба?

Часа через два наконец-то все выяснилось, и сквозь несколько пролетов вниз, освещая ступеньки фонариком, меня провели в глубокий подвал.

Кровати в два ряда, длинный стол, карта на стене...

Поразил аскетичный ужин — ни капли водки. Вот, подумал я, мужики дают! Вот что значит война!

(Как потом, спустя два месяца, смеялся сам над собой и над ситуацией, которая вокруг меня сложилась. В редакцию приехал полковник Леша Покровский — тот самый, который меня арестовывал, и рас-

сказал, как они все мечтали, когда я наконец-то уеду. «Нам тогда генерал сказал: «Попробуйте только выпить! Он же напишет!» Бедные мужики!»

Спать мне отвели (все-таки гость) в отдельной комнате. Там спал легендарный командир «Витязя» Герой России Лысюк и еще трое.

Среди ночи запищала рация: наблюдатель докладывал, что возле молокозавода крутятся подозрительные «Жигули».

— Давай... Только поосторожней... — сказал Лысюк своему заму.

Тот одевался, как космонавт: шлем, бронежилет, какие-то разные, непонятные для меня, собровские причиндалы.

— Если что, скажи собровцам, чтобы по нему шархнули, — напутствовал его Лысюк.

Он вернулся через полчаса. Никто не уснул, пока он не вернулся.

Наутро я познакомился с полковником Юрием Зайцевым, командиром западносибирского СОБРа, и его ребятами.

Когда я уговорил его, чтобы они взяли меня с собой в их бэтээр, мне предложили одеться в камуфляж и надеть «сферу», то есть каску. Я отказался: нет, я человек гражданский. Правда, бронежилет нацепил.

Естественно, я отказался брать и автомат: если, не дай бог, что-нибудь случится, человек, найденный убитым не с диктофоном, а с автоматом, уже не может считаться журналистом. Даже посмертно.

Ну а потом была эта передряга, о которой я написал в статье.

Когда мы вернулись, ребята попросили вместе сфотографироваться.

Я удивился, когда спустя какое-то время получил из Новосибирска пакет с фотографиями. На одной я нашел трогательную надпись: «Юрию Щекочихину на память в знак признательности за его вклад в построение правового государства. СОБР Зап. Сиб. РУОП».

Вообще-то я рад, что жизнь свела меня с ребятами из СОБРа. Наверное, из-за того что жизнь постоянно ставила их в опасную ситуацию, да и сама жизнь постоянно оборачивалась к ним своей темной и грязной стороной, в них чувствовалась та сила — не показная, громкая и наглая, а спокойная, истинная, которая склеивает хрупкое наше существование и придает ощущение надежности.

Нет, они, естественно, не радовались тому, что оказались в Чечне. Больше того, вместе мы материли московских политиков и жалели необученных пацанов, брошенных в это кровавое месиво. Но раз они оказались на этой войне (хотя могу повторить то, что написал тогда в газете: не дело СОБРов участвовать в боевых действиях, они — специальные отряды быстрого реагирования — были созданы для борьбы с бандитскими группировками), то старались делать свое дело честно и основательно. Потому-то, наверное, я ни разу не слышал плохих слов в их адрес: их никто не обвинял в трусости, не кидал им вслед презрительно: «Мародеры», как, к примеру, называли омоновцев, да и в издевательствах на filtroпунктах они замечены не были.

Спустя примерно год, в разгар избирательной

кампании по выборам в Госдуму, я вместе с Владимиром Лукиным прилетел в Новосибирск, чтобы поддержать «Яблоко». Позвонил Юрию Зайцеву: «Собери ребят. Я расскажу о нашей программе». Когда я пришел, в его тесной командирской комнате меня ждали ребята, с которыми мы познакомились в том военном грозненском январе. Водка на столе, колбаска порезана... «Только давай, не надо нас агитировать. Мы же виделись там...»

Была еще одна встреча со знакомым собровцем, уже московским. Совсем неожиданная и нечаянно сорвавшая одну, как мне тогда казалось, важную встречу.

Когда убили Влада Листьева, я начал самостоятельное газетное расследование, открыто объявив об этом по телевидению и сообщив номер своего редакционного телефона.

Это, конечно, отдельная история, в которой было немало захватывающих приключений.

Но однажды мне позвонили из МВД и сказали, что дело-то мы делаем хорошее, но для меня оно может плохо кончиться («И у тебя неприятность, и у нас лишний труп», — сказал зам министра), тем более что напротив окон моего кабинета, на чердаке дома на противоположной стороне улице, засекли не то наблюдателя, не то снайпера.

Так я начал ходить под охраной собровцев.

Первая наша встреча с этими ребятами, возможно, лишила нас важной информации, но с другой стороны, может быть, оберегла от какой-нибудь опасности.

Очередной телефонный звонок:

— Я хочу вам сообщить кое-что важное... Очень важное...

— Приходите в редакцию...

— Это исключено.

— Подходите к редакции. Я выйду на улицу.

— Это исключено.

— Где, когда? Я приду.

— У вас. В Переделкине. На перекрестке возле детского санатория, — услышал я, удивившись осведомленности моего собеседника о том, где я живу.

Мы договорились, что встречаемся на следующий день в одиннадцать утра.

— Один не пойдешь, — предупредил меня полковник из ГУОПа, входивший в следственную бригаду. — Тебя ребята подстрахуют...

Помню дорогу от дачи до перекрестка. Кто ждет? Что ждет? Приблизусь ли я к разгадке или еще больше запутаюсь? Кто эти ребята, которые будут подстраховывать? Как я их найду? А они меня? И вообще, зачем все это? Бред какой-то...

Что-то такое, наверное, мелькало тогда в голове, пока я сворачивал со своей маленькой улочки налево и вдоль леса шел в какую-то неизвестность. А может быть, ничего такого и не мелькало. Просто шел на одну из тайных встреч, которых — учитывая специфику газетной специализации — в жизни было множество. Кстати, и меня страховали, и я сам страховал (это как нормальная техника безопасности), правда, обычно это были коллеги-журналисты или просто — близкие друзья. Представители государства меня страховали впервые в жизни, и уже это само по себе было интересно...

Гаражи, сейчас направо, снова налево... Вот он, перекресток... «Волга»... Она? Он?

Дверца «Волги» распахнулась... И выскочил парень, знакомый мне по Грозному, тогда, в январе... Тот, кого я увидел в Моздоке, когда он приехал за кроватями для собровцев, базирующихся на молокозаводе.

— Вот так встреча! — обрадовался я.

Мы обнялись, и я стал спрашивать, как там ребята? Все ли живы? Никто ли не ранен?

Мы стояли рядом с «Волгой», которую даже юный дзержинец не перепутал бы с «конторской» (антенна на крыше, еще трое в машине), позабыв все правила конспирации.

А прямо на нас, на перекресток, на большой скорости мчался «мерседес» с затемненными стеклами. И не доезжая до нас, метра за два резко развернулся — и помчался в сторону Можайского шоссе.

— Лучшего места для разговора мы с тобой не придумали. На глазах у всех. Теперь, когда они увидели, что я пришел не один, они больше не приедут на встречу. Они не идиоты, — огорчился я.

— Да черт с ними... Если на самом деле что-то знают и о чем-то хотят сообщить — еще позвонят. А если нет — даже к лучшему, что они видели: тебя страхуют... Сам знаешь, какая сейчас жизнь...

Потом машина с собровцами отъехала в сторону, в тень деревьев. Я еще час одиноко бродил по перекрестку. Тот «мерседес» больше не приехал.

Правда, больше из тех мне никто и не перезванивал...

Эти встречи — уже после той первой чеченской

командировки — не имеют отношения к тому, о чем я пишу сегодня и о чем вспоминаю, уже не сумея забыть, наверное, никогда.

Но чем дальше живу, тем больше убеждаюсь в том, как причудливо переплетаются события, происходящие в нашей сегодняшней жизни, как становятся для тебя одним-единным событием, в причинах которого ты пытаешься разобраться: кто виноват? такое время? такой человек? такая страна? ты сам?..

Ну ладно... Теперь о том, о чем тогда не захотел написать... Или не смог?.. Нет, все-таки — не захотел.

В Моздоке, в штабе нашей группировки, я познакомился с полковником транспортной милиции из Москвы.

— Вы не представляете, что здесь происходило при Дудаеве. Ни один поезд не мог пройти через территорию Чечни! Ни один! Как в гражданскую войну выходили целым селением, перегораживали железнодорожное полотно и грабили. Сейчас в чеченских квартирах можно найти целые склады!

Помню, он мне даже показывал справки: сколько поездов подверглись нападениям, сколько сотен тысяч тонн грузов исчезло из поездов, наконец, как часто нападали на пассажирские поезда.

Цифры я переписал в блокнот, думая, что они мне потом пригодятся.

Не пригодились, хотя у меня не было оснований сомневаться в их правдивости.

Больше того! Скорее, думаю я сегодня, не написал об этом больше интуитивно, чем сознательно.

Тогда, еще в январе, я чувствовал, что единственным доводом пропагандистов этой войны, чтобы

объяснить солдатам и офицерам, для чего их сюда бросили, был один: мы воюем против криминального государства (так как мало кого можно убедить в идее «восстановления конституционного порядка»). Не бьем народ, а укрепляем Россию. Поэтому то мне не хотелось присоединяться к этому хору.

Второй опущенный мною эпизод был более серьезным, и я не привел его совершенно сознательно.

В двух шагах

от молокозавода
находился пункт
Красного Креста.

Каждое утро воз-
ле него собира-

лась толпа, уже не обращающая внимание на то, что происходило вокруг. У них не было лиц — только тени от лиц. Они не перебежали дорогу под свистами пуль — они медленно проходили сквозь пули. С такой же отрешенностью во взглядах они тащили на тележках и муку, которая досталась им в качестве гуманитарной помощи, и укрытые мешковиной трупы своих родственников. Были это в основном женщины, дети, старики, старухи. В подавляющем большинстве, естественно, не чеченцы, которых родственники сумели увести в горные селения — подальше от войны.

Я подошел к ним. Меня узнали. И первое, что я услышал:

— А что же ваш Ковалев не боролся за права человека, когда нас за бесценок заставляли продавать квартиры? Когда издевались над русскими? Когда каждую ночь могли ворваться в наши дома?

Я понимал состояние этих людей, когда они чуть ли не с кулаками бросились на меня. Я верил им, когда они меня спрашивали: «Почему Ковалев пришел к нам в сопровождении охраны Дудаева?» Я даже старался их понять, когда слышал, что наших солдат встречали как освободителей, хотя уже тогда знал, что мародеры не различали дома, в которых жили чеченцы и в которых жили русские.

Но я также знал, что не могу об этом писать.

Даже не потому, что с огромным уважением относился и отношусь к Сергею Адамовичу Ковалеву и убежден, что каждый его поступок — поступок честный, искренний и мужественный.

Нет, именно тогда, в январе 95-го, именно на Сергея Ковалева, председателя Комиссии по правам человека при президенте, виновники войны и виновники трагедии Грозного пытались свалить все свои ошибки, все свои преступления, всю свою военную бездарность.

— Зачем он сидел в дудаевских подвалах? За кого он? — матерясь, спрашивал меня в Грозном до смерти уставший майор.

— У каждого своя профессия. И свое призвание. На этом построено любое общество — на борьбе противоположностей. Ковалев честно делает свое дело! — пытался объяснить я ему.

— А, пошли вы... — зло бросил он мне в ответ.

Напиши я тогда это — и статья получилась бы не против тех, кто затеял эту войну, а лично против Сергея Адамовича. Но таких статей хватало и без меня.

Сейчас, повторяю, я не хочу ничего, ни единого слова менять в тех репортажах, которые были опубликованы.

Но, естественно, от командировки к командировке, от встречи к встрече менялось мое отношение — нет, не к самой войне, а к тому, что происходило вокруг этой идиотской и кровавой войны.

Потому сейчас хочу дать объяснение тому, что тогда напечатал.

Так, допустим, сумма, которую, по словам парня из подмосковного СОБРа, получали разные иностранные наемники за каждого убитого спецназовца — до 1000 долларов, так же, как и то, что за каждым наемником следили по два чеченца, — все это из области обыкновенных фронтовых легенд. Точно так же, как истории, повторявшиеся из публикации к публикации, о неуловимых «белых колготках» — эти «колготки» проходят через все подобные войны: о них все рассказывают, но никто их не видел.

Но чеченской войне (точно так же, как войне в Абхазии или в Таджикистане или в той же Югославии) непременно сопутствовали истории, повторяющиеся из уст в уста, и каждый рассказчик утверждал, что видел все своими глазами: так, к примеру, вся эта жуть, что чеченцы кастрировали наших захваченных в плен солдат.

Никакого медицинско-документального подтверждения, как не искал, так и не нашел.

Любопытным оказалось продолжение с якутским золотом, поставленным в Чечню.

Спустя несколько дней после публикации мне позвонил Валентин Логунов, мой бывший коллега по межрегиональной депутатской группе на Съезде народных депутатов СССР. Оказалось, что он стал помощником якутского президента Николаева и что в

Якутии уже проведено расследование по поводу моей публикации.

— Ну и что?

— Контракт такой существовал, но сама эта фирма была организована одним мошенником и, естественно, никакого золота не поступало.

Так мне сказал Валентин Логунов.

Не знаю, не знаю...

По крайней мере, Генпрокуратура направила в Якутию своих следователей. Чем кончилось расследование — не знаю. Мне не сообщили, да я уже и сам не интересовался.

И еще одна цифра, которую я привел в том своем первом репортаже: около трех тысяч только убитыми на 6 января.

*А зачем их туда посылают,
Матерей-то опять не спросили.
Почему вас всегда убивают,
Самых лучших и самых красивых.*

Помню, тут же после публикации ко мне в Переделкино приехали «Вести», и эту цифру потерь я озвучил в

вечернем эфире. На следующий день я ждал официального опровержения — не дождался. И на следующий день. И на следующий.

Думаю сейчас, что эта цифра — точная.

Именно тогда почти полностью полегла Майкопская бригада. Такая же судьба постигла злополучную 201-ю.

Мне рассказывали про маму солдата, которая бродила по военной базе в Моздоке, дергая за рукав каждого проходящего начальника и показывая справку, на которой было написано: «... в списках

живых, убитых, раненых, пропавших без вести не значится». Справка была написана под копирку, а имя и фамилия, как всегда в подобных бюрократических документах, вписаны от руки.

— А где служил ваш сын? — спросил ее полковник Александр Чикунов, когда она подошла и к нему на пороге госпиталя, где он лежал.

— В Майкопской бригаде...

«Я не мог смотреть ей в глаза», — расскажет мне потом Саша...

Тогда, в Грозном, очевидцы январского наступления рассказали мне, как и что это было. С того января я узнал много новых подробностей того, как и почему погибали необученные пацаны под началом полубоученных генералов. Но вот совсем недавно, летом 97-го года, от Саида (о нем речь еще впереди) услышал слова, которые по сей день звучат во мне:

— Я помню, в Старопромысловском районе улицы, как горохом, были усеяны телами солдат.

Как горохом...

Поздней весной Комитет по обороне Госдумы провел полузакрытые слушания о причинах гибели российских военнослужащих в Чечне. Кроме стыда, я ничего не испытал на этих слушаниях: по логике высшего военного генералитета, если бы не плохие солдаты и плохие офицеры, то хорошие генералы непременно бы эту войну выиграли.

*Сколько там наворочено —
Не прикроешься строчками.
И опять нас во всем винят.
Только не предавай меня,
Родина,
Не предавай меня.*

Я не мог все выдержать до конца. И не только я. Майор Вячеслав Измайлов и полковник ВВ Александр Чикунов, участники этой войны, тоже ушли раньше с заседания.

За генералов стыдно...

После той январской бойни никто из наших генералов так и не нашел в себе мужества сказать: «Хватит! И так уже много ребят мы положили за несколько дней войны. Как горох...»

Потом, уже намного позже, в Грозном, когда был установлен маленький хрупкий мир, я увидел Василия Ефимовича Сидорова, который спустя полтора года после гибели нашел останки своего сына Андрея. Я написал и об этом в «Новой газете». Мне позвонили из Минобороны, с «горячей линии» — спецтелефона, по которому родители пытаются отыскать следы своих пропавших сыновей, — и сообщили, что рядовой Сидоров в списках Минобороны не числится.

— Как не числится?

— Значит, он был в строевых списках. Или его забыли вписать... — грустно вздохнул мой собеседник из Минобороны.

И таких примеров — множество. Посылали из других частей. Чтобы скрыть потери, тасовали пацанов, как колоду по разным частям. Меняли записи в военных билетах. Обманом отправляли в Чечню (как однажды рассказал Сергей Смирнов, корреспондент «Новой газеты», о «батальоне сирот», который специально готовили для Чечни, в уверенности, что их никто не хватится — некому).

Тогда, в январе 95-го, я еще не знал всю меру этой подлости...

... — Надо попробовать улететь с «Северного». Что-нибудь оттуда должно идти, — предложил Юрий Зайцев.

Меня провожали. Точно так же, как сами провожаем гостей в Москве — из центра в Шереметьеве.

Только ехали на бэтээре.

Я сидел сначала на броне, чтобы еще раз окинуть взглядом окрестности.

«Дороги становятся час от часа безопаснее, многочисленные конвои — излишними... Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем...»

Разбитая дорога, хлопки выстрелов, канонада за Сунджей, труп у дороги, еще один, еще... Навстречу, на такой же

огромной скорости, как мы, промчался бэтээр, на котором

*Генералы — они тоже разные:
Кто в окопах с бойцами — красивые,
В кабинетах — те безобразные.*

развевался красный советский флаг и откуда несся на всю мощь какой-то шлагер... Не то «На-На», не то Люба Успенская... Черт их разберет...

Потом спустился вниз, под броню. Помню двух собровцев, припавших к пулеметам у амбразур. Какой-то перелесок с перерубленными снарядами деревцами...

Потом «Северный». Один блок охраны, второй, третий... Спросили у генерала, одетого в новенький камуфляж, есть ли что-нибудь на Моздок? Он, как мне показалось, брезгливо покосился на грязный камуфляж Юры да и на мои черные от грязи джинсы и бросил: «Узнайте там... Там генерал» — и важно кивнул по направлению аэровокзала.

Помню какой-то плакат на выщербленной от пуль стене аэровокзала: не то «Миру — мир», не то что-то про нерушимую дружбу народов.

Оказалось, что должен лететь зам командующего ВВ Анатолий Шкирко, с кем мы полночи просидели на базе в Моздоке.

Потом — полет. Тоже пулеметчик в хвосте Ана. Потом — Моздок. Долгое ожидание — будет борт на Чкаловск или не будет. Полет — вместе с «грузом 200» и ранеными. Знакомство с Сан Санычем, о котором я расскажу отдельно. Чкаловск, редакция, ребята ждали с бутылкой водки. Ночью писал статью и отмачивал от грязи джинсы.

Спустя несколько дней в редакционной бухгалтерии меня спросили, есть ли у меня квитанция за гостиницу. Я посмотрел на эту тетку как на сумасшедшую.

Так закончилась первая чеченская командировка.

**БЛОКНОТ ВТОРОЙ:
ГОД 1996-й**

Как вас теперь называть,
Тех, кто остался в плену.
Память нельзя оборвать,
Совесть нельзя обмануть.
Вас победить не смогли,
Проще предать и продать.

Три матери трех сыновей этой чудовищной войны. Я могу вам сообщить, что ваши дети, которых посчитали исчезнувшими, живы. Полевой командир дудаевских войск просил передать, что они находятся в плену и их можно найти в Новогрозненском, связавшись с Умаром Сайдиевым, начальником особого отдела Северо-Восточного фронта. Их имена: Алексей Ватерков (из Карелии), Алексей Прокофьев (из Ленинградской области) и Эдуард Притчин (из Кургана). Простите меня, матери других жертв этой войны, что я не смог привезти вести о ваших пленных детях.

Воскресенье. Мы едем на переговоры с Асланом Масхадовым. Не знаю, на что надеемся, но человек не может жить без надежды. Точно так же, как и человечество.

День назад мы пересекли границу между Дагестаном и Чечней. Полевой командир в селе Герзель говорит нам:

— Скажите, зачем бомбят наши села? Пусть бомбят боевиков, но при чем здесь мирные жители? — И добавляет: — Сообщите Ельцину, не надо давать миллиард долларов на восстановление Чечни. Пусть лучше отдаст эти деньги на зарплату шахтерам, а нас оставит в покое.

Потом появляется мальчишка с тремя «шмелями» — смертоносным оружием для российской техники. Он улыбается:

— Три танка из колонны подобьешь, а остальные тут же останавливаются и солдаты разбегаются.

Он улыбается, а мне страшно. Нет, не потому, что он сейчас увидит во мне врага и, приняв за танк или БТР, пунет этим «шмелем». Просто уж таким вырос этот мальчишка. А сделали его таким мы с вами. Мы. Все мы вместе.

Сейчас, когда мы едем на переговоры о судьбе пленных — нет, не только новосибирских омоновцев, а всех ставших «кавказскими пленниками» три месяца, полгода, год тому назад и забытых бесчувственным Павлом Грачевым (в списке, который мне передали ребята из «Мемориала», их насчитается сто двадцать девять), — да, вот сейчас я вспоминаю эту картинку и улыбчивого пацана со «шмелем».

Я был здесь год назад, в начале этой идиотской войны. Тогда брали Грозный и подняли над бывшим зданием обкома партии российский флаг. Тогда хотя бы было понятно, где проходит линия фронта — того фронта, который мы сами провели на территории России. Сегодня уже совсем ничего непонятно. Едешь километр — федеральный блокпост. Еще километр — блокпост дудаевских боевиков. Посмотришь направо из окна машины — поле, грязь,

землянки, танки, бэтээры, пацаны в солдатской форме, уныло глядящие нам вслед. Въезжаешь в село — такие же ребята с автоматами. Но уже не те, другие. Противники тех, кто сидит в грязи. Наш провожатый подсаживает в машину человека в камуфляже. Протягивает руку: «Я зам командира полка по хозяйственной части». И тут же поправляется: «Ополченческого полка». То есть не нашего. Вражеского. Того, с кем воюют измученные бессмысленностью этой войны федеральные войска.

Здесь нет линии фронта. Здесь — шоссе между Ростовым и Баку, на нем попеременно стоят то блокпосты федеральных войск, то посты войск, состоящих из людей, старых и молодых, которые совсем еще недавно прошли ту же самую, что и их враги, школу Советской Армии.

Да, итак, воскресенье...

— Давай, покажи свое депутатское удостоверение, покажи наши полномочия, — говорит Надыр Хачилаев, председатель Союза мусульман России, который, как и Багаутдин Магомедов, депутат Народного собрания Дагестана, входит в нашу делегацию по переговорам о судьбе пленных. — Давай, давай...

Перед нами — армейский блокпост. А за нашими машинами — еще машины, большей частью грузовики, на которых едут люди, собирающиеся на митинг в Грозный.

— Назад! Буду стрелять! Назад! — кричит солдат, когда я пытаюсь ему объяснить, что мы не на митинг, мы — в Новогрозненское, где намечена встреча с Асланом Масхадовым.

— Кому говорю! Назад! Все — назад!

И я вижу в его глазах только ненависть измученного мальчишки, кому судьбой досталось играть в войну, но не в детской песочнице.

Еле-еле находим офицера. Долго ждем, когда же он соединится с еще одним офицером, а тот еще с одним, и еще, еще, еще...

Сзади кричат чеченцы, как стая растревоженных птиц. Оглядываюсь — море зеленых флагов: именно эти люди с флагами, как узнаю позже, уже перед отлетом, из дневных «Вестей», устраивали митинг в Грозном.

Все, все... Они — наши, но они теперь другие. Не знаю, кто стал взрослее, кто — моложе, но уже никто не заставит этих людей, наших сограждан — бывших, сегодняшних, завтрашних, — перестать кричать «Аллах акбар!» и бороться за свою независимость.

— Только скажите там, в Москве, что мы не звери. Чеченцы — не звери! — подходит ко мне старик. — Вы живете так, а мы — так. А потом снова полюбим друг друга.

Ну все, переговоры закончились. Уже позади вкопанный в землю танк. И солдат с нацеленным автоматом. И — война.

У въезда в Новогрозненское — рынок. Бегают дети. Толпа, женщины. В киосках — почти московских — сникерсы и пепси. Здесь — мир. Всего в полукилометре от войны.

Новогрозненское — селение между двумя блок-постами, где еще за несколько дней до нашего приезда, до того, как их перевезли в горы, находились новосибирские омоновцы, плененные под Первомайском.

Обычный поселок, в котором ничто не напоминает о войне. Кроме одного: именно здесь намечена

встреча и переговоры о судьбе пленных с Асланом Масхадовым.

Я думал увидеть окопы, посты, вооруженных до зубов боевиков, услышать: «Стой, руки вверх! Буду стрелять!», рассчитывал испытать наконец-то чувство опасности от прикосновения к происходящему. Да ничего подобного! Поселок как поселок, люди как люди, дороги как дороги, машины как машины, жизнь как жизнь. Только встречи неожиданные.

Бывший зоотехник, а ныне полевой командир Насир Хаджи представляет парня:

— Это Ибрагим. Он провел операцию по разблокированию Первомайского. Расскажи, Ибрагим... — И тут же мне: — Он у нас парень скромный. Не любит говорить.

Здесь есть свои Матросовы и Зои Космодемьянские, свои Рокоссовские и Жуковы. Здесь те, кто борется с федеральными войсками. То есть с нами. С нами, с нами. С кем «с нами»?..

— Когда ваши окружали Первомайку, а их там было семнадцать с лишним тысяч человек, а наши... — говорит Ибрагим, знаменитый полевой командир... И тут же: — Наши, ваши... Все были одними, а тут вдруг...

И дальше о том, как они уже планировали взять еще один поселок, чтобы обменять группу Радужева на очередных заложников, как лихо бились его ребята, как прорвали они кольцо окружения. В его голосе уже слышен азарт победителя над мощной барсуковской армией, как вдруг — опять о том же: как же так случилось, что мы стали врагами — я, русский, и он, чеченец?

— Когда погибает один наш боец, у нас трагедия, а у вас целый батальон гибнет — и все спят спокойно. Ребят ваших жалко. С контрактниками мы беспощадны, а этих пацанов...

Верить ему? Не верить?

Верить ли в то, как заботливо относятся к нашим пленным, или списать все на обычную пропагандистскую игру? Не знаю, не готов ответить... Но животное и человеческое всегда уживается в людях. И здесь уже не до их национальности.

Армейский майор всего в полукилометре от Новогрозненского, где гуляют, перекидываются новостями знаменитые дудаевские боевики, рассказал мне, что день назад задержали пятнадцатилетнего чеченского пацана, который продавал солдату водку, разбавленную клофелином. «Задержали — и что? Думали обменять, а потом решили — черт с ним, пусть идет на все четыре стороны».

Есть и это. Есть и то, и другое. Кровь и зверства, герои и подонки. Но над всем этим — деньги.

Позже, возвращаясь в Москву, услышал от своего коллеги, депутата Госдумы Гамида Гамидова:

— Радуев сказал мне: «Кажется, что у Барсукова и Дудаева один хозяин. И он сидит в Москве».

Я прошу прощения у коллеги, что передаю наш личный разговор, но ведь то же самое я слышал от многих и многих во время этой командировки. Все — и федеральные офицеры, и дудаевские боевики — уверены, что за этой войной стоят колоссальные финансовые интересы. И даже тогда, когда одни говорят о независимости, а другие не могут понять, чего же хочет от них Кремль: разить всех чеченцев или уйти отсюда, — все вместе утверждают, что больше

такой дикости и чуши, таких грязных игр допускать нельзя.

Ну ладно... Об этом и так все знают.

Итак, воскресенье.

Сидим у Аслана Масхадова. Сначала всей делегацией. Потом — один на один.

— Поезжайте в Москву. Скажите там, чтобы Москва отдала наших бойцов, — услышал я от Масхадова. Буквально за несколько минут до этого в тесной комнатке дома у въезда в Новогрозненское я увидел матерей и жен бойцов новосибирского ОМОНа и понял, что наша миссия — вернуть пленных — скорее всего сорвется.

Но мы ехали не только для того, чтобы вернуть нескольких. Нам хотелось освободить всех. И наших. И не наших. Бывших наших. Будущих наших, если они захотят снова быть вместе с Россией.

— Нет, — сказал мне Аслан Масхадов, — больше просто так отдавать никого не будем. Хватит. Мы и так уже много отдали. Наши условия — обмен всех на всех.

— Но ваши боевики, захваченные в Первомайском, являются террористами... По российским законам. И не только по российским.

— Для вас они террористы. Для меня — это мои бойцы.

— Скажите, — спросил я Аслана Масхадова, — действительно ли Радуева отдают под суд за нападение на Первомайск?

— Радуева мы будем судить за то, что он совершил.

— По законам шариата?

— По законам нашего военного трибунала.

Сейчас я не могу, да, наверное, и не имею права

пересказать весь наш разговор. Могу только добавить, что, по словам Аслана Масхадова, он и сам не знает, кто взял в заложники православных священников, кто — энергетиков.

Масхадов предлагает вернуться к ситуации 30 июля прошлого года. Тогда была достигнута договоренность обменять всех на всех.

«Правда, — добавил Масхадов, — не повторяйте ваших шуток, когда под видом моих бойцов подсунули чеченских уголовников из Саратова. Оставьте их себе. У нас таких хватает».

Вот, пожалуй и все, что я увидел и почувствовал во время этой командировки в Чечню.

Только еще одно: невозможно вести никакие переговоры, когда — словно специально для нашей встречи — снова начались удары с воздуха по чеченским селам.

По словам полевого командира Лече Юсупова, назначенного Дудаевым комендантом селения Новогрозненское, с 1 по 3 февраля в результате обстрела федеральными войсками населенных пунктов, расположенных вблизи главного штаба дудаевских формирований, разрушено 400 домов, 114 мирных жителей погибло. Речь идет о населенных пунктах Центорой, Ялхой-Мокх, Аллерой. В последнем селе разрушено 13 домов.

Об этом ни в одной телепрограмме не сообщалось.

Воскресенье. Я только что оттуда.

Все. Хватит.

Чтобы Россия выиграла, Россия должна проиграть эту войну.

Спустя две недели началось мощное наступление на Новогрозненское

*На наших руках умирали солдаты,
Мы честно свое под огнем отпахали.
Кто там, за спиной — мы за тех
виноваты.
Они нашу честь, наши души продали.*

(этим, наверно, и объяснялась тогда нервозность наших военных). И в следующем номере газеты я написал вторую статью после этой командировки, может быть, в чем-то и повторяясь, но скорее — чтобы со всей ясностью еще раз объяснить, что же я там видел.

Новогрозненское — селение на трассе Ростов-Баку километрах в двадцати от границы Чечни и Дагестана. Селение — по-русски большое село, напоминающее районный центр где-нибудь посредине России: несколько каменных зданий, оживленный придорожный рынок, дети, бегающие по улицам, женщины, стоящие возле магазинов, собаки, без любопытства наблюдающие то за людьми без оружия, то за людьми с оружием.

Старыми, молодыми, подростками...

Новогрозненское — прифронтовое село, но две недели назад ничто там не напоминало о линиях укреплений, долговременных подземных коммуникациях (образ которых так полюбился нашему президенту), просто окопах, всем том, что отличает мир от войны, а фронт — от тыла.

Сворачиваешь с шоссе — и пожалуйста: можешь попить пепси-колы, можешь купить кусок курицы, можешь просто так проехаться по селению, и если что тебя и удивит, так это народ в камуфляже, а кое-кто с автоматами, которые носят, по врожденной

привычке сельских жителей, на плечах, как грабли или лопаты.

А за километр до селения и в километре после него — окопы, землянки, бэтээры, блокпосты, грязь и смрад, все то, из-за чего не перепутаешь фронт с тылом, а мир с войной.

Но мир, который находится, вернее, находился между двумя фронтовыми позициями — селение Новогрозненское, — все долгие месяцы этой тяжелой и бессмысленной войны жил будто бы в совершенно другом измерении, в другой вселенной, в другом мироздании.

И потому я только изумленно развел руками, когда по программе «Время» услышал в воскресенье, что войсковая операция в Новогрозненском началась с целью «выдавить» проникших туда боевиков.

Был бы я, допустим, президентом и пришлось бы мне озвучивать всякие фантастические бредни его помощников, я бы поверил и сказал: да, раз «вдавились», то надо «выдавливаться». Удар с вертолетов! Залп из «града»! В атаку, вперед... За Родину (или за что умирают сегодня там ребята?)...

Но я-то только что оттуда, из Новогрозненского...

И то, что там Масхадов, и Радугев, и Басаев, что там штаб и даже особый отдел, не знал только лишь какой-нибудь совсем ленивый отставник из ЦРУ.

Больше того! Когда по пути в Новогрозненское мы разговорились на блокпосту с нашим офицером, то, узнав, к кому и зачем мы едем, он сказал: «Часа два назад Масхадов был там. Не знаю, там ли он еще или уже уехал...» Сказал так, как раньше один председатель колхоза говорил о другом председате-

ле колхоза, с которым только что виделся на совещании в райкоме партии.

Да, все знали, что именитые дудаевские командиры собирались в Новогрозненском. Но только не видел я там ни дотов, ни дзотов, ни того, что в военной пропаганде называется «базами противника». Обыкновенные сельские дома — видел, женщин, развешивающих белье, — видел, детей, бегающих по улицам, — видел... И мужчин, молодых и старых, естественно, тоже. И тех, кто войны не хочет, и тех, кто к войне привык.

Только система «Град» не различает, кто есть кто: она бьет по живому, по всему живому. Только бомбам и снарядам все равно, что будет на их пути: окопы или огород с копающимся в земле стариком. И потому только сейчас понимаю слова одного полевого командира: «Ну бомбили бы на самом деле наши базы, наши позиции. Война есть война, и по крайней мере знаешь, за что гибнешь. Но мирный-то народ при чем? Женщинам — за что? Детям — за что?..»

Только одну причину вижу, почему вдруг сейчас вспомнили о Новогрозненском: именно там идут пусть хрупкие, но переговоры о судьбах российских же пленных. Допустить успех в них — значит приблизить окончание этой бессмысленной войны.

Есть, правда, еще одна причина, о которой все больше и больше думаю. Деньги.

На восстановление Грозного были выделены миллиарды и миллиарды, которые так до сих пор и не ясно кому достались. Кончились деньги — даешь Гудермес! — пока и он не превратится во второй Грозный. Снова миллиарды и миллиарды. Но те, кто

затеял эту новую операцию (возможно, в школе они получали двойки не только по истории и по военной подготовке, но и по географии), не в курсе, что селение Новогрозненское — не город Грозный и не город Гудермес, для восстановления которого снова откроется денежный мешок.

Просто селение, село, которых так много по всей России.

Перечитав репортаж и написанный спустя две недели комментарий (они для меня — одно целое из 96-го), я не стал в них менять ни одного предложения.

Включая последнюю фразу: «Чтобы Россия выиграла, Россия должна проиграть эту войну», за которую кто-то из жириновцев злобно рыкнул на меня в Госдуме, а кто-то из более спокойных посоветовал не забывать, что сейчас мое слово уже не просто журналистское, а депутатское.

Хотя по сей день не могу отыскать этого различия в самом себе.

Да, в декабре 1995 года я был избран в Госдуму от фракции «Яблоко» и снова пошел в депутатство — только теперь это было уже в Российской Федерации.

То есть второй раз шагнул в одно и то же море.

Хотя нет. И море стало другим, и цвет у него какой-то не такой, и чайки говорят на похожем, но не всегда понятном языке.

*Там была не война,
Просто люди стреляли
Друг в друга.*

Ну ладно... О том, что хотел бы добавить к тому репортажу января 96-го.

Во-первых, я впервые ехал в Чечню в качестве депутата, члена Комитета по безопасности Госдумы, чтобы увидеться с Масхадовым,

с нашими военными и, самое главное, выяснить судьбу наших пленных.

В ту поездку со мной попросились несколько журналистов: Саша Климов из «Эха Москвы», Юра Снегирев из «Известий», Сергей Кешишев из АТВ вместе с оператором и двое коллег из «Нью-Йорк Таймс».

Да, еще один человек слезно умолял его взять, чтобы заснять эти, как он считал, «исторические» приключения.

Назову его — Константин Д.

История нашего знакомства очень занятна.

Ранней весной 91-го года, незадолго до известных событий, он появился у меня дома и несколько часов наговаривал на диктофон историю своей жизни, начиная аж с середины тридцатых, со дня своего рождения. Главное в его биографии — практически с юности он был завербован КГБ в качестве агента, кем оставался и ко времени нашего знакомства. Но самое пикантное заключалось в другом: Константин Д. являлся личным шофером английского посла, притом действующий посол был для него уже седьмым.

История, сами посудите, для журналиста была фантастической, и я сказал Константину, что как только он скажет «можно», я тут же опубликую материал в «ЛГ».

Именно три кассеты с записью этой беседы я взял с собой 19 августа, когда на рассвете мне спешно надо было покинуть дом.

Две статьи были опубликованы в «Литгазете» осенью 91-го.

Когда вышла первая часть нашего диалога, разразился колоссальный скандал, прежде всего в Англии.

Я это почувствовал и сам, когда, приехав в редакцию, застал на пороге своего кабинета целую тол-

пу английских коллег с микрофонами, блокнотами и телекамерами. Тогда же, помню, Питер Прингл из «Индепендент» рассказал мне, что целая толпа журналистов — и не только англичан, американцев, канадцев — приехала в английское посольство на Софийской набережной в надежде встретиться с самим Константином, но дальше ворот никого не пустили: у посольства была выставлена усиленная охрана.

Я волновался: что там с самим Константином, где он? как? Но связаться с ним в тот день не было никакой возможности.

Он позвонил мне сам поздно вечером и рассказал, что его целый день прятали от журналистов в дальних комнатах посольства.

— Посол очень расстроен, — сказал Константин. — Он мне сказал: «Ну был агентом и оставался бы им! Зачем было поднимать скандал вокруг этого!»

Ну а потом, когда вышла вторая часть... Большая пресс-конференция, множество интервью и т. д. и т. п.

Естественно, и судьба Константина резко изменилась. Из посольства ему пришлось уйти. Надо было зарабатывать деньги — он стал снимать на любительскую камеру свадьбы и другие торжественные события. Но его уже захлестнули всякие политические события, и я помню, как он прискакивал ко мне с пугающими предложениями.

Почему я об этом рассказываю? Поймете дальше. А пока вернемся в Чечню, куда впервые я поехал в качестве депутата да еще с целой журналистской оравой, так что приходилось постоянно беспокоиться, как бы ни с кем ничего не случилось.

Помню, попросил Виктора Илюхина (он был председателем Комитета по безопасности) дать мне с собой что-то вроде верительной грамоты от Думы, то

есть написать на листе бумаге некий текст, который служил бы нам пропуском на чеченских дорогах. Прежде всего для наших — не для чеченцев. И еще я решил нацепить депутатский значок: это скорее всего был детский, чем взрослый, политический жест.

В Махачкале нас поселили в санатории КГБ, прямо на берегу Каспия, и потянулись томительные дни и часы ожидания.

Дело в том, что Багаутдин Магомедов (в то время — член дагестанского парламента и руководитель регионального «Яблока») сказал:

— Без Надыра ехать бессмысленно, а его в городе нет. Он сейчас в горах.

Наутро — «Он в Нальчике». Через пять часов: «Будет завтра». Завтра: «Приедет в середине дня». Я начинал потихоньку злиться, хотя за все свои долгие журналистские годы должен был привыкнуть к бесконечным ожиданиям и долгим тоскливым дорогам.

— Да что мы, без этого Надыра не можем и шагу сделать? — нервно спрашивал я Багаутдина.

— Трудно будет, очень трудно, — сокрушенно отвечал он. И в самом деле, Надыр Хачилаев для Дагестана был фигурой знаковой. Представитель богатого клана (его брат, например, был в то время министром рыбного хозяйства), он — бывший спортсмен — сумел стать председателем Союза мусульман России, переиграв путем хитрых интриг представителя Татарии.

Помню, как поразил меня его дом, когда я попал туда в первый раз. Какой дом — целая крепость! Высоченный забор, многочисленная охрана, уходящие высоко вверх, как в замке, своды, стены, увешанные оружием, люди, старые и молодые, непрерывно снующие туда и сюда, женщины, шелестящие платьями

где-то в необъятных пространствах владений Надыра. И, главное, атмосфера какой-то таинственности, застывшая в воздухе.

В общем, тот еще домик!

«Где же этот чертов Надыр?» — что-то такое хотелось мне сказать огромному, как шкаф, охраннику, открывшему нам дверь в крепостной стене. Но спросил, естественно, по-хорошему.

— Он знает, знает... Еще немного подождите... — ласково проговорил какой-то парень, представившийся помощником Надыра.

Но больше ждать было невозможно: ребята-журналисты уже изнывали от ожидания, а я злился.

— Все! Едем сегодня! — сказал я Багаутдину, и тот обреченно вздохнул... Он позвонил кому-то, подъехала еще одна машина, чтобы вся наша орава уместилась.

Дагестанский блокпост, взорванный мост, объездная дорога, снова блокпост, Чечня...

Уже смеркалось...

— Нет, сегодня не успеем... Темно... Никого не найдем... И мало ли что может случиться... Может, вернемся? — спросил или, скорее, уныло попросил Багаутдин.

— Ну что, ребята? Как? — спросил я своих спутников.

— Как скажете...

Телевизионщики успели снять панораму: колонну танков, проходившую километрах в двух от чеченского блокпоста, и сам блокпост — обыкновенную развалюху, и старика, который горячо, гортанно, переходя с русского на чеченский и с чеченского на русский, доказывал нам, почему русские не должны мешать чеченцам жить, как они хотят. Наконец, того пацана с тремя «шмелями», рассказавше-

го, как легко подбиваются российские танки, — ему бы еще за школьной партой сидеть, только где она, эта парта? (Кстати, сниматься он категорически отказывался, пока не разрешит командир. Командир устало кивнул: «Снимайся, они же не из ФСБ...»)

Потом мы — таким же цугом — тронулись назад. Разрушенный мост, объездная дорога, милицейский блокпост...

Уже наступали тяжелые южные сумерки. Стояла тишина: ни грохота канонады, ни рева пикирующих «сушек»... Было слякотно и противно, как всегда зимой на Кавказе.

На окраине Хасавюрта мы остановились у придорожного рынка:

— Давай чего-нибудь выпьем! Надо напряжение снять! — предложил Багаутдин.

— Так у тебя же ураза! — напомнил я ему про традиционное для мусульман время всемерного воздержания.

— А мне знакомый мулла разрешил после пяти! — объяснил Багаутдин.

— Мулла, наверное, раньше был секретарем райкома комсомола?

— Что-то вроде этого... — беспечно ответил он. Помню еще, как Багаутдин строго спросил у старухи, продававшей водку:

— Поддельная?

— Поддельная-поддельная... — ласково подтвердила старуха.

— Настоящую давай! — так же строго потребовал Багаутдин.

И тут же из-под прилавка появилась нормальная, неподдельная, настоящая...

Никакой особенной загадки в поразительной че-

стности рыночных торговцев, оказывается, не было: по словам Багаутдина, они будут наказаны, если, не дай бог, выдадут поддельную водку, то есть более дешевую, за настоящую. Естественно, «штрафом», как объяснил мне мой спутник...

Потом, уже выехав из Хасавюрта, мы остановились на обочине, разложив, по российской традиции, нашу нехитрую снедь на капоте «Жигулей»...

...Почему я и это запомнил? И тот базарчик на окраине Хасавюрта, и это наивное и смешное для московского человека: «Поддельная-поддельная», и «знакомого» муллу?

Не знаю...

Сам все время удивляюсь странной разборчивости памяти, которая независимо от твоей воли перемешивает все вместе: и события значительные, и всякий сор, оставшийся от этого времени.

Но что-то в этом есть.

Вдруг это в тебе вспыхивает — и тогда понимаешь: нет уж, если осталось, если не забылось, значит, так надо, так положено, так написано без тебя.

Вот, допустим, на следующий день, когда наконец-то появился Надыр Хачилаев... Какая разница, в конце концов, какой модели была машина, на которой потом мы с ним поехали, возглавляя нашу маленькую колонну? Но не написать, что это был новенький «линкольн» (да сами представьте такое зрелище: «линкольн» на военной дороге!) — лишить еще какой-то краски окружавшее тебя тогда пространство жизни.

Да, Надыр появился на следующее утро. Но сначала позвонил радостный Багаутдин:

— Все, сегодня едем! Сейчас я за тобой — едем к Надыру. Пусть ребята собираются...

«Сейчас», естественно, растянулось часа на полтора.

Мы снова ждали...

— Мама сказала: «Зачем ты едешь? А если не вернешься?» — помню, вдруг вздохнул Саша Климов из «Эха».

Кто-то из ребят нервно засмеялся, вспоминая вчерашний вечер и как опасно смотрел Багаутдин на чернеющее к сумеркам небо.

Я-то знал, чего он боялся: только что чеченцы захватили в заложники двух священников. Помню, как он шепнул мне: «Ты представляешь, что будет, если и вас всех возьмут? Я от стыда умру... Нет, нельзя без Надыра».

Я не сказал об этом ребятам. Но я-то отлично понимал, почему он попросил тогда остановиться возле этого базарчика...

Багаутдин наконец-то подъехал. Мы помчались за Надыром. Тогда я впервые увидел этого мрачного парня в папахе, его «линкольн», джип, в который его охранники небрежно бросали оружие: пару автоматов и гранатомет.

— Это-то зачем, Надыр? Как же мы через блокпост проедем?! — с ужасом спросил я.

— Все будет в порядке. Я отвечаю... Так надо... Мало ли что... — лениво отмахнулся Надыр.

Потом мы заехали за ребятами, и тут оказалось, что всем места в машинах не хватит — один лишний.

Поймал на себе умоляющий взгляд Константина: он-то понимал, если кого я и оставлю здесь, в гостинице, так это его, а не профессиональных журналистов, которым надо отчитываться перед своими изданиями, теле- и радиокомпаниями.

Но ему повезло. Оператор из АТВ честно при-

знался: «Я никогда не был на войне. Я не знаю, каким я там буду. Только помешаю вам».

Никто не засмеялся. Никто не осудил. Все всё поняли.

— Не волнуйся, я сам все сниму, — сказал Сергей Кешишев и положил на плечо камеру...

Вспомнил об этом потому, что война — это ненормальное для человека состояние, и только те, кто наблюдает за ней издалека, вопят о доблести и трусости.

Когда ты там — понимаешь и чувствуешь больше. Даже такие, как мы — лишь прикоснувшиеся к ней...

Добавлю еще совсем немного.

По дороге мы попали в передрагу: пришлось долго доказывать, что мы не возглавляем колонну с зелеными флагами. В это время мне сообщили, что со мной хочет переговорить командир полка.

Поехали в полк...

Миновав Новогрозненское, уткнулись в бетонные надолбы и шлагбаум, перегораживающий трассу.

Пропустили только наш «линкольн»...

Оказалось, полк располагался справа и слева от дороги: грязь по колесо, серые палатки, танки, почти по башни зарывшиеся в грязь...

Надыр оставался в своем диковинном автомобиле, я стоял, курил с офицерами, ждал, когда отыщут командира...

— А вы из какой фракции? — спросил меня какой-то капитан.

Ответил, что от «Яблока».

— Жалко... Лучше бы от Терехова... Стоящий мужик...

Но — совершенно неожиданно для меня — ос-

тальные его не поддержали. Больше того! Два офицера сказали, что голосовали за «Яблоко»...

— Ну и что будет дальше? — спросил я.

— Что-что? Мы, что ли, знаем? Ничего непонятно... Их штаб — в Новогрозненском: там и Дудаев, там и Масхадов... Мы здесь, они там. Мы — днем командуем. Они — ночью... — объяснил майор с воспаленными от вечной бессонницы глазами, а потом спросил: — Что там у вас слышно? Когда вся эта бодряга закончится?..

Появился командир. Я и ему объяснил, что те зеленофлаговые грузовики не имеют к нам никакого отношения.

— Ну ладно... Нет так нет... Езжайте, куда едете...

Когда уже мы повернули назад, к Новогрозненскому, над нами угрожающе низко пролетел вертолет: один раз, второй, третий... Кто-то даже успел его сфотографировать. По крайней мере, кто-то дал мне эту фотографию.

Зачем вертолет над нами вертелся, до сих пор не могу понять. Может, его поднял в воздух тот капитан, поклонник ряженого Терехова?

Мы довольно долго ждали, пока приедет Масхадов. Мирно беседовали с полевыми командирами. Краем глаза зацепил Костю, который что-то горячо объяснял чеченцам. Подошел Багаутдин, отозвал в сторону, шепнул: «Так нельзя... нельзя... Скажи ему, чтобы так не говорил...»

Оказалось, что Константин рассказывал чеченцам, как он был агентом КГБ...

(Потом Надыр мне рассказал, что из-за Кости и меня приняли за кагэбэшника и какой-то чеченец даже вспомнил, что в Москве он меня видел в полковничьей форме.)

Я еле-еле утихомирил Константина: «Ты приехал снимать, так и снимай. Не подставляй нас, слышишь?»

Масхадов поразил тем, что во время всего разговора ни разу не поднял глаз, и казалось, что я говорю не с человеком, а с пространством.

Запомнил, как он сказал:

— Я мог бы отдать вам двух-трех пленных. Но вы же не Жириновский, чтобы из этого делать телешоу! Да освобожу я их, освобожу... Как сказал уже, отдам родителям...

Каким я тогда увидел Масхадова? Нет, не начальника дудаевского штаба — а человека, волею судьбы оказавшегося по другую сторону неизвестно кем выстроенных баррикад.

Масхадов был образцовым советским полковником. Убежден: если бы, когда его дивизион стоял в Вильнюсе, ему отдали приказ повести его на штурм телебашни, он исполнил бы его не задумываясь.

Точно так же, как и Джохар Дудаев был образцовым советским генералом (встречал многих, кто служил с ним раньше, — кроме хорошего, ничего о нем не слышал).

Вот ведь как у нас все повернулось!

Но и тогда, и теперь Аслан Масхадов — заложник обстоятельств. И не мог он, как обещал мне, отдать Радуева под суд за Первомайск не потому, что не захотел. Не мог. Просто не мог.

Еще запомнилось.

Подъехал «уазик», из него выскочил бородатый парень, обвешанный, как в каком-то старом фильме, пулеметными лентами. Его бросились обнимать... Не знаю, кем он был, но что-то очень трогательное было в этой сцене...

Вечером, уже в Махачкале, исчез Константин. Вернулся ночью. Оказалось, что в доме у Надыра он долго рассказывал о своем агентском прошлом и бил себя в грудь: «Вот каким я был подонком».

Я уже по-настоящему разозлился. Злость эта не прошла и по нынешний день...

Смешно мы улетали в Москву.

Оказалось, что мест в самолете нет, кроме одного — депутатского. Поразил Марк: он вдруг принялся доказывать, что, если найдется еще одно место, лететь должен именно он, потому что «Нью-Йорк Таймс» — главная газета. С подобной журналистской «несолидарностью» встретился впервые в жизни.

В конце концов улетели все. Помог Надыр, но — по-надыровски.

Дело в том, что в махачкалинском аэропорту все пассажиры проходят некую таможенную проверку, которая заключается в следующем: «Икру везешь?» — «Везу». — «Нельзя». Все, естественно, проходят, принося немалый доход «таможне».

Надыр распорядился установить перед трапом еще один пост, который выловил семь (а столько мест и нужно было нашей группе) «икроносцев», которые так и не поняли, почему их не пустили в самолет: деньги-то они уже заплатили.

До сих пор стыдно перед теми людьми...

Еще несколько слов о тех, кого я упоминал в своем репортаже.

Депутат Гамид Гамидов (это он, сославшись на Радуева, сказал мне, что «у Барсукова и Дудаева один хозяин, и он сидит в Москве») спустя месяц был взорван прямо на пороге своего дома.

На его место в Думу был избран Надыр Хачилаев.

Но после того как они вместе с братом Магомедом захватили здание Совмина в Махачкале, Дума проголосовала за лишение его депутатской неприкосновенности. Он скрывался в горах, время от времени позванивая мне по мобильному телефону. Потом начались события в Дагестане... Впрочем, об этом — дальше.

Константин Д. передал мне целую кассету, которую он снимал в той поездке.

Однажды у меня брали интервью какие-то журналисты из Израиля: попросили на день эту кассету. И — с концами.

Жалко. Никогда больше не буду иметь с ними дела...

1996 год закончился Хасавюртовским миром.

Конечно, все понимали, насколько хрупок этот мир и как противоречивы принципы, на которых он был заключен.

Понимали и в Москве, и в Грозном.

Генералы обзывали Хасавюртовский договор предательством, Кремль трудоустраивал Завгаева, покинувшего свою резиденцию в аэропорту «Северном», Масхадов в Чечне готовился к независимым президентским выборам, что-то свое замыслили Хаттаб, Басаев и Радиев, офицеры оплакивали своих погибших бойцов, интенданты подсчитывали деньги, заработанные на войне, и только матери... Одни радовались тому, что их дети вышли живыми из этой кровавой мясорубки, другие, сами еще совсем молодые, стали старухами, узнав о гибели своих сыновей, третьи безуспешно пытались узнать судьбу своих потерянных, без вести пропавших детей, обивая пороги казенных домов в Москве и Грозном...

**БЛОКНОТ ТРЕТИЙ:
ГОД 1997-й**

уламывает Саида. Да и не Аслан Масхадов, законно избранный президент Ичкерии!

Нет, только он, Саид.

Четверо российских пленных — его добыча, его товар...

Он купил их два месяца назад у другого полевого командира,

Купил не для последующей перепродажи, нет. Для бартера.

Пленные — в обмен на то, чтобы в далекой от Чечни Самаре с него сняли федеральный розыск.

— Мне сообщили из Самары, что если я освобожу четырех сотрудников ФСБ, то с меня и брата снимут розыск. Я их искал, долго искал, но боюсь, что их уже нет в живых. Тогда меня попросили найти пленных офицеров. Я купил троих солдат и одного прапорщика. Мне ответили, что двое солдат, которых я купил, на самом деле находятся в части. Как в части, когда они у меня? — удивился я и послал в 205-ю бригаду их фотографии. «Да, это они, но они не подходят, так как являются дезертирами. И третий солдат — тоже. Нам такие не нужны. Прапорщик — подходит». Потом сообщили, что и прапорщик не нужен — тоже дезертир.

Эту историю я услышал от Саида полчаса тому назад, когда, потратив целый день на его розыски, мы наконец узнали: он здесь, чинит машину в авто-сервисе.

Я слушал эту историю и думал о тех подонках в полковничьих и генеральских мундирах, которые сначала привели необученных пацанов в Чечню, потом — бросили их здесь, потом — позабыли, потом — отказались от них.

Да, после окончания войны наши пленные стали товаром: их можно купить, продать, обменять. Так они и кочуют из одной чеченской семьи в другую. Такса — от тысячи долларов и выше. Они — предмет торга, живой материал для обмена на таких же живых чеченских ребят, находящихся в российских тюрьмах и следственных изоляторах.

Черно становится на душе от всего этого!

Но я понимаю и Мовлади Удугова, который пришел в ярость от моего робкого вопроса, как же в конце XX столетия можно было прийти к работорговле.

— А кто это начал? Мы?! Мы?! Российские войска, которые задерживали людей на блокпостах, а потом продавали их! А ваша российская общественность знает о том, как здесь торговали трупами чеченских бойцов? О чем же вы сейчас говорите?

Мы сами принесли Средневековье сюда, в Чечню! Мы, на наших бомбардировщиках! Мы, нашими «градами». Мы, глубинными бомбами, которые швыряли на жилые кварталы! Мы, мы сами...

О чем же говорить сегодня?..

Я не был в Грозном почти два года — последний раз в конце января 1995 года, в разгар боев.

Раньше я никогда не бывал в Грозном и могу только представить, каким чистым, зеленым и огромным был этот город.

Сейчас здесь не стреляют. Бомбы не падают. Шум «града» не заставляет распластываться на земле.

Но страшный сон не кончается.

«Здесь был кинотеатр... Здесь — булочная... Здесь — детская больница... Здесь — дворец пионеров... Здесь — бывший обком партии...» — монотон-

но перечисляет Лече Идигов, когда мы петляем, петляем между руинами.

— А где дворец президента? — удивленно спрашиваю я, узнавая и не узнавая центр города.

Два года назад дворец, бывшее здание обкома партии, хоть и разрушенный, но еще стоял. Помню, на моих глазах пуля чеченского снайпера сбила российский флаг, который очередной идиот приказал водрузить над крышей, потеряв при этом десятки людей (чьи же лавры не давали ему покоя? Маршала Жукова или его коня?).

— Сюда попала глубинная бомба... Пробила все — до подвала... Потом уже все снесли, — объясняет Лече.

Я отвожу глаза... Хотя надо посмотреть, посмотреть и посмотреть...

Кроме теней бывших зданий город полон теней бывших людей.

Их нет. И никогда больше не будет.

— Чечня потеряла около ста двадцати тысяч человек, — говорит Мовлади Удугов.

В большинстве — это мирные люди.

Потери боевиков составляют около пяти тысяч человек.

Точные потери российских войск — никому не известны. Вернее, никто не хочет их подсчитать. Незачем... Не надо... Ни к чему... Что, в России людей мало?..

Интересно, есть ли в этих списках имя рядового Андрея Сидорова, останки которого его отец, Сидоров Василий Ефимович, нашел за два дня до нашего приезда? Нашел в поле с помощью чеченцев?

О чем же он просил нас, здесь, в Грозном, на ули-

це Вольной, где бедуют свои потери и тешат себя надеждами солдатские матери?

Он просил помочь ему поскорее получить справку о гибели сына от комиссии Ивана Рыбкина, которая официально уполномочена искать наших пленных:

— Я написал заявление... Сказали прийти на комиссию... Там обсудят... Но, боюсь, начнется хождение по инстанциям... — вздыхает Василий Ефимович, отец известного солдата — среди стольких неизвестных солдат, которые остались лежать в полях под Грозным.

Ох, эти российские комиссии...

Нет на них надежды у солдатских матерей.

Рассказывали, как час их продержала эта комиссия — но так и не приняла. Времени, понимаешь, не было...

Только на себя у них надежда. На себя, на чеченцев, на майора Измайлова, на читателей «Новой газеты», собирающих деньги для них (я привез очередную собранную читателями сумму, и они все повторяли: «Спасибо, спасибо всем...»), и мне, честно, было неловко от этой благодарности).

Да нет, замечательные у нас люди. Власть — не людская.

Один потерянный человек — еще не повод для волнений чиновника. Мы все о миллионах, о миллионах...

Я видел, как наших потерянных и пропавших ищут власти Чечни и Ингушетии. Матерей, которых соединило горе, — тоже видел. И российских и чеченских. Наконец, познакомился с Юрием Анисимовичем Шматовым, единственным, повторяю,

ЕДИНСТВЕННЫМ региональным руководителем, который сам приехал вытаскивать своего псковского пацана.

— А наш ставропольский не приедет? Здесь же близко... — спрашивает солдатская мать.

— Да они все говорят, что денег на это нет... — вздыхает другая.

И мы снова не можем поднять глаза от стыда за тех, кто мог и должен быть здесь, с матерями. Должен был... Должен...

Так же, как Юрий Анисимович, так же, как Ахийд Тураев и Шарип Окунчаев, представители псковской чеченской диаспоры, которые полтора месяца искали русского паренька Лешу Анисимова (а диаспора — всего-то под тысячу человек).

Наши народы делятся на людей и начальников. С людьми виделся. С начальниками, официально представляющими Россию в Чечне, — нет. За день до отлета из Москвы мне позвонил из президентской администрации г-н Осипов и сообщил, что г-ну Чернышеву, которому официально поручено заниматься поисками пленных, не до меня. Он выполняет срочное поручение г-на Рыбкина.

Что же за срочность такая, если и российская и чеченская стороны знали, зачем — и с чем — я еду? Нашел время Мовлади Удугов, вице-премьер. Наши начальники всегда слишком заняты...

А ехал я со списком лиц чеченской национальности, которые содержатся сейчас в тюрьмах и следственных изоляторах МВД России. В этом списке 462 фамилии.

Я попросил чеченскую сторону выверить список: ведь еще год назад Аслан Масхадов сказал мне, что

Чечне не нужны «саратовские уголовники чеченской национальности». Думаю, что с тех пор мало что изменилось.

Хотя нет, изменилось все: пленные стали товаром. А родственникам тех, кто пытается вызволить из российской тюрьмы своих близких, нет никакой разницы, кем они были раньше: боевиками или бандитами с большой дороги. Отец рецидивиста, отбывающего уже третью ходку, купил двух пленных: авось, обмен пройдет. Другой разжился уже двадцатью пленными и спрашивает за каждого тысячу долларов. А третий собирается сделать покупку, чтобы выручить сына — мелкого разбойника...

*Суровая Чечня,
Расстрелянные горы.
Проклятая война,
Зачем нам столько горя?*

О времена, о время...

Что же мы наделали?..

Руины, пыль, развалины...

А жизнь — идет!

Почему-то в городе на каждом шагу — киоски с ксероксами. Хлеб горячий... Бесчисленные базарчики, на которых можно купить все — кроме водки, вина, пива: запрещено.

Дети бегают, много молодых людей с автоматами. Да и не смотрят на тебя косо — нет, нормально разговаривают и даже улыбаются.

Но война еще вот она, рядом, у порога.

Ежедневно подрываются на минах дети. С ужасом думаю, какие тайны несет в себе грозненское море: сколько загубленных жизней оно скрыло...

Война закончилась. Уроки ее мы все еще не прошли.

Об одном из уроков мы говорили с Мовлади Удуговым:

— Однажды вы заявили, что располагаете материалами, проливающими свет на истинные причины и истинных виновников этой кровавой бойни. Мы ждали эти материалы — и не дождались. Когда же они будут обнародованы?

— А какие факты еще нужны? Вам нужен документ, где, допустим, Коржаков пишет, что надо совершить нападение на Чеченскую Республику? Такого документа просто не существует...

— Естественно... Но меня больше интересуют финансовые аспекты этой войны... «Новая газета» уже приводила эту цифру: в разгар августовских боев правительству Завгаева было выделено двести сорок пять миллиардов только по трем статьям: на экологию, картографию и рыболовство... Чечня стала черной дырой, куда уходили триллионы и триллионы... И мы надеялись, что из ваших источников узнаем, кто заработал на этой войне...

— На этой войне заработало очень много людей, не только Завгаев со своей администрацией, но и российские генералы высшего звена, в том числе те российские деятели, которые осуществляли общеполитическое прикрытие. В первую очередь — Лобов, который был секретарем Совета безопасности и являлся патроном Завгаева... Деньги получали очень многие... Деньги сюда перечислялись, здесь они обналичивались...

— Классическая схема...

— Вариантов могло быть тысячи к этой схеме. Но факт остается фактом... Это — при администрации Завгаева. А до нее этим занимался Хаджиев, Гантемиров... До девяносто четвертого года через каналы ФСБ в Чечню шли многомиллиардные суммы для

группировки Автурханова в Надтеречный район. И особо это не скрывали... Вы помните, задержали тогда полковника ФСБ (тогда ФСК), который рассказывал, кому и за что он давал деньги: Лабазанову, Автурханову, Хаджиеву, Гантемирову... Только по спискам, которые попали в наши руки до девяносто четвертого года, через группировку Автурханова в Чечню было завезено до десяти тысяч стволов автоматического оружия. Причем это оружие выдавалось по линии ФСК. Все всё знают... Знают в Москве, знают в Кремле, знают в спецслужбах... Так от нас ли надо ждать чего-нибудь сногшибательного?

— Если бы вы не обещали...

— Я обещал сказать то, что знаю. А это знают все в Чечне... Я могу лишь повторить... Во время переговоров в девяносто пятом году был человек от Коржакова, который предлагал за определенную сумму...

— Какую, за что?

— Пять миллионов долларов за то, что будут прекращены бомбардировки. Был такой человек... Он пытался выходить на Джохара. Мы отказались, так как боялись ловушки. Да и, честно говоря, такой суммой денег мы не располагали. Это было бы для нас очень тяжело... Это факт, который я могу подтвердить. Об этом человеке от Коржакова знают наши полевые командиры, знает наше руководство... Мы знаем, кроме того, имена всех непосредственных организаторов этой войны...

— Назовете?

— Это бывший министр иностранных дел Козырев, Лобов, Шахрай, Егоров...

— О, я ждал, назовете вы Егорова или нет... Его

роль наиболее зловеща... Вы знаете, где он снова всплыл?

— Где?

— В Центробанке, замом управляющего...

— Ну, понятно... Егоров — это военный преступник, который должен нести ответственность без срока давности...

— А Грачев?

— Грачев... Я могу только сказать мнение Джохара по поводу Грачева...

— И какое?

— Джохар всегда считал, что Грачева заставили... Но по мне — Грачев преступник, который должен нести ответственность... Ну, кто еще... Куликов, который сделал свою карьеру на чеченской крови... Коржаков... Мы неоднократно пытались выходить на Коржакова, когда еще была полностью заблокирована связь с Ельциным... Просили соединить, пытались договориться...

— Вы сами с ним говорили?

— Да, один раз... Но я представился как помощник Джохара, не называя своей фамилии... Я обратился к Коржакову с просьбой организовать телефонный разговор Ельцина с Джохаром — безрезультатно...

— Мовлади, скажите, прав я или нет... Как только бюджетные деньги уходили на восстановление разрушенного, тут же начиналась очередная бомбежка. И — концы в воду...

— Ну, это законы войны... Где война, там и огромные деньги. Не надо думать, что где-то кто-то все специально рассчитал. Просто по ходу войны те, кто имел рычаги влияния и возможность зарабатывать, извлекали из этого максимальную выгоду. Если

на восстановление вокзала в Гудермесе было потрачено очень много денег, то эти деньги они и списали под бомбежку... Процессы были неконтролируемы... Война, и в этом я убедился на собственном опыте, порождает совершенно новые законы, которых нет в мирное время...

И, конечно, я не мог не спросить о том, откуда же боевики брали оружие?

— Продавали все — от генералов до рядовых.

Оружия из-за рубежа поступало очень мало, да и зачем?

Вот что рассказал мне бывший полевой командир К.:

— Практически мы не имели непосредственно дела с вашими старшими офицерами и генералами. На это были посредники. Так, однажды мне сообщают, что один полковник хочет продать машину с установкой «град» и с КамАЗом боеприпасов за пять тысяч долларов.

— Что-то дешево...

— Я тоже удивился, но оказалось, что пять тысяч за информацию, когда, во сколько и по какой дороге пойдет колонна: «град», КамАЗ и два бэтэ-эра с охраной...

— Ну и что?

— Передали деньги... Одному бэтээру все-таки удалось уйти...

Сколько, интересно, человеческих жизней на совести того подонка в мундире?

Снятся ли ему по ночам загубленные им души?

Грязно война началась, грязно шла, да и следы после нее — один другого грязнее.

Но все-таки, все-таки...

...Я стою и жду, чем же закончатся переговоры между Лече Идиговым и Саидом. Отдаст? Не отдаст? Всех? Одного?

Руслан, водитель, вслух зачитывает кроссворд из газеты «Исламский порядок»:

*Ты нас досыта кормила сказками,
Не сыны тебе ближе, а пасынки.
Из огня идем в полымя.
Только не предавай меня,
Родина,
Не предавай меня.*

«Его преподали чеченские войны русским генералам» — слово из четырех букв.

«Так «оппозиционная интеллигенция» с презре-

нием называла своих соотечественников, поддерживающих Джохара Дудаева» — из пяти букв.

«То, что пережил почти каждый населенный пункт в Ичкерии» — из семи букв.

Семь букв? Бомбежка? Террор? Геноцид?

Что мы все пережили за это время?

...Все. Саид решил отдать одного — Лешу Анисимова.

Остальных — при предоставлении гарантий, которые мы ему обещали: снятие с розыска.

Он готов был отдать и так, под наше честное слово.

Он не верит, что наше слово может быть честным...

Наутро мы улетаем. Мы говорим всем спасибо. Мы обнимаемся. Мы говорим, что увидимся на следующей неделе.

Алексей Анисимов был в плену полтора года.

За ним никто не приехал: его отец и его мать — инвалиды второй группы. Саид подарил ему на прощание джинсовую куртку.

В Пскове Алексей узнал, что против него возбуждено уголовное дело. За дезертирство. Полтора года тому назад. По письму военного прокурора Северо-Кавказского округа.

— Они сошли с ума! — позвонил мне в пятницу Ю. А. Шматов.

Слава богу, подумал я, что вывез его из плена один из руководителей области.

Самое страшное и самое загадочное для меня на этой войне — дети.

Я ночую в Слепцовске у Лече Идигова.

Его дом был в селе Орехово. Дома больше нет. Как и села, каким оно было раньше.

Он из горящего села выходил с женой и двумя детьми.

Десятилетняя Рита боится самолетов и, после того что случилось там, очень мало разговаривает.

Она смотрит на человека, не отрывая глаз. Тебе трудно не ответить на этот взгляд. Она всегда улыбается.

Утром она берет мою сумку и несет ее до машины.

— Что ты, не надо, — шепчу я ей.

Она отрицательно машет головой.

Прости меня, девочка...

Как я уже написал вначале — ничего не хочу менять: от строчки и запятой — до своих личностных оценок событий 1997 года.

Но объяснить мне надо очень многое.

По порядку. Первое. Что это была за командировка?

В январе 97-го года молодой офицер внутренних войск показал мне карту Чечни с отмеченными на ней селениями, где находились пленные офицеры и солдаты. Примерно было указано, сколько осталось там ребят, «забытых» нашими генералами. Вышло несколько тысяч человек. Целый полк, оставленный на произвол судьбы.

Мы решили дать эту карту в газете. Так началась наша акция «Забытый полк».

Перед поездкой я связался с Асланом Масхадовым и сказал, что у меня есть список граждан Чечни, которые находятся в российских тюрьмах. Помня наш разговор в Новогрозненском во время первой войны, когда он сказал мне, что не намерен менять пленных на чеченских уголовников, на сей раз я попросил: пусть ваши люди сами посмотрят список и определят, кто в нем уголовники, а кто бойцы. Он ответил, что в Назрани меня будет ждать его представитель.

В Назрань я прилетел в середине дня.

Так я познакомился с Лече Идиговым, с которым потом и меня и моих товарищей по газете будет связывать очень многое.

И вот опять та же дорога...

Пост ГАИ у поворота на Слепцовскую. Дальше — блокпост с белым ингушским флагом. Еще один, еще. Граница. Наконец, зеленый флаг над блокпостом Чеченской Республики. Дорога ведет дальше — к разрушенному, исполосованному «градом» Грозному.

Все так же, как было две недели тому назад, когда с надеждой и страхом, что ожидания не сбудутся, ехали мы договариваться об освобождении из плена рядового 205-й бригады Алексея Анисимова.

Все так и не так.

За день до нашего прилета на ингушском блокпосту произошла очередная трагедия — перестрелка, которая унесла еще две человеческие жизни. Еще две...

И потому-то больше людей на блокпостах, напряженнее разговоры, строже проверка документов.

Из-за этого на территории Ингушетии впереди нас едет «Волга» с членом парламента Ингушетии Азаматом Нальгиевым, а пересекаем границу с Чечней — и вперед вырывается красный «Москвич» с представителем Чеченской Республики в Ингушетии Лече Идиговым.

Мы осторожны. Мы не можем не быть осторожными. Нас ждут ребята, которых нам обещали вернуть. Им дарят свободу, и потому с нами ничего не должно случиться.

Всего две с половиной недели тому назад я стоял возле разбитого здания автосервиса и ждал, к какому же решению придет Саид. Вернет Лешу Анисимова, как обещал псковской делегации? Отдаст еще троих, как намекнул мне? Не отдаст никого?

Тогда он вернул одного Лешу. Остальных — при предоставлении гарантий, которые мы ему обещали: снятие его самого и брата с федерального розыска.

Мы свое слово сдержали: у нас с собой — скрепленное подписями и печатями решение Самарской прокуратуры о прекращении уголовного преследования.

Сдержит ли он свое? Не поставит ли еще каких-нибудь условий? Не предъявит ли новых требований?

Давай, дорога, быстрее... Давай, Грозный, приближайся...

Вдруг ловлю себя на мысли, что думаю не о том.

Понимаю, почему наши горе-куропаткины позабыли в Чечне целый полк пленных. И почему всем до лампочки солдатские матери, томящиеся в ожидании известий о своих сыновьях на грозненской Вольной улице. И как так получилось, что до сих пор неизвестно, сколько же народу мы потеряли на этой войне, — тоже понимаю. И почему военная прокуратура все шлет и шлет по домашним адресам пленных ребят ордера на их аресты по возвращении из плена, будто не слыша про амнистию. И даже то, что понять невозможно: почему у государства не оказалось денег для того, чтобы купить трем пленным солдатам и двум их матерям билеты до Москвы. Не понимаю другого. Почему председатель Законодательного собрания Псковской области Юрий Анисимович Шматов, вытащив своего парня, две недели не слезал с телефонов, чтобы вытащить чужих, не своих, и снова прилетел в Грозный? Не понимаю, почему Лече Идигов носится вместе с нами по этим дорогам и волнуется так же, как мы? Разве не его дом в Орехове разрушен до основания российской артиллерией? Разве не его дочь до сих пор почти не говорит? Не понимаю, почему Азамат бросил все свои дела ради дела, не имеющего к нему, казалось бы, никакого отношения? Я с ужасом убеждаюсь, что перестаю понимать нормальные человеческие чувства. Я знаю, что наша власть не умеет быть человеческой. Забывшие своих ребят жирные губернаторы — вот символ власти, а не Шматов, для которого все свои — независимо от района, города или республики.

...Поворот, еще поворот... Руины. Стены, пробитые снарядами. Тень бывшего города... Грозный, дом. Саид...

— Можете позвонить в Самару... Проверить, что мы не обманываем... — говорим мы ему, протягивая бумаги с печатями и подписями.

— Не надо... Я вам верю.

...Ребят мы забираем на следующее утро.

Со свободой тебя, рядовой Сергей Науменко! И тебя, рядовой Константин Лосев! И тебя, прапорщик из разведбата 205-й бригады Михаил Лобков!

Единственный документ, который остался у Михаила Лобкова, — удостоверение, что он награжден медалью «За отвагу». За отвагу в боях за Грозный. За отвагу на этой грязной войне, лежащей позором на всех нас. Но он-то в чем виноват?..

— До сих пор не понимаю: почему меня не расстреляли с таким документом? — этот вопрос не дает ему покоя.

Даже сейчас, когда все позади и под крылом самолета исчезает и та война, и те стоны, и та кровь, и та боль, и, наконец, та неволя.

Вам повезло, ребята, что вас удалось вытащить из плена, хочется сказать им. Но не выговариваются эти слова. Вам повезло, ребята, что вы остались живы.

Как вам наш воздух свободы?

Так нам удалось вытащить первых четырех пленных.

Тогда все это было впервые. Потому и в первый, и во второй раз во Внукове нас ожидали множество телекамер. Новость облетела всю страну.

Потом уже это стало привычным делом. На сегодняшний день майор Вячеслав Измайлов вытащил из плена почти двести наших ребят, забытых всеми (я пишу эти строки в ноябре 2002 года).

Иногда — получалось. Иногда нас ожидал полный провал.

Как это происходило? По-разному, но ни разу мы не заплатили чеченской стороне ни копейки денег.

Кстати, во второй командировке за пленными, как-то утром, уже уезжая в Грозный, столкнулся в гостинице с Леной Масюк, которая со своей группой ехала туда же, в Грозный. О чем-то поболтали, пожелали друг другу удачной дороги... Эта командировка станет для Лены и ее группы роковой: именно на следующий день ребята сами окажутся заложниками, и потянутся для них самые, наверное, горькие дни в их жизни. Как мне известно, группа НТВ, а до этого — группа ОРТ были освобождены за колоссальные деньги, которые дал Борис Березовский. Убежден, это его вина — что пленные стали предметом купли-продажи. Он открыл ворота этого рынка, за который все мы расплачиваемся по сей день!

Да, по-разному у нас выходило, но повторяю: ни разу мы не заплатили ни копейки денег.

Однажды ко мне обратился Андрей Николаев, в то время — директор Федеральной пограничной службы. Три его парня-пограничника попали в плен.

— Можете связаться с Масхадовым или Басаевым?

— Постараюсь...

— Передайте им: пограничники своих не бросают. Если наших не освободят, то я закрою границу

для всех чеченцев. Так и передайте... Пусть немедленно освобождают безо всяких условий!

Я связался с Басаевым. Передал слова Николаева. Двое из пограничников тут же вернулись домой. Третий успел принять ислам — где он сейчас? Аллах знает...

Был один провал.

Ко мне обратился московский чеченец: «Если освободят Гантемирова — отдаем десять пленных».

Гантемиров в это время сидел в Лефортове по обвинению в хищении нескольких миллиардов рублей.

Позвонил Михаилу Катышеву, в то время — заместителю Генерального прокурора.

— Но это просто невозможно! Идет следствие, и он же не один проходит по делу!

— Ну хотя бы сменить санкцию на подписку о невыезде! Все-таки — десять пленных!

М. Катышев категорически отказал.

Потом, когда Гантемиров был освобожден Указом президента и занял начальственную должность в Грозном, я долго переживал, что тогда не успел уговорить заместителя Генерального прокурора.

— Вот, Михаил Борисович, ведь я подозревал, что в конце концов Гантемирова освободят!

— А я и представить такое не мог! — грустно вздохнул Михаил Борисович...

Была еще одна совсем неудачная поездка за пленными.

Полковник Слава Пилипенко, член президентской Комиссии по освобождению пленных, однажды попросил меня вместе поехать в Грозный на переговоры с Махашевым (тогда вице-премьером и министром внутренних дел Чечни).

Долетели до Моздока, до нашей военной базы, переночевали там. Утром собираемся в дорогу. Слава меняет номера на своей «Ниве», которую сам пригнал из Москвы: московские — на чеченские. Слава оставляет свои документы. Несколько ребят провожают нас до блокпоста, все невымытые и голодные. С ними — пес, который нападает только на людей в гражданском, поэтому мне посоветовали на всякий случай не вылезать из «Нивы». Наши спутники уезжают назад, в Моздок. Мы ждем, когда появится машина с чеченцами, которые должны нас сопровождать дальше. Ждем час, второй... Слава матерится... Наконец появляется джип, останавливается у чеченского блокпоста. Медленно пересекаем «нейтральную» полосу... Там, у блокпоста, такие же ребята в камуфляже, только чеченские. И такая же собака, которая нападает только на людей в гражданке. Мне снова советуют не вылезать из машины...

От этой поездки осталась только горечь от бесполезных переговоров с Махашевым.

В конце концов я сказал Славе, что ждать больше не имеет смысла, я улетаю в Москву, благо есть самолет.

До трапа меня провожал восемнадцатилетний пацан с автоматом.

— Привези камуфляж, а? Привези! — канючит он.

— Зачем тебе камуфляж? Тебе учиться надо!

— Я буду воевать...

Мне почему-то запомнился этот чеченский паренек! Что с ним стало, когда началась вторая чеченская война? Лучше не думать...

Запомнил еще одну, совершенно детективную историю с освобождением.

Захватили мальчишку, Андрея Латыпова. Мальчишку с жуткой, нечеловеческой судьбой. Питерский беспризорник, он сгорел в машине, в которой уснул. Мы много писали о нем — в Германии ему сделали уникальную операцию по пересадке кожи. Потом его усыновил один наш офицер. Когда они ехали на электричке, по-моему, из Минвод, его вместе с отцом захватили в заложники.

Тогда мы подняли на ноги всех, кого только могли...

Однажды мне позвонил по домашнему чеченец и сказал, что за Андрея просят двести тысяч долларов.

Мы вместе с Димой Муратовым увиделись с двумя чеченцами в скверике возле редакции.

Разговор не получался: «Мы уже потратили сорок тысяч долларов... Это же бандиты!» — объясняли нам. Мы им: «Это же ребенок, инвалид...»

Помню, мы начали орать на них, не выбирая дипломатических выражений.

— И ты, и ты сегодня не дойдете до дома! — пригрозил один из них.

Мы тоже чего-то такое пригрозили...

В конце концов один, старший и агрессивный, попросил у Димы мобильный телефон. Кому-то звонил, отвернувшись от нас.

Почти не прощаясь, расстались. Но на мобильном остался тот номер, по которому он звонил...

Мы передали его ребятам из ФСБ, из управления по борьбе с терроризмом...

В конце концов Андрей был освобожден. Безо всяких условий.

Я уже сказал о том, как много сделал Вячеслав Измайлов для освобождения пленных.

У него нет чувства страха, а если и есть, то где-то глубоко-глубоко. Но мы, те, кто отправлял его в эти командировки, не могли отделаться от страха вплоть до того момента, пока он снова не оказывался в Москве.

Об этом — еще одна блокнотная запись, которую я неожиданно нашел в своем архиве.

«Утром майор Измайлов не прилетел. Не прилетел он и накануне вечером: аэропорт в Слепцовске был намертво закрыт из-за погодных условий. Все попытки дозвониться до Назрани, до Лече Идигова, оказались безуспешными.

За эти сутки я был во Внукове уже дважды — бесполезно. Зря приезжали и ребята из теленовостей: ни самолета, ни майора Измайлова не было.

Мы все волновались. Мы очень волновались.

Сейчас уже не вспомню, кто же сказал мне еще в начале декабря — то ли кто-то из чеченцев, то ли кто-то из администрации президента: «Не надо больше майору ездить в Чечню. Уже опасно. Совсем опасно...»

Я сказал Измайлову: «Слава, может, не стоит? Может, не надо?..»

Он меня не услышал, не захотел услышать. «Как договориться, чтобы взять на борт двадцать тонн?» — спросил он меня.

Несколькими месяцами раньше (кажется, это была ранняя осень) мне удалось договориться с начальником штаба внутренних войск, чтобы на борт, улетающий во Владикавказ, погрузили гуманитарный груз для чеченских детей и российских матерей, которые там, в Грозном, на улице Вольной, живут лишь одной надеждой — найти хоть какие-нибудь следы своих пропавших сыновей.

— Каждая такая поездка Измайлова — шанс вырвать из плена кого-нибудь еще из наших ребят, — объяснил я генералу.

Он все понял с полуслова и тут же по другому телефону дал указание командующему авиации ВВ: помочь «Новой газете» и нашему майору.

После неожиданной отставки командующего ВВ, Анатолия Шкирко, все изменилось — не осталось тех, кому можно было вот так просто позвонить и в течение секунды договориться об общем деле.

Но, к счастью, майор сумел с кем-то договориться, и вот он улетел туда, в Чечню, сумел дозвониться оттуда и сообщить, что все в порядке и что возвращается в Москву с очередным пленным.

Но майор Измайлов все не прилетал и не прилетал...

Мы сидели на даче в Переделкине: я, Дима Муратов и еще кто-то из ребят.

Наступала уже ночь — и вдруг звонок в дверь — на пороге Слава и с ним паренек.

Подвернулась попутная машина, и он — у нас.

— Ты где был? Что случилось?

— Второго пленного украли. Прямо около трапа...

Оказалось, что пленных было двое, второй — солдат-пограничник.

Не успел Слава сойти с трапа, подлетели какие-то двое неизвестных, ничего не объясняя, схватили ребят и кинули их в машину.

Слава поднял на ноги всех, кого только можно было, в аэропорту.

Одного парня обнаружили на площади возле аэровокзала. «Мне сказали: «Ты не наш, вылезай...» — рассказал он нам уже здесь, в Переделкине...

Стало понятно: это пограничники забрали своего пленного.

Целую ночь дозванивался до дежурных — никто ничего толком не мог ответить. Только часов в семь утра позвонил Николай Бордюжа, сменивший Николаева на посту директора Федеральной пограничной службы:

— Извини... Наша вина. Приказал нашим солдатам встретить, а они провели целую спецоперацию... Вот уж на самом деле: заставь дурака богу молиться...

И такое у нас было.

Да, и еще одна история, смешная, но типичная для того (да и нашего) времени.

Когда я вернулся из Новогрозненского, Владлен Максимов (его отец, знаменитый советский разведчик, умудрился назвать сына и Владимиром и Лениным одновременно, но мы все называли его просто Владиком) попросился в Чечню. «Давай!» — согласился я и начал названивать разным местным начальникам, чтобы нашему парню помогли или — если будет такая необходимость — подстраховывали от всяких приключений.

Он улетел. Он долетел. Он начал там работать. И вдруг — исчез.

Сами понимаете, что я должен был чувствовать: старый дурак послал молодого пацана туда, куда должен был ехать сам. Да еще представил, что ощущают сейчас друзья из администрации президента Руслана Аушева, в первую очередь вице-президент Ингушетии Борис Агапов, которого я попросил подстраховать нашего парня.

Сейчас, честно, не помню деталей: кому звонил?

кого просил? с кем ругался? от кого ждал помощи? — но вдруг раздался звонок у меня в Переделкине:

— Это я, Владик. Я вылетаю сегодня из Ингушетии.

— Где ты был? Что с тобой случилось? Почему ты исчез?

— Да я оказался в заложниках... Было очень смешно, — ответил он.

Я попросил Мумина Шакирова (тогда он работал в отделе расследований «ЛГ», а потом в буквальном смысле слова выбрал «Свободу» — радиостанцию с одноименным названием) встретить Владика.

Уже поздно вечером ребята доехали до Переделкина, и Владик, еще нервный, но уже смеющийся, рассказал мне, что же с ним произошло.

Да, его встретили. Борис Агапов взял над ним шефство. Владик поселился в доме брата полевого командира, коменданта Бамута. То есть со всех сторон он должен был быть в полной безопасности. Больше того! Ему удалось (и я, честно, был горд, что парень в свою первую военную командировку сделал то, что может и должен уметь сделать журналист) пробраться на окраину Новогрозненского и быть свидетелем, как «грады» уничтожали то, что было миром всего лишь две недели тому назад.

А потом он перешел границу Чечни и Ингушетии.

— Я зашел на рынок в Слепцовске... Просто так... Вдруг ко мне подходят трое чеченцев, спрашивают, кто я? Отвечаю: журналист из «Литгазеты». Они мне: «Ты будешь нашим заложником. Ты ответишь за Чечню!»

— И ты что?

— Обрадовался!

Понимаете?

Журналистика — такая профессия, и я понял реакцию Владика.

Я и сам мечтаю о том — даже сейчас, когда стал взрослым, — как лечу в самолете, и вдруг меня захватывают террористы. В юности на этот случай у меня была даже затотовлена фраза: «Я согласен быть заложником». Нет, сейчас у меня эта фраза лениво не произнесется, но тогда думалось — сколько же радости будет, когда вдруг появлюсь в своей редакции с сенсационным материалом.

Да, но Владика подвели.

Три этих типа, борцы за свободу Чечни (повторяю, так они сами Владика представились), оказались обыкновенными бандитами. Поговорив о свободе, они попросили у Владика его кожаную куртку и обручальное кольцо, при надевании которого на бракосочетании его с Настей я присутствовал в качестве свидетеля (жутко тяжелая фраза, уж извините).

А дальше началась (как мне рассказал Владик) совсем фантазмагория.

Он — без куртки — позвонил вице-президенту. Тот поднял на ноги всю имеющуюся в его распоряжении милицию. Двое из троих были арестованы. Грустный Владик, так и не ставший заложником, давал показания милиции, когда примчался брат коменданта Бамута (а надо отметить, что за похищение гостя на Кавказе грозит, по нормальным кавказским законам, больше, чем арест, суд или Лефортово) и сказал ему:

— Мы их на твоих глазах расстреляем, хочешь? Владик, конечно же, не захотел...

Я и представить себе не мог, что спустя два года эта история получит продолжение.

То уже было совсем другое время: в Чечне был маленький и хрупкий мир.

Я летел в Чечню, чтобы договориться об обмене пленными, имея с собой два списка: российских солдат и жителей Чечни, находящихся в российских тюрьмах и КПЗ.

Летел я через Ингушетию. Рядом в самолете оказался член ингушского парламента, чеченец по национальности.

Он спросил, зачем я лечу. Я объяснил зачем. Он попросил меня показать список тех чеченцев, которые арестованы в России.

Долго его читал. Я смотрел, как внимательно он изучает чеченские фамилии, которые для меня были одинаковыми по своему написанию (как, наверное, для него одинаковыми были типичные российские фамилии). Потом сказал мне:

— Освободи этого парня. Он — племянник моего дяди... Знаешь, ему дали семь лет за то, что снял куртку с какого-то журналиста.

— Знаю этого журналиста! — с гордостью ответил я.

Вот как это получалось. Или не получалось.

И последнее.

В своем репортаже я привел обширное интервью с Мовлади Удуговым.

Как я уже сказал, ничего не собираюсь менять: как было, так было. Тем более что время чеченских войн очень спрессовано: день за неделю. И каждый день, который я помню, отличался один от другого. И — человек в этом дне.

Мне никогда не был симпатичен Мовлади Уду-

гов (тем более что однажды он вписал меня в список врагов чеченского народа — ни за что ни про что, только потому, что дал маленькое предисловие к одному американскому докладу), но тогда он был вице-премьером, и от него мне хотелось узнать неизвестные подробности политических решений, приведших к войне.

И с московской, и с чеченской стороны.

Что правда, что нет из того, что рассказал тогда Удугов, — не знаю. Но правды не дождешься и в Москве!

Потому не жалею о том своем интервью с ним.

Но узнал одну маленькую деталь, штрих его биографии, объясняющий его отношение к Москве и к России.

Оказывается, в 1978 году Удугов поступал на журфак МГУ и не прошел по конкурсу.

— Меня не приняли потому, что я чеченец! — убежден он. И как я не убеждал его, что это чушь и бред: не прошел и не прошел, я сам недобрал одного проходного бала! — ничего не смог ему доказать.

Но в Москве, повстречавшись с деканом журфака, Ясенем Николаевичем Засурским, сказал ему:

— А приняли бы Удугова, может, и войны бы не было!

Мы вместе посмеялись над этим нелепым предположением, но, с другой стороны, иногда сущая мелочь, ерунда, пылинка может изменить весь ход истории...

**БЛОКНОТ ЧЕТВЕРТЫЙ:
ГОД 1998-й**

Гражданская война,
Разбитые дороги.
Рванула тишина,
И не дождутся многих.

Почему в Чечне Советская армия победила Российскую армию? Этот вопрос давно не дает мне покоя.

Не потому, конечно, что я мечтал о том, чтобы в центре Грозного Павел Грачев принимал парад воинов-победителей. Естественно, на белом коне.

В этой войне победители только одни — подонки, заработавшие на чужой крови свои жалкие миллиарды.

Думаю о другом. О том, о чем раньше никогда и не думал, — о военном искусстве. Надо ли кончать Академию Генштаба, чтобы, как в январе 95-го, бросить беззащитные танки в узкие грозненские улицы? Зачем нужна Академия связи, если именно из-за ее отсутствия лупили по своим? Что это за специалисты тыла, со всеми своими училищами, управлениями и сотнями генералов, если солдаты просили хлеб у проходивших мимо чеченцев?

Ведь в конце концов строители, инженеры и

учителя, ставшие полевыми командирами и командующими фронтами, выиграли войну у профессионалов, обучение которых больно ударило по карманам налогоплательщиков.

Две воюющие стороны объединяло только одно: воинскую науку все осваивали вместе — в рядах Советской армии. Что, одни ее освоили лучше? Другие оказались двоечниками?

Сейчас самое время разобраться, что же произошло.

— Когда здесь, в Ингушетии, я увидел колонну, направляющуюся в Чечню, я схватился за сердце: вперемежку стояли бензовозы, машины со снарядами и бэтээры. Один выстрел — и все... — вспоминает начало победоносной грачевской операции председатель парламента Ингушетии Руслан Плиев, в прошлом — профессиональный военный, командир полка, который первым вошел в Кабул. — Спрашиваю у солдатика с птичьей шеей, в руках у которого гранатомет: «Что это у тебя?» — «Труба». — «А как стрелять из этой трубы, тебе показали?» — «Кладешь под мышку...» — «На плечо, дурачок, на плечо...»

Помню, впервые очутившись на этой войне (был январь 95-го года), я и сам поразился чертовщине и неразберихе, заметной даже непрофессиональному глазу.

Я добирался из Моздока в Грозный в составе большой автоколонны. Наш КамАЗ шел последним. Недалеко от Грозного, в предгорьях, там, где в долине лежали останки российского самолета, мотор заглох. Колонна ушла вперед, оставив нас в одиночестве. «Ты давно за рулем?» — спросил у водителя, якутского паренька. — «Три месяца...»

Помню странное состояние заброшенности: уже наступали сумерки, на всех — один «калашников», полковник, позабывший дать бэтээр прикрытия... Бр-р...

Тогда — пронесло.

Но эту заброшенность наших солдат и офицеров я ощущал каждый раз, оказываясь в Чечне.

Помню еще, как в феврале предыдущего года, в Новогрозненской, где я дожидался приезда Аслана Масхадова, полевой командир Н. рассказывал мне, как шел на выручку Радуева, к Первомайскому:

— Ваши стояли там... Наши шли оттуда... Тогда ваши отошли... А наши...

Вдруг запнулся и произнес:

— «Ваши», «наши»... А раньше мы все были «нашими»...

Война разделила нас, но даже в этом разделении оставалось то, что неразделимо. И я не раз слышал истории — как с одной, так и с другой стороны — о том, как в бою сталкивались бывшие сослуживцы и прекращали бой. Куда мы денемся друг от друга, хотя бы из-за связывающего нас прошлого.

И потому во время последней грозненской командировки, расспрашивая чеченских полевых командиров, как они оценивали действия российской армии, я не чувствовал, что говорю с представителями армии противника. Нет, я говорил с людьми, которые, точно так же, как и мы все, были ошарашены тем, во что же превратилась когда-то единая армия.

Руслан Кутаев, бывший вице-премьер, а ныне советник Аслана Масхадова, не был полевым командиром.

— Мне не повезло. Передо мной была поставлена другая задача.

— Какая?

— Вы помните, что российское руководство создавало видимость, будто весь народ поддерживает Завгаева, Хаджиева, Автурханова. Были даже созданы так называемые партии. В этой связи осенью 95-го года в течение двух суток в одном из горных сел проходила встреча Масхадова, Удугова, Халимова и Кутаева. Передо мной была поставлена задача: войти в круглый стол КНС, разбить его участников изнутри и не оставить вокруг них ничего. Эта задача была успешно выполнена. И когда в апреле 96-го года состоялся съезд партий и движений Чеченской Республики, все участники заявили, что они — с чеченским народом, воюющим против российских войск, и что Завгаев — лишь видимость чеченца...

— То есть вы сыграли роль Штирлица?

— Ну вроде бы...

Тем не менее, как представитель высшего руководства республики, Руслан Кутаев был в курсе всех военных дел:

— Рохлин никогда в жизни не поверил бы, сколько людей воевало против его корпуса. Он наверняка бы стал спорить, что это не соответствует действительности. Ведь в трампарке возле Октябрьского УВД в течение трех суток держали оборону всего двадцать два человека — их перебросили через Сунжу. Двадцать два человека! А на протяжении всей войны активно, в контактном бою против его корпуса воевало не больше пятисот бойцов.

Вице-президент Чеченской Республики Ваха Арсанов — в мирной довоенной жизни он был инспектор ГАИ, — напротив, считается одним из самых опытных военачальников в Чечне. Именно он про-

вел несколько известных операций против российской армии, включая штурм Грозного. Вот запись нашего разговора:

— Ваша оценка Российской армии? Что с ней стало? Почему, что бы ни начинали российские генералы, все у них проваливалось?

— Первое. Неподготовленность военачальников, неумелое планирование операций... А второе: вы не обращали внимание на своих военных...

— Мы?

— Российская сторона... Российское правительство... Мы все это видели. Когда я выходил из леса, приезжал в Грозный для выполнения определенных задач, на российских солдат стыдно было смотреть. Представьте себе! Человек, который живет в лесу, в блиндаже, в землянке — он чист, выбрит, подстрижен, одет с иголочки. А на ваших солдат-срочников просто жалко было смотреть! Просят хлеба у проезжающих! До чего вы довели армию! Так как же она могла добиться успеха? Первое, повторяю, неподготовленность, неумелость в разрабатывании операций. Второе: неуважение к своим солдатам. И третье: российские солдаты не знали, за что воюют. Когда человек не знает, за что он воюет, и когда он лишен элементарных условий, воевать хорошо он не может.

Даю вам честное слово — ведь война уже кончилась, тайн не осталось, — мы сами оставляли позиции, а не сдавали их. Мы просто уходили... Но всегда мы говорили: один раз нужно дать бой, а потом отойдем. Почему? Да потому что тактику российских военачальников изучили «от» и «до»...

— И в чем состояла эта тактика?

— Они внаглую шли на штурм. Но если встречали хороший отпор, тут же отходили и принимались сносить дом за домом. Вместо того чтобы разработать операцию, выяснить численность противника, установить, кто его командиры, куда отходить в случае отступления и так далее. И вместо того чтобы заблокировать место, где находится противник, они, наоборот, всегда оставляли коридор. Не для нас — для себя.

— Почему?

— Они знали, что если чеченец в клетке, он умрет. Или убьет. Поэтому они оставляли коридор в сто, сто пятьдесят метров...

— Какую собственную операцию вы считаете самой удачной?

— Их было несколько.

— Каким фронтом вы командовали?

— Северо-Западным. При этом я был также командующим чечено-дагестанской линией обороны... Помните историю с пограничниками на дагестанской границе?

— Увы, помним...

— И я же командовал диверсионными батальонами, которые работали в Грозном... Мне приходилось не только держать линию фронта, но и проводить эти операции... Странно было слышать по телевидению: подбили один бэтээр, два бэтэера... Не проходило ни одного дня, чтобы не подбивали четыре-пять бэтээров!

— Именно в Грозном?

— Именно в Грозном... Я не говорю о линии фронта...

— Вы меня утешили! Я думал, что генералы и

полковники списывали бэтээры на вас, а потом вам же продавали...

— Мы не покупали бронетехнику. Мы только ее забирали... Конечно, в основном охота в Грозном шла на наемников, на сотрудников спецслужб... А так... Офицеров, солдат срочной службы мы почти не трогали...

— Но все-таки, самая удачная операция?

— Мартовский штурм Грозного. Эта операция была очень хорошо разработана... Но когда Российская армия начала наносить ракетно-бомбовые удары по гражданскому населению, мы дали своим войскам команду отойти.

— Наши генералы утверждают, что взятие Грозного в августе для всех было полной неожиданностью...

— Врут... За семь — десять дней до операции я подготовил обращение к российским солдатам, к милиционерам и к гражданам республики о том, что в ближайшее время мы войдем в город. Я написал: «Против вас мы ничего не имеем, находитесь на своих блокпостах и не высовывайтесь... Если не будете стрелять — мы тоже не будем открывать огонь». Вся война у нас была против Завгаева. Мы должны были доказать России и миру, что нет правительства Завгаева! В Чечне есть одна легитимная власть... Уникальность этой операции заключалась в том, что заранее был известен день, когда чеченская армия сопротивления войдет в город. И российские генералы и марионеточное правительство — все разбежались!

— То есть предупредили их, что идете на «вы»?

— Да. Причем каждый из тех, кто вошел в Грозный, а это восемьсот тридцать человек, были гото-

вы стоять до последнего! Нам было смешно слышать: вот, мол, пограбят они город и выйдут... Думали, что повторится мартовский вариант... Нет, все решили стоять насмерть... Помню, когда Аслан мне сказал, что надо сдать одну позицию и отдать восемнадцать пленных, из которых было тринадцать высших офицеров, — я готов был умереть, но не выполнить приказ...

— И...

— Но я не мог не выполнить приказ начальника главного штаба, и пришлось этих пленных отдать. И даже оставить две или три позиции... Кстати, мы еще в январе 96-го могли за два часа взять город, но Джохар категорически запретил: будут лишние жертвы... Может, что-то в России изменится, может, Ельцин не победит на выборах... В августе 96-го поняли: ждать больше нельзя.

— Скажите, а кто из наших генералов, в ваших глазах, был достойным противником?

— Романов. Он был настоящий патриот России...

— Мне очень многие офицеры, участвовавшие в войне, рассказывали, что две трети потерь наши войска понесли от своих...

— Возможно... Я приведу такой пример. В пять часов тридцать минут утром первого января 95-го года я с восемнадцатью бойцами попал в окружение между улицами Лермонтова и Первомайской, где первая горбольница... Кольцо сомкнулось полностью. Мне пришлось оттуда с боями уходить — трое суток. И вот в пять тридцать я решил выйти... Меня заметили российские бэтээры, пришлось принять бой. Российская часть отошла метров на пятьдесят и вызвала подмогу. А «подмога» начала стре-

лять по своим... Мы сидели, наблюдали за этим странным боем и ели яблоки, которые нашли в доме... Бой длился часа три.

И еще такой был момент. Тридцать первого декабря 94-го года шла колонна по трассе Грозный — Гарагорск, а в пятнадцатом молсовхозе между первым и вторым отделением стояли внутренние войска. И когда шла колонна — ночью, в половине первого, ВВ открыли огонь по этой колонне. Те ответили... Бой длился часа четыре... Под утро там столько было подбито бронетехники, сожжено столько машин... Это все из-за несогласованности.

— Война закончилась... Но когда слышишь заявления Радужева о возможности терактов в России...

— У нас есть твердые основания утверждать, что сейчас в трех городах России готовятся взрывы. Но кто их готовит? В Грозный приезжал преступный авторитет, который за тридцать миллионов долларов предложил одному известному полевому командиру взять ответственность на себя. А семья этого преступного авторитета была взята в заложники. Когда у нас была собрана вся информация, я вынужден был сделать заявление о том, что к Чечне эти диверсионные акты не имеют никакого отношения, а преследуют лишь одну цель: остановить мирный процесс в Чечне и не допустить подписания мирного договора между Чеченской Республикой и Россией...

— Но все-таки, заявления Радужева...

— Я после этого вызвал Салмана, поговорил с ним очень серьезно... Он извинился и сказал, что ни о каких походах в Россию речи идти не может, и он будет только выполнять приказы законно избранного президента...

...Не раз я спрашивал и у руководителей Чеченской Республики, и у полевых командиров, и просто у чеченских солдат, какие же наши, российские, части были наиболее подготовлены к боям: десантники? морские пехотинцы? внутренние войска? И всегда слышал в ответ: авиация и артиллерия.

Те, кто стреляли и бомбили, не разбирая, где боевики, а где дети, старики, женщины...

Где линия обороны, а где детский сад или больница.

...В то утро неожиданно пошел снег.

Мы ехали в Орехово на скорбный и печальный праздник Жертвоприношения в память почти сотни жителей села, ровно два года назад погибших от российской артиллерии, российской авиации...

— Я брился, когда жена закричала: «Танки! танки!» — и упала в обморок... Что было потом, почти ничего не помню... Кто успел выйти — тот вышел... — рассказывает Лече Идигов, представитель Чечни в Ингушетии, вечный мой спутник в поисках пленных ребят.

Та же знакомая дорога... Не доезжая Грозного — направо.

Забывтый российский блокпост, бывший фильтропункт с силовыми ямами, в которые скидывали людей, простреленный указатель «Урус-Мартан»...

Дальше, дальше, дальше...

Указатель «Орехово».

— Зачем они спилили все столбы! Только-только перед войной электричество протянули... — вздыхает Лече.

Подбитый бэтээр...

Въезд в село. Вернее в то, что осталось от села.

Даже сейчас, спустя несколько дней после коман-

дировки в Чечню, я не могу пересказать, что там пришлось увидеть.

Казалось, страшнее того, что видел в Грозном, увидеть уже нельзя. Я ошибался.

Вот бы, подумал я, организовать сюда туристскую прогулку для тех, кто развязал эту войну. Пускай один из них замрет возле разбитой мечети. Пускай другой заплачет перед тем, что было когда-то домом. Пускай третий в ноги поклонится чеченской старушке, неизвестно как живущей в развалинах. Пускай четвертый объяснит, почему еще день назад бычок взорвался на запрещенной во всем мире лестковой mine. Пятый, шестой, седьмой... Пускай, наконец, Борис Николаевич объяснит матери неизвестного солдата, чей труп всего неделю назад нашли чеченцы, зачем все это...

Что бы еще хотелось добавить к этому странно-му разговору с человеком, всю первую чеченскую войну командовавшим фронтом, на полях которого сложили головы тысячи российских мальчишек? Разговору с врагом — пусть в то время, когда мы с ним увиделись в его вице-президентском доме, окруженном вооруженной до зубов охраной, он уже занимал у себя в Чечне высокий гражданский пост? Разговору с волком, одевшим овечью шкуру?

Я слишком, слишком часто слышал подобные обвинения в свой адрес...

Но слышал от полевых командиров и то, чего не слышали, да и не могли (или не хотели слышать) наши российские генералы: «Что мы сделали с НАШЕЙ армией?» Или: «До чего мы довели НАШУ армию!?!..»

НАШУ, НАШУ, общую, советскую, через которую прошли все на той первой чеченской войне: и

те, кто кричал «Ура», и те, кто кричал «Аллах акбар...»

Детали той поездки в Грозный и встречи с Вахой Арсановым я, честно, не очень хорошо помню (если бы не тот диалог, напечатанный в «Новой», многое бы из памяти выпало).

Наверняка, как и все поездки 98-го года, она была связана с поисками наших пропавших солдат.

Как и в остальных тогдашних поездках, из Назрани в Грозный меня сопровождал Лече Идигов. Со мной был наш военный обозреватель Вячеслав Измайлов. Помню, когда нас провели к Арсанову, он Славу узнал: «А, тот самый лысый майор! Я когда тебя видел — всегда приказывал: «В этого лысого не стрелять!» (А Слава все начало первой чеченской компании ходил без оружия и без головного убора.)

До войны Ваха Арсанов, капитан ГАИ, работал в Москве. Вместе с братом у них был небольшой, по его словам, бизнес. «Когда началась война, я взял последнее, что у меня было, и поехал на помощь к Джохару», — «Ваха, а сколько было «последнего»? — спросил я. — «Двести тысяч долларов», — ответил он. Во время нашей долгой беседы вошел его помощник и сообщил, что настало время молитвы... «Я сейчас... Подождите...» — попросил Ваха.

Таких перерывов на московской гайшной работе у него, скорее всего, не было...

Мне показалось, что за время между двумя войнами — а в это время я в Чечне не бывал — в Грозном появилось больше богатых людей, больше дорогих иномарок, пробирающихся между развалинами, неизмеримо больше мобильных телефонов...

Богатство на фоне всеобщей нищеты — картин-

ки для нас совсем уже привычные. Но богатство среди развалин воспринимается куда печальнее, безнадежнее и куда больше злит... Почему же между «довоенным» и «послевоенным» Грозным такой контраст? Очередной раз на протяжении этих блокнотных записей приходится вернуться к теме денег на чеченской войне.

В начале декабря 2002 года директор ФСБ Николай Патрушев торжественно объявил, что наконец-то выяснилось:

700 миллионов рублей, выделенных в Чечню на социальные нужды, были разворованы.

Наконец-то!

Даже не знающие точно, что же происходит в Чечне на самом деле, сколько денег исчезает в чеченской дыре, — и те удивленно уставились в телеэкран.

Чего? 700 миллионов?

«Антиновость!» — прокомментировали это сообщение Патрушева мои молодые коллеги из «Новой газеты».

Еще в начале 98-го Рамазан Абдулатипов, в то время вице-премьер российского правительства, сказал мне (интервью было напечатано в «Новой газете»):

«...Куда же делись деньги для Чечни? Ведь когда проверили, оказалось, что в Чечню ушло не сто двадцать миллиардов, не двести двадцать миллиардов. По подсчетам Совета безопасности — триллион двести миллиардов!

— В течение 1997 года?

— Да... Деньги шли различными путями... Вот, допустим, мы сейчас с Хлыстуном (в то время ми-

нистр сельского хозяйства. — Ю. Щ.) ищем, куда делись восемьдесят семь миллиардов, отпущенных в Чечню на сельскохозяйственные программы. Хлыстун ничего не знает об этих деньгах! Я ничего не знаю! В Чечне ничего не знают! Куда ушли деньги? Из Минфина — якобы в Чечню еще в январе прошлого года...»

Итак, спустя пять лет официально подтверждено: 700 миллионов рублей украдены.

Война в Чечне — деньги. Мир в Чечне — деньги. Смена войны на мир, а мира на войну — БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ.

И потому горько и печально мне было тогда слушать Ваху Арсанова — противника, врага, чужого: «А на ваших солдат-срочников просто жалко было смотреть! Просят хлеба у проезжающих!»

Сколько раз: десятки, сотни за чеченские командировки! — видел я эти щемящие, античеловеческие сцены.

И голодных, и замерзающих в окопах, и брошенных, и покинутых своими генералами, и преданных политиками.

Помню, еще в начале 96-го я так описал свои ощущения при встрече с министром обороны Павлом Грачевым:

«Честно признаться, и я сам, и мои коллеги по Думе, приглашая Павла Сергеевича срочно явиться на наше заседание, чтобы объяснить причины очередного кровавого поражения российских войск в Чечне, были убеждены: нет, не придет, отмахнется, не услышит, не захочет услышать. Вечно обласканному президентом, что ему — общественное мнение, уничтожающие заголовки в газетах, захлебывающи-

еся от слез крики матерей: «Что вы делаете с нашими сыновьями?» — и публичные обвинения соратников по армии в неспособности руководить собственной армией.

Больше того! Никого особенно и не удивило, когда Геннадий Селезнев отлучился из зала, чтобы сообщить о решении Думы Виктору Черномырдину, и вернувшись, сообщил, что премьер не смог найти своего министра обороны: он плавает в политике вольным стилем, обучая этой вольности и своих подчиненных, которые не краснея рассказывают перед телекамерами легенды и сказки Древней Греции о неопознанных летающих объектах, наносящих смертоносные бомбовые удары по чеченским селениям.

Но в конце концов Павел Грачев был найден, он пришел на заседание Думы, он в течение часа отвечал на наши вопросы.

Есть полудиبلوماسية формула: «Его ответы оставили двойственное впечатление».

Да, когда в Думе был Павел Грачев, я впервые выступил на заседании Госдумы.

Я его спросил: «Вам не стыдно за то, что вы сделали? Будь я на вашем месте, я бы ушел в отставку».

Он мне ответил: «Если вы так считаете, я уйду».

Этот наш странный диалог показали, по-моему, все информационные каналы. Спустя несколько недель Ельцин снял Грачева с поста министра, но я не считаю его отставку своей заслугой. Больше того! Думаю, что Борису Николаевичу всего лишь надо было сказать людям: я-то хороший, да министры плохие. Искать козлов отпущения — это становится нашей российской тенденцией.

Павел Грачев ушел...

Павел Грачев остался...

Его нынешняя должность — советник по африканским рынкам в «Росвооружении». Деньги, которые он там получает (куда больше, чем на посту министра), надеюсь, помогут ему скрасить старость, чтобы не просыпаться по ночам в ужасе от приснившегося: трупы солдат и офицеров, которыми были усеяны улицы Грозного.

За эти годы десятки солдат, офицеров, да и генералов, настоящих, боевых, стали моими близкими товарищами.

Именно они рассказали мне всю правду об этой войне: и про минометы выпуска 39-го года, из трех мин (образца 38-го) — только одна была годна для стрельбы; и про прокрученные через Военбанк «боевые», которые так и не дошли до тех, кому предназначались; и про современные снайперские винтовки, которые оказывались почему-то только у боевиков; и про взятки московскому начальству за ордена и за Звезды Героев.

И еще про многое, про многое...

Однажды, когда намечалась совместная поездка в Чечню представителей двух думских комитетов — по безопасности и по обороне, — Генеральный штаб почему-то решил пригласить нас, чтобы генералы отчитались, как же они руководят военными операциями в Чечне.

Тогда я впервые оказался в Генштабе и был ошарашен количеством генералов, которых я там увидел (да баранов же не хватит им всем на папахи!).

Мы сидели за длинным столом, слушая выступающих военачальников. Все было торжественно, официально и скучно.

В перерыве кто-то вежливо кашлянул за моей спиной.

Оглянулся — и увидел генерал-лейтенанта с блокнотиком и ручкой в руках.

— Ваш размер обуви? Головы? — спросил он.

— Чего? — не понял я.

— Ну, ваши размеры, чтобы в Моздоке получить камуфляж...

При чем здесь мои размеры? Почему этим занимается генерал-лейтенант? Что, в армии уже не хватает сержантов?

Свой блокнот 98-го я открыл встречей с Вахой Арсановым, изложившим свою концепцию, почему Российская армия проиграла Советской. Чуть забегаю вперед, хочу продолжить эту тему рассказом о ребятах, встреченных там же, в Чечне, год спустя, в трагическом и тревожном 99-м году. Вот что я написал тогда под впечатлением от этой встречи:

«Сколько мне было лет? Двадцать? Двадцать один? Не помню.

Помню, что булгаковского «Мастера и Маргариту» мне дали в шестнадцать. До сих пор чувствую себя мальчишкой, когда читаю «Мастера» снова и снова.

С «Белой гвардией» Булгакова — хуже. Стал больше чем взрослый. Да, уже было двадцать один.

«Велик был год и страшен год по Рождеству Христову...»

Помните?

«Но дни и в мирные и в кровавые годы летят, как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь».

Ну?

...«На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон...» И — дальше: «Туманятся Николкины глаза».

Булгаков. «Белая гвардия».

Я встречал ребят в аэропорту Внуково. Спасибо девушкам из депутатского зала (сколько раз они выручали нас, помогая прямо от трапа забирать солдат, которых вытаскивал из чеченского плена Слава Измайлов) — они помогли и в этот раз. Только в этот раз ребята прибыли с фронта.

Последним из самолета вышел их командир Саша.

Он и трое его солдат прилетели в Москву по приглашению Сергея Говорухина и Юры Павленкова на вечер памяти погибших за шесть лет чеченской войны.

— Рука как? Живет? — спросил я у Саши.

— Кончай... Это — мои ребята. Познакомься.

*Наша жизнь, как на лезвии,
В горле стоим кому-то мы.
Землю пахать полезнее,
Но надо стрелять, хоть
и муторно.*

С Саней я познакомился в декабре 99-го через Юру Павленкова (он тогда работал в главном штабе сухопутных войск). Он был ранен в ногу, и Юра ему советовал —

вернее, просил! — лечь в военный госпиталь. «Нет, меня ждут ребята», — отвечал Саша.

Стал выяснять, почему парень так рвется туда, в Чечню? Кто он такой? И что за ребята?

Узнал: два ордена Мужества. Две медали «За отвагу». Представлен к званию Героя России. Войну ненавидит. Война для него и его ребят — это спецоперации, которые приходится проводить в Грозном, в Шали, в Гудермесе. Не дали ликвидировать Басаева. Хаттаб переиграл в одной стычке в Дагестане. Считает омоновцев гестаповцами и мародерами. С недоверием относится к МВД и ФСБ. В Москву приехал, чтобы добыть для своих ребят горные ботинки и черную униформу. Но денег для этого не нашлось.

Через два месяца его опять ранило. Снова его представят к званию Героя. В госпитале Сане намекнут, что надо бы послать в Минобороны ящик коньяка. Позвонив мне, он выматерился: «Юр, пошли они к...»

Потом позвонил его командир, Герой России: «Помогите Сане. Он — наша гордость».

Доказать, что Саня — гордость нашей армии, у меня не получилось. «Ну чего? Дадим еще третий орден Мужества... Молодой еще...» — так мне ответили чиновники из Минобороны, хватающие боевые ордена на далеких от фронта арбатских переулках.

(Не смею называть фамилию Саши и его часть — слишком много денег дают за его голову. Но поверьте мне — он честь нашей армии.)

Ну ладно... Отвлечся.

Хотя нет. Нет. Все об этом.

— Рука как? Живет?...

— Кончай... Это мои ребята....

...Его ребята оказались — просто ребятами.

Одному, Жене, — двадцать один, второму, Андрею, старшему из Сашиных бойцов, — двадцать шесть. Третьему — еще одному Андрею — двадцать.

У первого — орден Мужества, у второго — орден Мужества и медаль «За Отвагу», у третьего, самого младшего, двадцатилетнего, — орден Мужества.

И командир, Саша, за тридцать лет — с иконостасом его наград.

Я рассказываю, как все было.

Как они сняли свои куртки в депутатской комнате аэропорта Внуково. Как, смущаясь своими орденами, прошли мимо чиновников и генералов попить кофе и пива. Как я их познакомил с примчавшимся во Внуково их ровесником из МГИМО Максимом Лихолетовым, только что закончившим свою практику у нас, в Комитете по безопасности Госдумы. Как потом мы показывали им Москву: «Вот Ленинские Горы... Вот — Кутузовский... Вот — Кремль... Вот — Дума... Здесь — бывший ЦК, Волошин... Вот — наша газета...» Как потом тетя Люся, спаситель наших не очень богатых корреспондентов, кормила их в нашей столовой... Как потом мы поехали ко мне, на дачу в Переделкино, где мои друзья, Ирина Сабова и Владислав Тепленко, готовили ребятам ужин... Как вечером Максим и его однокурсник из МГИМО Сергей повезли ребят по ночной Москве, пока их командир Саша убаюкивал свою раненую руку... Каким был следующий день, официальный, в ДК «Меридиан», где по призыву младшего Говорухина собрались те, кто воевал в Чечне

по чьей-то воле и кто помнит тех, кто остался навсегда, навечно там. И как наши воюющие ребята отворачивались от телекамер... И был еще один день в Москве, вечер в Москве, когда мы сидели в Переделкине... Приехали Павел Гутионтов (для читающих, секретарь Союза журналистов), Анатолий Головков, замечательный журналист и бард (для слушающих), Дима Муратов, главный редактор нашей газеты (для думающих). Самый младший из четверых солдат, двадцатилетний орденосец Андрей, оказалось, родом из Грозного.

В январе 95-го — да, в том самом январе, когда я мчался на бэтэере по разрушенному центру, уже привыкнув к тому, что на обочинах лежат тела, бывшие люди, — он учился в школе в Старопромысловском районе.

— Ты не знал, что в центре города идут бои?— спросил я Андрея.

— Мы еще думали, что можем доучиться...

В школе уже вылетали стекла от бомбовых ударов, и учителя — и чеченские, и русские — забирали домой классные журналы, чтобы их не унесли бомбежки. Там, на окраине Грозного, все еще думали, что пронесет, что война не коснется их. Ведь они — еще дети.

— В твоем классе были только русские или русские и чеченцы?

— Половина на половину. А что, это важно для вас? — спросил меня Андрей.

— Да нет... А что дальше? Война же...

— Потом мне отец сказал: «Здесь, наверное, будет очень тяжело. За тобой едет твой дядя. Закончишь школу в Ставропольском крае».

— А почему остался отец?

— Он — нефтяник. Он думал, что еще наладится...

Андрей кончил школу там, у дяди. Поступить в Грозненский нефтяной институт, который закончил его отец, он уже не мог: не было ни института, ни самого Грозного. Потом пришлось и родителям уехать из Грозного. Потом Андрея призвали в армию. Потом — оказался в маленьком подразделении, которым командует Саша, где мужество — не доблесть, а работа. Такая вот вышла жизнь.

Ну а потом...

Потом, потом... В январе 2000-го двадцатилетний Андрей брал штурмом собственный дом. И — за взятие своего собственного дома — получил орден Мужества.

— Скажи, парень, а могло так случиться, что твои одноклассники, чеченцы, стреляли бы в тебя из твоего же дома?

— Нет... Нет... Я знаю всех своих друзей. Их тоже увезли родители из Грозного тогда, в начале девяносто пятого...

— Ты знаешь, где они сейчас?

— В Ставрополе, даже — в Москве.

— Так с кем же ты там воюешь?

— Только не с моими... Чеченские ребята из Грозного не воюют.

— А кто же? Наемники?

— Да... И еще пацаны с гор, для которых Грозный — как для меня Москва.

Это, повторяю, мнение двадцатилетнего Андрея.

Ребята, с которыми меня свела жизнь в последние дни этого года и века — не какие-нибудь шакалы войны: каждый хотел и хочет учиться дальше. Но

вот время такое... Да еще (повторяю почти дословно то, что услышал от каждого): «Денег не хватит ни у нас, ни у родителей, чтобы поступить...»

Пока они воюют.

А их командиру Саше назначена еще одна операция. Руке — больно.

Его бы уговорить в Москву, в Бурденко. А он — о них.

Для его ребят — еще одна операция. Спецоперация. Сейчас, в канун уходящего года...

Эй, будьте живы!

Не забуду историю Андрея.

Штурм собственного дома... Орден — за штурм...

Качели во дворе. Мама с папой — и он между ними. Футбол... Драка... Взгляд девчонки... Мороженое...

«На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон...»

Туманятся Николкины глаза...

Мы что-то штурмуем.

Или детство. Или будущее.

Саша звонил мне последний раз летом 2002-го. Из-под Шатоя. Связь была очень плохой, и я только сумел понять, что рука двигается, и с ребятами все в порядке.

Сашу представляли на звание Героя России два ж-

ды. Не дали. Вручили еще один орден Мужества — по-моему, уже третий по счету.

Он очень переживал и злился.

Ему намекали, что надо кому-то что-то дать.

Дать он ничего не мог — нечего было дать.

Я не знаю, где он сейчас, и очень волнуюсь.

Все время вспоминаю, как он лежал поперек дивана, положив ноющую руку на подушку и еле сдерживая слезы от невыносимой боли.

Где сейчас Ваха Арсанов — тоже не знаю. Во время второй чеченской войны о нем ничего не было слышно. Может быть, работает «гаишником» в каких-нибудь Эмиратах.

Ну ладно... В новый, тревожный, драматический год 99-й.

БЛОКНОТ ПЯТЫЙ: ГОД 1999-Й

На нас ничья вина,
Нас просто меньше стало.
Жестокая война
Возьмет еще немало.

Темен и страшен оказался этот 99-й...

Все предчувствовали, что он может быть последним для ельцинской эпохи, хотя никто не мог предсказать точно, сколько она может еще продлиться.

Весь год прошел под знаком премьерской чехарды — Примаков, Степашин, Путин, да еще Аксененко, который после Примакова. Выскочил, как черт из табакерки: помню слова Селезнева в Думе, когда все ждали пакет из Кремля с именем нового назначенца: «Президент предлагает Аксененко». Но в пакете оказалось имя Степашина, и в Думе долго шутили по поводу испорченного слуха у спикера...

Ну уж ладно — чехарда с премьерами, показавшая хрупкость власти Ельцина, его личные шарахания то ли от бессилия, то ли от усталости уже немолодого человека.

Год 1999-й принес в Россию страшные, кровавые сюрпризы, от которых мы не можем опомниться и

по сей день: взрывы домов в Москве, в Волгодонске и, наконец, неожиданное нападение на Дагестан банд Басаева и Хаттаба.

В том августе, когда так шарахнуло, мне дважды на протяжении двух недель пришлось побывать в Дагестане, поэтому соединю два отчета о двух командировках.

Первый:

«В ночь с пятницы на четверг началась гроза. Громыхало в небе так, что закладывало уши, вполнеба пылали молнии, какие можно увидеть, наверное, только здесь, в южном небе тревожных кавказских предгорий.

Рейс Махачкала — Москва снова откладывался, который уже раз за этот день.

— А мы только что переводчика Хаттаба привезли, да еще двух раненых, — сказал пропыленный омоновец, с которым познакомились в аэропорту.

— Раненых наших? — спросил я.

— Раненых, — бросил он и отошел к своим, таким же пропыленным и небритым людям еще одной кавказской войны.

Несмотря на грохот и молнии в небе, приземлился тяжелый транспортный самолет — уже пятый за последние несколько часов, насколько я сумел их сосчитать.

И эти самолеты, и множество омоновцев в аэропорту, не только с автоматами, но и с «мухами», и сама Махачкала, где присутствие людей в защитном камуфляже куда заметнее, чем раньше, во время прежних поездок в Дагестан и даже во время чеченской войны, — все это для августа 99-го года куда более грозные признаки, чем любые природные ка-

таклизмы. Но даже солнечное затмение, которое я наблюдал через черное стеклышко — мне дал его парень из СОБРа, — не вызвало никаких ассоциаций с событиями, которые вновь потрясали Северный Кавказ и всю Россию...

В этой командировке меня, честно, совершенно не занимали военные сводки, идущие с полей, точнее, с гор сражений против вторгшихся через перевал Снежный хаттабовцев и басаевцев: во-первых, сводки эти с регулярной периодичностью сообщаются во всех теленовостях, а во-вторых, с некоторых пор победные генеральские сводки у меня уже не раз ассоциировались с победой над здравым смыслом.

Что, Дагестан тоже «уходит»? На карте появилась новая Чечня? Россия опять втягивается в безнадежную кавказскую войну, повторяющую, как в зеркале, недавнюю бойню, в которую втянули нас президент и его горе-куропаткины? Чтобы ответить на эти совершенно наивные вопросы, я и прилетел в Махачкалу.

Встретился с председателем Госсовета республики Магомедом Магомедовым, с депутатами, аналитиками и сотрудниками спецслужб. Целый вечер просидели с мудрым Расулом Гамзатовым, чей авторитет в Дагестане непререкаем. Разговаривал с десятками людей, не обладающих кабинетами и властью, а просто живущих здесь и не собирающихся никуда из Дагестана уезжать.

Так вот, первое: Дагестан «не уходит», новой Чечни на российской карте не появится. Чтобы такое произошло, кремлевским политикам надо было бы, как минимум, громогласно объявить о «восстановлении в Дагестане конституционного строя». Как, собственно, и было в Чечне, где бессмыслен-

ными бомбежками городов и аулов, жесточайшими «зачистками» селений, фашистскими фильтлагерями, убийствами десятков тысяч жителей просто за то, что они чеченцы, заставили множество людей, и не помышлявших об отделении от России, принимать каждого русского за оккупанта и захватчика.

У каждого, с кем пришлось увидеться в Дагестане (не только во время последней командировки, но и во многих предыдущих), свой ответ на вопрос, почему Дагестан был и остается частью Российской Федерации. Для политической элиты это прежде всего вопрос сохранения власти. Для коррупционеров и бандитов (что, в принципе, совсем не означает, что одновременно они не входят и в политическую элиту, чем, правда, сегодня никого не удивишь на наших пока еще бескрайних просторах) — возможность превращать деньги из федерального бюджета в королевские особняки на Каспии: случайно ли Дагестан одна из самых дотационных республик в составе России? Но большинство людей, не примыкающих ни к тем, ни к другим, не способны даже представить свою жизнь по законам шариата, а уж тем более по ваххабистским установлениям того же Хаттаба. (В одном из «горячих районов», куда проникли боевики, ваххабитов поддерживают аж 250 человек из 2500 жителей, в другом — аж 150 из почти 5-тысячного населения.)

Чего я только не наслушался! От «попробуй заставь мою жену надеть паранджу — скорее сам ее наденешь» до совсем уже экзотического: «Какие-то негры нас хотят захватить». «Неграми» оказались суданцы, которые тоже пришли с Хаттабом. Запомнились слова Расула Гамзатова: «Как можно себе представить жизнь без «Войны и мира» и без «Пре-

ступления и наказания»? Но даже люди, для которых русская литература не является потребностью каждого дня, в жизни, в быту не могут обойтись без русского языка, соединяющего десятки национальностей Дагестана.

Нам, живущим на среднерусских просторах, все одно, что Чечня, что Дагестан. Но принципиальное различие в устройстве этих республик как раз в том, что Чечня фактически мононациональна, а Дагестан многонационален — «дагестанской нации» просто не существует в природе. Потому-то, когда Надыр Хачилаев со своими сторонниками занял здание Госсовета в Махачкале, серьезно он не был никем поддержан по одной причине: ни один из влиятельных национальных этносов за ним не стоял. Лозунгов о борьбе с коррупцией власти оказалось явно недостаточно, чтобы вывести на улицу тысячи людей.

(По нашему географическому кретинизму нас опережают разве что американцы. Не забуду, как в Нью-Йорке один университетский профессор долго уговаривал меня перестать бомбить Южную Африку. «Чего?» — никак не мог я его понять. — «Ну эту Чечню»).

Это — попытка дать ответ на первый наивный вопрос. Теперь — на второй.

Видим ли мы самих себя в зеркале чеченской войны?

Нет.

Вспоминаю, да разве это можно забыть, все свои поездки туда, в Чечню. Ни разу ни от кого из чеченцев я не слышал: «Спасибо вашей армии за то, что она здесь». Только одно: «Уходите, пожалуйста, уходите». От их вождей до их полуграмотных дедушек.

Зато в Дагестане ни разу ни от кого не услышал:

зачем здесь ваши солдаты, ваши вертолеты, ваш спецназ?

«Против нас совершена агрессия. Мы ждем помощи от федерального центра», — убеждал меня М. Магомедов. Ну ладно, он председатель Госсовета... Боевики, проникшие в Дагестан, никому, кроме нескольких сотен сторонников ваххабитов, здесь не нужны. Они проникли сюда силой. Они хотят здесь установить свои порядки точно так же, как Кремль — в Чечне, даже если эти порядки неприемлемы для тех, кто здесь живет. Потому-то даже Надыр Хачилаев, главный противник сегодняшней официальной Махачкалы, не толкает своих сторонников на помощь Хаттабу и Басаеву, хотя, как я знаю, и с тем и с другим находится в прекрасных отношениях.

И еще об одном обстоятельстве.

Как только стало известно о нападении боевиков Хаттаба на Дагестан, мгновенно начали говорить, в том числе и московские официальные лица, о Чечне и чеченских боевиках.

В Махачкале я увидел Евгения Баранова и Виктора Швагериуса, корреспондентов ТВ-6 (с ними мы совсем недавно работали в Югославии), только-только вернувшихся из района боевых действий. По их словам, состав боевиков весьма интернационален: наемники из Саудовской Аравии, из Пакистана, из Судана. Естественно, есть и чеченцы, но они по большей части тоже наняты как командиры, имеющие боевой опыт. А основная сила ваххабистского движения — жители Дагестана, прежде всего — молодежь, подготовленная в ваххабистских лагерях.

И я вспомнил, как накануне днем Айнудин Асадулаев, полковник ФСБ, недавно ушедший в отстав-

ку, рассказывал с горечью, что еще в 92-м году он предупреждал и Махачкалу и Москву о том, как и чему учат дагестанскую молодежь в Саудовской Аравии, Иордании и Малайзии.

— Вот, кажется, и научили...

Реакции на его информацию не было никакой.

«Мы всегда боремся не с палкой, а с тенью от палки», — сказал мне Расул Гамзатов.

Да, мудрый он человек. Особняки дагестанской знати под усиленной охраной. Вот дом вице-премьера, вот дом министра, вот дом мэра, объясняет мне мой попутчик. Когда-то, всего два года тому назад, один высокопоставленный дагестанский чиновник чуть было не устроил мне специальную экскурсию по городу под туристским девизом: «Вперед к инвестициям!» Потом, видимо, мужество ему изменило... а может, просто не хватило времени?

Вспомнил жуткую бедность в тех селах, где сейчас идут бои: когда-то залетал туда на вертолете.

Узнал, что все громкие истории о борьбе с коррупцией в Дагестане, провозглашенные полгода тому назад, постепенно ушли в песок. По крайней мере, никто в городе в этом не сомневается.

И — вторая командировка. Всего лишь день назад это еще были живые люди. А теперь их тела были небрежно свалены в разрушенной будке автозаправки на окраине села Карамахи, о существовании которого мало кто знал до начала очередной кавказской войны.

Я вдруг почувствовал, что сам начинаю привыкать к таким картинкам (какая это по счёту моя командировка на войну? Пятая? Десятая? Если бы мог такое представить себе в юности — лучше бы даже не становиться журналистом!)

Тела девяти боевиков собрали в подвалах разрушенных авиацией домов этого села, за которое целую неделю шел бой.

— Сволочи! — говорит местный ополченец. — Трое из них прятались в подвале среди женщин и детей. За их спинами. Моих троих уложили. И одного пацана из федералов. Ему оставался до дембеля один день.

Убитые — люди явно не местные. Один из них — негр. Местные пособники «вахов» — так здесь называют ваххабитов — из села ушли. Два дома и сейчас еще объаты пламенем: им не простили.

В Дагестане я был со своими коллегами по Госдуме, заместителями председателя Комитета по обороне Алексеем Арбатовым и Николаем Безбородовым и советником министра по делам национальностей Юрием Солдатенковым. Очень помог Курбан Кубасаев, руководитель дагестанского Управления Министерства РФ по антимонопольной политике. Мы побывали везде, куда можно было попасть. Иногда нас предупреждали: «Дальше не надо. Там снайперы». Иногда — равнодушно бросали: «Если прорветесь — значит, вам повезло».

Нам повезло: ни одна пуля не оцарапала машину.

Многим, очень многим повезло меньше: дагестанская война унесла новые и новые сотни жизней наших ребят.

В Новолахский район мы приехали спустя два часа после того, как десантники взяли очередную высоту.

— Сколько ребят погибло? — спросил я у заместителя командира полка.

— Шестнадцать...

Вечером из теленовостей я узнал, что погибло всего двое...

Опять ложь.

Точно так же, как это постоянно происходило в Чечне, основные потери понесены от своей же авиации.

— Сколько людей погибло при штурме Карамахи? — спросили мы у Магомеда Исмаилова, начальника дагестанского РУОПа, чьи бойцы брали это село.

— Честно сказать или как? — грустно спросил он нас.

— Честно...

— Сорок процентов — от нашей авиации...

Об этом говорят все, включая и командующего группировкой внутренних войск генерал-полковника М. И. Лубенца: «Мы были вынуждены отказаться от авиации. Не умеют ребята работать».

И еще одна ложь: официально сообщалось, что солдатам и офицерам будут платить чуть ли не восемьсот рублей за каждый день боев. А получают они по двадцать два рубля командировочных. Как раз на пачку сигарет. У боевиков множество английских снайперских винтовок — у наших две на весь Дагестан. Не говоря уже о том, что задолго до этих событий в мятежные села спокойно ввозили тяжелое вооружение.

Но теперь — о самом главном.

Не было ни одного человека, от офицеров федеральных войск до ополченцев, кто не сказал бы нам о странностях этой войны.

*Мы молились тогда,
Что, даст Бог, устоим.
Разгулялась там смерть
Беспредельно.
А еще артиллерия —
По своим.
Может — случай,
А может — прицельно.*

Во-первых, все, что произошло, планировалось давно и открыто.

В тех же Карамахи власть уже несколько лет принадлежала ваххабитам.

Однажды местные жители в клетке доставили в Махачкалу ваххабистского идеолога. И что? Его просто отпустили. Я видел конспекты слушателей ваххабистских центров. Там не было ни слова о вере, о религии — только о том, как взрывать, как нападать на армейские подразделения, как минировать, как уходить от преследования, как брать заложников.

Мне рассказали: недалеко от селения Губден ваххабиты организовали в заброшенной ферме школу для трехсот молодых слушателей. Местная власть никак не отреагировала. Выгнали их оттуда местные жители. То, что был дан коридор для выхода боевиков Басаева и Хаттаба, чистая правда. Да и не только их.

Чтобы Радуев выехал на лечение в Турцию, ему дали зеленый коридор по всему Дагестану. Чуть ли не с мигалкой впереди. Хаттаб много раз оказывался на мушке у местных омоновцев, но всегда в последнюю минуту поступал приказ: не стрелять! Что он постоянно бывал в Карамахи — знали все. И что? Да ничего!

Ни-че-го!

Нет человека в Дагестане, который не называл бы Березовского главным виновником войны.

Но что ответишь на постоянные вопросы:

— Вы что там, в Москве, не можете с ним разобраться?

Все, включая руководство внутренних войск, говорили о том, что граница практически открыта: через Грузию и Азербайджан спокойно проходят сот-

ни машин с оружием для боевиков. Беспрепятственно летают вертолеты без опознавательных знаков. И что? Да тоже ни-че-го! На что рассчитывали боевики?

На усталость людей в Дагестане от повсеместной коррупции властей. Здесь покупается каждая должность (устройство на работу в милицию — 5 тысяч рублей, следователем в прокуратуру — 50 тысяч. О должностях министров и вице-премьеров я уже и не говорю).

Это счастье, что народ Дагестана простил властям их нескончаемые взятки — потому что оказаться под властью еще более страшного зла ему, народу, было еще тяжелей.

И еще о нашей пропагандистской лжи.

И из телерепортажей, и уже на месте, от наших военных, мы слышали о дотах, дзотах, о разных бетонных сооружениях, из-за которых так затянулась военная операция. Но обошли все село Карамахи — ничего этого не увидели. Затяжная операция, стоившая жизни многим российским солдатам, — опять-таки от беспомощности нашей армии.

Слов не хватает, что же с ней стало...

Одна трогательная деталь. Сколько раз слышал: — Русских мальчишек жалко — у вас же в семьях один-два ребенка. А у нас — четыре-пять. Пусть уж лучше наши воюют...

Я не знал, что ответить. Только обнимал людей, которые мне это говорили.

Трудная была эта командировка.

Почему-то все время перед глазами картинка из Карамахи: черная корова с пробитым осколком боком бредет по селу, осторожно обходя убитых коров.

...Сейчас просто не вспомнить, почему в первый раз мне не удалось добраться до мест боев в Новолахском районе: то ли не было okazji, то ли кто-то не пустил.

Но когда — уже вместе с коллегой-депутатом Алексеем Арбатовым и генералом Юрием Солдатенковым (в то время — советником министра по делам национальностей) — прилетел туда второй раз, то попросил своего старого знакомца Курбана доставить нас в Карамахи, Чабан-Махи, в Новолахский.

Мы поехали на его «Волге», имея на четверых один «макаров» (оказывается, среди местных начальников, включая людей из ФСБ, поднялась в тот день дикая паника из-за неожиданного исчезновения двух депутатов).

Каждое дагестанское селение, мимо которого мы проезжали, охранялось местными ополченцами. Нас пропускали дальше только после тщательной проверки документов. Иногда дорога была перегорожена баррикадами из мешков с песком, хотя до «передовой» было еще очень и очень далеко. И мы понимали: никаким чужим пришельцам здесь не пройти.

Наконец добрались в Карамахи. Здесь еще построили. Канонада в горах.

Кто-то нам объяснил, как найти штаб генерала Лубенца, командующего Северо-Кавказским округом внутренних войск. Штаб оказался на вершине холма. «Волга» наша застряла в грязи, и мы пошли наверх, скользя по мокрой жиже.

Штаб занимал большую палатку. Генерал несказанно удивился столь нежданым гостям. Поговорили, попили чаю... Тут произошла сцена, для командующего, как я понимаю, не очень приятная. Его вызвали из палатки, мы вышли следом за ним. Его

ждали несколько местных стариков: «Товарищ генерал, — обратился к нему один из них, видимо, самый уважаемый. — Ковры увозят, телевизоры увозят...» — «Какие ковры? Какие телевизоры?» — растерялся генерал. — «Грузят на броню и увозят... — объяснил старик и добавил: — Тоже, понимаешь, грабят...»

Генерал мельком взглянул на нас с Арбатовым. «Это наверняка не наши, это армейские», и тут же — старикам: «Точно, говорю, не наши. Нашим мы за это головы отрываем», и кому-то из своего окружения: «Сбегай, разберись!»

А когда старики ушли, снова — нам: «Мы за это точно головы отрываем...»

Мы ничего не ответили, так как во время чеченских командировок уже привыкли к виду танков, покрытых коврами... Там же, в штабной палатке, кто-то из офицеров показал мне пачку новеньких российских загранпаспортов, найденных у убитых боевиков: сплошь арабские имена, а на одной из фотографий — даже совсем черный.

— Найти бы этого козла в Москве, который снабдил их российскими паспортами! — зло бросил полковник.

Позже, в Москве, я попытался найти этих «козлов». И от высокого чина в МВД услышал совершенно фантастическое объяснение: «Да, в Чеченскую Республику было передано тридцать тысяч чистых бланков российских загранпаспортов! Как и в другие субъекты федерации: вы же не будете отрицать, что Чеченская Республика — часть России, или вы уже ее отделили?»

(Этот разговор был похож — точь-в-точь — на беседу с другим чиновником из правительства, ко-

торый произошел намного раньше, в августе 96-го, в разгар первой чеченской кампании. Ко мне попал документ, из которого следовало, что двести миллионов рублей из госбюджета перечисляются в Чечню только по двум статьям: «на экологию и рыболовство». Взбешенный, я приехал в Белый дом: «Вы хотя бы телевизор включите! Там же война! Какая экология, какое рыболовство, если в реке Сунже плавают трупы, а не рыбы!» А в ответ услышал: «Чечня — часть Российской Федерации, или вы с этим не согласны?»)

О святая наивность! И деньги тоже немаленькие...

В самом ли деле нападение банд Басаева и Хаттаба на Дагестан было как снег на голову? Почему дагестанская милиция и местные ополченцы вынуждены были в одиночестве оказать сопротивление им? Где были наши внутренние войска? Почему никто не знал и не предполагал — где же была наша разведка? — что здесь скоро начнется?

Но, как я уже говорил, спецслужбы год за годом сообщали об опасности, которая нависла над Дагестаном из-за хитроумной работы исламских эмиссаров с местной молодежью. Этой информации то ли не верили, то ли не придавали ей значения. Сам Сергей Степашин, еще в качестве министра внутренних дел, побывал на месте и во всеуслышание заявил, что ничего страшного в ваххабитах нет — люди как люди. Даже принял в подарок от них бурку, которую, как он сказал мне впоследствии, передал в музей МВД. Но еще интересней другое!

По дороге из Махачкалы в Карамахи, приближаясь к местам боев, остановились у минометного расчета, расположившегося под небольшой горкой.

— Мимо ехал Хаттаб на машине, я хотел открыть огонь — мне запретили, — рассказал молодой старлей.

— Кто запретил? Звание, должность, фамилия?! — потребовали мы.

— Ну не могу я этого говорить! У меня есть командиры! — понуро ответил парень...

Я говорил со многими участниками этих боев — и все в один голос рассказывали: «Ушли спокойно, как на параде. Хаттаб на «лендровере», Басаев — на джипе... С ними боевики — на КамАЗах...

Повторяю, слышал это от многих. И уже не могу не поверить истории, которую мне рассказали совсем недавно: в день отхода из Дагестана самолеты в Ростове, как специально, остались без «горючки», а над колонной Хаттаба и Басаева спокойно барражировали российские вертолеты.

Могу и в это поверить. Точно так же, как очень скептически отношусь к теориям о неких «козьих тропах», по которым Хаттаб и Басаев ушли в Чечню (так объясняют мне различные московские начальники в больших погонах).

Да, они покинули Дагестан целыми и невредимыми. Контртеррористическая операция была завершена — и запущен механизм новой, большой войны.

Кто повернул этот ключ? Почему не прислушались не только к Григорию Явлинскому, который неоднократно заявлял, что надо дойти до Терека, до предгорий (где живет лояльное к России население) и там остановиться, но и ко многим боевым генералам, которые тоже доказывали, что лозунг «Вперед, на Грозный!» обернется слишком большими жертвами и слишком затяжной войной?

Узнать, как принималось это решение в тайных

коридорах Кремля, очень трудно: все, кто мог давать такие советы, пока еще при должностях и постах.

Но после первой чеченской войны я собрал у себя, на даче в Переделкине, некоторых людей, кто тогда, в конце 94-го, присутствовал при том решении Ельцина: «Вперед, на Грозный!»

Тогда я был автором и ведущим одной телепередачи на первом канале (потом она была запрещена, как мне сказали, лично Березовским) и у меня осталась стенограмма этой встречи. Кое-что могу процитировать:

«Свидетельствует Рамазан Абдулатипов:

— Четырнадцатого декабря я написал записку президенту о том, что мы идем неправильным путем и фактически восстанавливаем против себя весь чеченский народ, что надо отказаться от тех людей, которые уже дискредитировали себя нелепыми политическими решениями и что переговоры надо вести с каждым лидером, с каждым, кто считает себя лидером, и таким образом растворить Дудаева среди других лидеров.

— И эта записка попала к Ельцину?

— Да... Тем более что накануне у меня побывали лидеры религиозных движений, старейшины... Они просили на три дня объявить перемирие, для того чтобы войти в контакт с Дудаевым. Они даже так мне сказали: «Если Дудаев не пойдет на переговоры, то мы выйдем на прямой диалог с народом, минуя его». И об этом я тоже написал в записке к Ельцину. И Ельцин объявил перемирие на два дня, начиная с пятнадцатого декабря.

— Был ли неожиданным для вас приказ о предновогодней атаке?

— Дело в том, что в конце декабря я вышел на

связь с председателем парламента Чеченской Республики Идиговым (хотя меня до сегодняшнего дня ругают за то, что я его так называю, но для меня главным было не как его называть, а насколько он способен на переговоры). Через сутки Идигов мне позвонил: да, мы готовы идти на переговоры. Я получил фактическое разрешение на переговоры от Шумейко и через него — определенную поддержку и президента. Мы подготовили программы переговоров, согласовали их с Ковалевым, Пономаревым, Зюгановым, Лысенко и многими другими депутатами Госдумы. И должны были вылететь двадцать седьмого декабря в Махачкалу, чтобы начать переговорный процесс. Но неожиданно нам сказали: с вылетом надо повременить.

— Кто сказал?

— Официально с нами встретился Егоров (в то время — председатель Совбеза или глава президентской администрации, уже подзабыл. — Ю. Щ.) и сообщил, что Совет безопасности поручил провести переговоры ему и Степашину и переговоры могут быть только об одном — о капитуляции. Я ответил ему: «С предложением о капитуляции на Кавказ ехать нельзя. Можно заранее предположить, чем это кончится». Тогда я понял, что у партии войны уже есть свой план... Самое страшное, что президент стал заложником тех людей, которые обещали ему в течение недели обеспечить скорую победу над Чечней.

Свидетельствует член Президентского совета (в 94-м) писатель Юрий Карякин:

— Двадцать седьмого декабря девяносто четвертого года шло заседание Аналитического совета при президенте, куда я входил. Там было много серьезных людей: Яковлев, Сатаров, Ясин, Лившиц... Делал доклад Олег Лобов, только что вернувшийся с

Совета безопасности; он уверял нас всех, что уже найдено политическое, а не военное решение чеченского вопроса. Я выступил и сказал, поскольку я сам человек старый, то по тону уже могу определить, когда мне врут. Так вот, Олег Иванович, сказал я ему, вы нас, мягко говоря, обманываете...

Еще более резко выступили Левада, Сатаров, Лившиц. Но Лобов нас заверил, что чеченская проблема будет решена мирным путем, то есть он нам сознательно врал.

Свидетельствует Сергей Юшенков, председатель (в 94-м) Комитета по обороне Государственной Думы:

— Вы помните знаменитое обращение Бориса Ельцина с требованием к чеченцам сложить оружие в течение сорока восьми часов и с обещанием ввести чрезвычайное положение? Я прекрасно понимал, что такое угрожать чрезвычайным положением целому народу, и пытался выяснить: а есть ли в обращении такие слова? Меня уверили, что есть. Но Иван Петрович Рыбкин сказал мне, что в окончательном варианте обращения таких слов нет. Звоню Лобову. Тот уверяет, что есть такие слова. «Да посмотрите само обращение, подписанное президентом», — прошу я его. Он смотрит: «Да, действительно, нет. Но это не имеет никакого значения. Вы что, не понимаете, что нам нужна маленькая победоносная война для повышения рейтинга президента?»

— Он что, так и сказал?

— Именно так, и я готов где угодно это подтвердить... Этот цинизм меня просто потряс...

Да, скорее всего, именно так в декабре 94-го и принималось то политическое решение, за которое

Россия заплатила так дорого, за которое все мы платим и платим и сколько еще будем платить.

Понимаю, разное время, разные президенты, разные закулисные разговоры и, наверное, тайны тоже разные.

А цена-то одна: жизни людей.

После этого — сентябрьские взрывы в Москве, взрыв в Волгодонске, знаменитое «Мочить в сортире» и всенародное ликование.

В то время у нас шла избирательная кампания. Думаю, что постоянные предостережения Григория Явлинского об опасности новой, большой чеченской войны понизили тогда рейтинг «Яблока».

Да черт с ним, с рейтингом!

Сколько ребят полегло тогда при наступлении на Грозный! Сколько там гибнет каждый день!

В конце декабря 99-го я написал в «Новой газете»: «Я забыл, что эта карта висит у меня на стене.

Рядом с фотографиями моих друзей — живых, умерших и погибших.

В 1995 году эта карта была секретной: там чеченцы — там русские. Граница между двумя жизнями. Граница — между жизнью и смертью.

Я попросил нашего друга (нашего — это означает одно: люди — выше денег), бывшего полковника внутренних войск, воевавшего тогда и знающего ситуацию сегодня, пройти по этой карте.

Он — прошелся. Он, знающий каждое селение и каждую гору.

Вот что получилось: российские войска находятся там же, где были в 1995 году.

ТАМ ЖЕ.

Давайте разберемся. Давайте...

Что важнее? Люди или страна?

Путин делает свою карьеру на гибели не менее двух тысяч ребят еще в ноябре 1999 года (поверьте мне — мой товарищ, вернувшийся из Бамута, имевший за эти годы нашей новейшей истории пять ранений, назвал мне эту цифру), но их мамы, их жены, их дети не думают о стране. Им стало жить одиноко.

Да, ребята рвутся в бой.

Но с кем они воюют? Что они подразумевают под словом «боевики»?

Год назад я был в Грозном. Меня охраняли ребята из президентской гвардии Масхадова. То есть всего год назад мы их признавали. Кто воюет сегодня?

Да, наемники, которые, кстати, проникают в Чечню не через Грузию, а через Россию (конечно, за деньги, даже негры!).

Да, террористы (Хаттаб, Басаев, Радиев и т. д.), чью безопасность обеспечивают российские генералы.

Это — важно для нашего понимания кавказской войны.

Кто воюет еще?

Те, кого мы сами сделали бойцами, — чеченские дети, выросшие под бомбами 1995 года.

Российские солдаты погибают со словом «Ура». Но за этим «ура» — деньги, о которых не знают умирающие ребята.

Приведу свидетельство полковника Генштаба С. К. с той, еще первой войны (оно только что попало ко мне в руки):

«Я тогда был в резиденции Завгаева и Кошмана на «Северном» (аэропорт в Грозном: поэтому к Завгаеву и прилипла кличка Стюардесса. — Ю. Щ.).

Каждый день прилетали самолеты — тут же к борту прижимались КамАЗы, куда выгружали мешки с деньгами... За день проходило до десятка машин... Последнее совещание у Кошмана, где присутствовало девятнадцать министров. Кошман говорит: «Здесь пятьдесят пять миллиардов рублей. У тебя есть тейп. Бери деньги себе. Есть куда направить средства в твоём тейпе?» Тот что-то промычал. По кабинету разнесли мешки с деньгами. Это был декабрь месяц 96-го года».

Декабрь 96-го года... 55 миллиардов... Окончание первой чеченской войны. Кошман — вице-премьер 1999 года.

А ребята гибнут.

Еще раз: во имя чего ведется чеченская война и кому она нужна?

Да, терроризм, террористы...

Но ведь ни один лидер террористов не уничтожен.

Кто же гибнет? За что? Почему?

Чтобы Кошман поделился деньгами? Чтобы вновь, как пять лет тому назад, в период первой чеченской войны, из бюджета выделялись деньги на поддержку в Чечне «экологии и рыболовства»?

Чтобы ни одна наша спецслужба не выясняла, откуда у чеченцев самое современное российское оружие (сколько я ни обращался к нашим военачальникам с просьбой дать мне хотя бы один номер снайперской винтовки, сделанной в Туле в 99-м году и оказавшейся у чеченцев, — молчание в ответ). Да, нельзя больше унижать армию.

Но эти слова говорят цинично, под аплодисменты своих союзников из «медведей», коммунистов и ЛДПР, люди типа Жириновского, не отправляющие своих детей на войну.

Для них Родина — это власть, а не люди, живущие в пространствах России.

Для них Родина — это Волошин, Березовский и Чубайс.

Что должен был сделать нормальный кандидат в президенты России?

Назвать поименно всех погибших российских ребят. Но они — меньшинство.

Меньшинство — погибшие и беженцы. Меньшинство — учителя и врачи, не получавшие зарплату уже в его премьерство. Меньшинство — люди. Большинство — власть и офицер действующего резерва КГБ Грызлов, поставленный Путиным во главе мифического «Медведя».

Вот почему смотрю я на эту карту 95-го года, пытаюсь понять и не способный понять, почему у нас все одно и то же.

Только ребята гибнут. Еще одно поколение...

...2000 год я встречал на даче своего друга, замечательного писателя Эдуарда Успенского. Ночь, естественно, не спали, надеясь отоспаться на следующий день.

Утром меня разбудил Эдик:

— Срочно вставай... Включай телевизор.

Первого января ошарашенная от недосыпа страна узнала, что Борис Николаевич Ельцин добровольно ушел в отставку, назвав своим преемником Владимира Путина.

Начиналась новая эра.

**БЛОКНОТ ШЕСТОЙ:
ГОД 2000-й**

Чтоб над телом моим
Не поставили крест,
Чтоб врагу не показывать
Спины,
Именами святыми
Наших жен и невест
Нарекли боевые
Машины.

Вся прошедшая война в Чечне шла под названием «антитеррористическая операция». Те, кто воевал и погибал там, не очень-то понимали разницу.

Летом было принято решение дислоцировать на всей территории Чечни армейскую дивизию и бригаду внутренних войск на постоянной основе (как военные городки).

Мы, группа депутатов из Комитета по безопасности Госдумы, решили поехать туда и увидеть все собственными глазами.

Я написал тогда:

«Сентябрь — окончание холодного лета 2000-го. В среду ночью вернулся оттуда. Продолжаю чеченский дневник: начало — январь 95-го, пальба, огонь, дым, неубранные трупы на улицах, подвал под грозненским молокозаводом (тогда с непривычки было удивительно страшно).

...Что такое пейзаж после битвы — понимаешь, когда смотришь с вертолета. Мы облетели практически всю Чечню с севера на юг. И если на севере, над станицами Наурской, Знаменской, Шелковской, практически не видно следов войны, то чем ближе к Урус-Мартану, Гудермесу, Шали, тем больше взорванных мостов, разбитых дорог и — руин, руин, руин... Вот он, наш отечественный космос. О самом Грозном уже и не говорю — если что и делать с этим городом, так только одно: продать его Голливуду для съемок фильмов ужасов. Да, еще одна деталь, замечательно видимая с воздуха: пылающие горы. Вначале не понял, что это за вечные огни (в одном месте, где-то в районе Гудермеса, насчитал их одиннадцать). Пояснили: это взрывают подпольные нефтяные скважины. Там, где можно, чьи можно. А чьи-то нельзя... Но об этом позже.

Идея этой поездки возникла в Комитете по безопасности Госдумы после выхода президентского указа о создании в Чечне воинских частей на постоянной основе — как армейских, так и внутренних войск. В принципе, идея здоровая и нужная: если уж закрепляться в Чечне, то закрепляться по-настоящему, а не наскоками, командирова туда на три месяца то одни батальоны, то другие... Сколько людей погибло при таких передвижениях, мы уже знаем. Вспомнить хотя бы подмосковный ОМОН, который так и не добрался до конечного пункта своей опасной командировки...

Мы решили посмотреть, как же налаживается эта «постоянная основа». Как живется офицерам и солдатам? Каким оружием они воюют? Как обустрои-

ваются? Как к ним относится местное население? Проявлена ли забота о семьях павших офицеров?

В нашу делегацию входили четверо: Аркадий Баскаев, Василий Волковский, Николай Овчинников и я. Так как мы должны были побывать в расположении 46-й бригады внутренних войск, то с нами летел (или, точнее, мы с ним, так как это был самолет ВВ) и генерал-лейтенант Станислав Кавун, заместитель командующего. Чуть не позабыл написать: внутренние войска МВД РФ (кто-то из умников в МВД начал смертельно обижаться, если не добавить священное «МВД РФ», будто внутренние войска уже перешли в налоговую полицию).

Мы побывали и в штабе бригады, который будет располагаться в районе разгромленного аэропорта «Северный», и во всех пяти батальонах, раскиданных в разных районах Чечни. Что они из себя представляют, места постоянной дислокации?

Вырывается ров, который по периметру окружает батальон. Ставятся палатки. Водружается российский флаг. Устанавливаются щиты с портретами исторических героев кавказской войны. Суворов по сравнению с Путиным кажется карликом: его портрет раз в пять меньше, чем нашего президента. И начинается великое строительство: этот временный бивуак должен стать военным городком.

Где-то есть уже электрический свет, у других пока его нет... У одних только холодная вода, у других — только горячая (вдруг источник обнаружили). Здесь уже асфальтируют дорожки, а там еще непролазная грязь. Некоторые офицеры взяли с собой жен: ведь жить здесь долго, два года как минимум, другие только и думают, как бы унести ноги из этого бесприютства.

Но еще, еще и еще раз убедился: люди у нас лучше, чем власть. Люди настоящие, а власть — виртуальная.

Мы привыкли, что наши российские люди, а уж тем более офицеры и солдаты, умеют преодолевать трудности. Так же, как к тому, что власть обязана создавать трудности, чтобы люди не разучились их преодолевать.

Подписав в августе Указ о размещении в Чечне наших частей на постоянной основе (46-й бригады ВВ и 42-й армейской дивизии), президент Путин, видимо, не поинтересовался: есть ли деньги на такое грандиозное начинание?

Под новые части не было выделено ни копейки! По крохам собирало деньги командование внутренних войск (в армии, как я знаю, такая же ситуация). Миром, как говорили раньше, скидывались на то, чтобы людям было где жить и чем воевать...

Да еще и обманывали...

В штабной палатке набились офицеры — замечательные глаза, мужественные лица... Ох, эти ребята из внутренних войск! Как же им досталось от революционных наших преобразований! От Ферганы до Карабаха, от Осетии до Чечни! Сколько голов сложили! И вот приезжает к ним делегация Комитета по безопасности Госдумы. Как бы власть... О чем же они у нас спрашивали? Да нет, сначала не о своих судьбах. Почему им дают списанную технику? Почему у них устаревшее оружие? Почему попадают к ним солдаты метр с кепкой — здесь же все-таки война? И потом, сами себя стесняясь, вопросы: а все-таки, как нам будут платить? «Давайте, давай-

те, не стесняйтесь...» — говорим мы. Оказывается, когда им предлагали поехать в Чечню на эту «постоянную основу», то обещали два месячных оклада. На месте оказалось — полтора. (Хотя в той же Северной Осетии, где сейчас более-менее мирно, платят двойные оклады, что, в принципе, тоже не миллионы). Обещали «боевые»... «Боевые» — это почти девятьсот рублей в день, как платили во второй чеченской войне.

Мой коллега по Думе, генерал-полковник Аркадий Баскаев, в недавнем прошлом командующий Московским округом внутренних войск, объясняет:

— Ну кто же вам сказал такую чушь? Да, надо пробивать «боевые» тем, кто будет участвовать в боевых операциях, кто будет сидеть на блокпостах... Ну а всем? Когда в ту войну военные чиновники в Моздоке, не поднимавшие своих сидалищ от стульев, тоже получали «боевые», это же было неправильно, согласны?

Офицеры понимающе кивают...

И снова вопрос: «А квартиры нам дадут после этих двух лет?»

Баскаев отвечает вопросом на вопрос: у кого есть квартиры?

Поднимаются всего три руки...

— Кто же вам все это обещал?

Показывают официальную военкоматовскую листовку, из которой следует, что те, кто поедет в Чечню, может заработать аж по две тысячи долларов в месяц. Ну а в городе Казани дошли до того, что по телику давали бегущую строку с этими фантастическими условиями... Мы краснеем. Нам нечего ответить.

И вдруг — под самый дых:

— А почему за пересылку семьям из наших и так небольших денег Минсвязи вычитает восемь процентов?

Мы что-то говорим, что-то обещаем... Слава богу, Баскаев сумел договориться с губернатором Московской области Громовым, что он возьмет шефство над 46-й бригадой. Может, дома для офицеров построит? Может, дизелей подкинет?

Нам — верят. Или — не верят. Эти мужики привыкли, что им надо честно выполнять свою мужскую работу. Независимо от того, обманет власть снова или нет.

Аркадий Баскаев с удивлением смотрит на бэтэр на гусеничном ходу:

— Откуда он взялся? Такие списаны лет двадцать тому назад.

— Ну хоть что-то... — смущенно говорит комбат.

И такое — в каждом из пяти батальонов, где мы побывали.

Спрашиваю у артиллерийского полковника: «Что это за канонада была целую ночь? Палили по базам боевиков?» Он честно отвечает: «Снарядов у нас столько, что их дешевле отстрелять, чем уничтожить...»

Вот как! Если американцы в том же Афганистане испытывают новые виды вооружений, то у нас забота — как бы утилизировать старое, накопленное за последние десятилетия в таких количествах, что хватило бы и внукам и правнукам. И я понимаю удивление командующего Приволжским округом ВВ, с которым случайно встретился в Гудермесе: он посылал ребят воевать, а не охранять нефтяные сква-

жины местных баев! Я это видел и в первую, и во вторую чеченскую войну. Точно так же, как бойцов из какого-нибудь подмосковного гарнизона посылают строить генеральские дачи, наших солдат и офицеров в Чечне постоянно используют не только для борьбы с террористами, но и для более важной задачи — защиты коррупционеров. Не случайно, между прочим, на фугасах практически ежедневно подрываются рейсовые автобусы и армейские бэтээры, зато ни разу еще не был взорван бензовоз или эшелон с нефтью!

Что же сегодня происходит в Чечне?

Боев нет. А люди гибнут каждый день.

Обстрелы, фугасы... Даже в гудермесской комендатуре, на складе боеприпасов, обнаружили фугас. Но обнаружить удастся не всегда.

Сколько сегодня боевиков «в строю»?

— Банды — во всех районах, — говорит генерал-лейтенант Евгений Абрашин, командующий группировкой ВВ на Северном Кавказе.

У Масхадова — примерно 250 человек. У Басаева — 300—350, у Хаттаба (вернее, у тех, кто сменил «черного араба» после его гибели) — примерно 500, у Бараева — до 600...

По словам наших командиров, масхадовской армии, как таковой, больше нет, то есть нет единого управления. Способны к партизанским операциям? Да, конечно. К активным боевым действиям — нет.

*Вернуться все хотели
До дома да до хаты,
Но вот осиротели
На одного солдата.*

*Кавказские кресты...
За ними слезы вдовьи.
На грудь получишь ты,
А друг на изголовье.*

Цифры: 250, 300, 500 — вовсе не означают, что все эти бойцы разбиты на роты или батальоны. Нет, большинство из них давно уже в своих селах. Они, как говорят наши спецслужбы, «легализовались». Но есть еще одна странная вещь в этой войне, о которой я не могу не рассказать.

Все время хочется поименно назвать, кто же виновен в такой кровавой жатве этой войны? Сейчас я знаю, кто. Их двое: Квашнин и Масхадов.

Помните атаку на Григория Явлинского, когда — после событий в Дагестане — он предложил остановить наши войска на Терекском хребте и не идти дальше? Ведь погибнут тысячи... Что только тогда на него не навешали!

А оказывается, такого же мнения придерживалось и большинство генералов. Да, остановиться. Да, блокировать не лояльные к России чеченские районы. Незачем брать Грозный, жертвуя жизнями солдат и офицеров...

Тогда верх взял Квашнин, «сладкоголосый соловей», как зовут его в армии, нашептавший кандидату в президенты, что «замочить террористов» необходимо для политической победы...

А с другой стороны — Масхадов.

Оказалось (уж поверьте достоверности этой информации), что Басаев и Хаттаб были против обороны Грозного. Но для Масхадова важно было сохранить столицу, чтобы чувствовать себя президентом.

Вот и доигрались. За одну лишь ночную атаку, в которой полегло 26 ребят из знаменитой Софринской бригады, кто ответит?

...Что-что, а этого я не мог представить... В Старопромысловском районе Грозного, в развалинах бывшего большого города, — парад Софринской бригады.

Аркадий Баскаев настолько гордился своим детищем, что мы дважды — вне официальной программы — побывали в Софринской бригаде. В последний раз — уже на пути в Моздок: бригада отмечала свой юбилей.

Зажгли вечный огонь в память о павших. Стояли навтытяжку, когда вся бригада построилась на свой маленький парад. А когда подняли третий тост — чтобы помянуть друзей, начальник штаба бригады, оставшийся за командира, волнуясь, сказал: «Мы испекли каравай».

И солдат внес каравай...

А знали бы вы, как они там живут, на развалинах нефтехимической станции (если я не ошибся в названии этих руин)...

В Урус-Мартане, в батальоне, куда мы приехали, чеченские дорожники укладывали асфальт.

Мы подошли к ним:

— Как вы жили раньше? Как живется сегодня?

Оказалось, что раньше эти люди чувствовали себя... федералами — пока им платили из ростовского управления по строительству дорог.

При Масхадове они получали пятьсот рублей. Сейчас — обещали заплатить три тысячи.

— Басаев хвастался, что получил от Березовского два миллиона долларов... Понастроили себе домов... Ну а мы-то кто для них? — сказал мне чеченский мужик.

И добавил:

— Как в кино. Красные придут — грабят. Белые придут — грабят...

Мы понимающе кивнули. В Гудермесе встретился с командующим Приволжским округом внутренних войск:

— В Аргуне наших мужиков заставляют охранять какие-то нефтяные скважины. Кто приказал? Какой-то глава администрации. Буду разбираться...

А я тут же вспомнил статью Ани Политковской из «Новой газеты» о чеченском черном нефтяном бизнесе и о том, кого заставляют его охранять.

У нашего коллеги по Госдуме, Николая Овчинникова, бывшего начальника Екатеринбургской милиции, была в тот день своя отдельная программа: визит к местным милиционерам. Он рассказал: бывшие опера и следователи вышли из подполья, чтобы выполнять свою милицейскую работу, которой они обучились еще в советское время. И что? Выполняют, даже преступления раскрывают. Но доверие к чеченской милиции — как со стороны местного населения, так и со стороны федеральной власти — восстанавливается очень трудно. Запомнился факт из грозненской уголовной хроники, о котором рассказал Овчинников. Вот запись в оперативном журнале:

«Неизвестный бэтээр каждый вечер приезжает на мебельную фабрику. За данью...»

Как в Москве... Только там до бэтээров еще не дошло.

В том же Гудермесе мне рассказали, что самый чистый бензин — у Кадырова, нового ставленника нашей Москвы.

Однажды пытались уничтожить подпольные нефтяные заводи в Гудермесе. Это стоило жизни российскому полковнику.

Все играем, правительственные ребята...

И — напоследок.

Российская армия, при своей полной бедности, вооружила в Ведено батальон в 600 человек, состоящий из одних чеченских парней.

Может быть, это наша новая концепция?

И хотя генерал Баранов, командующий объединенной группировкой, объяснял нам, что это, в принципе, здорово и что Минобороны дало им только легкое оружие, я так и не мог понять, почему он лжет?

Дали и гранатометы, и минометы. И — когда пытались пройти в Ведено ребята из Саратовского спецназа — они были блокированы своими же чеченскими коллегами. Впоследствии у одного из этих минобороновских «бойцов» изъяли автомат, из которого было совершено убийство в Астрахани, а сам «боец», как оказалось, с 85-го года находился в розыске.

Ведено и поныне является местом, где находят себе приют лидеры боевиков.

За счет бюджета Минобороны. Под руководством Супьяна Тарамова, президента московского «Старк-банка».

Странная квашнинская идея...

Потому-то чеченская история — постоянное продолжение истории московской.

...Я не узнал «Северный», главный аэропорт Грозного.

Его больше нет. Хотя осталась взлетная полоса. Само здание уже не поддается восстановлению.

Последний раз я улетал отсюда года два назад, в сердцах прервав переговоры с Казбеком Махашевым об освобождении наших военнопленных.

Помню, провожал меня до трапа юный чеченский автоматчик, которого мне выделили тогда для охраны.

Мы успели уже привыкнуть друг к другу за эти дни.

— Привезите мне камуфляж, — вдруг попросил он.

— Какой камуфляж! Тебе учиться надо...

— Нет... Я буду воевать. Всегда воевать...

Где он сейчас, этот пацан?

Погиб ли при бомбежках? Прячется ли где-то в горах? Простил ли нам все, что было? Простим ли и мы его?

... Потом началась мирная московская неделя, мало чем отличающаяся от других, точно таких же.

Так всегда: острота последних впечатлений от войны постепенно сглаживается, заволакиваясь новыми впечатлениями и заботами.

Но что-то из увиденного и услышанного ТАМ вдруг всплывет из глубин памяти и заставит тебя внутренне вздрогнуть. О господи! Да как же я мог забыть мимолетный разговор с полковником в полуразрушенном блиндаже под Шатоем? Помню молодого комбата, кричавшего в трубку полевого телефона: «Соседи, соседи! Дайте залп по высотке...»; помню сожженный бэтээр, в котором за неделю до нашего приезда сгорел зам комбата и еще трое ребят; помню москвича-контрактника (совсем пацана),

который дал московский телефон своей бабушки. Я выяснял, получают ли солдаты боевые деньги, определенные президентским указом — восемьсот с чем-то в день (офицерам под тысячу)? Не исчезают ли они в интендантских закромах? Доходят ли до каждого, кто хотя бы день своей жизни провел на грани смерти?

Да, отвечали мне, доходят... И описали механизм, как это делается. Солдатам денег на руки не дают: все-таки сумма получается немалая. Не дают их и при демобилизации — мало ли что может случиться с человеком в дороге? Вот приезжай к себе домой, открой счет в Сбербанке и сообщи его в свою часть. И только тогда — пожалуйста.

Но, оказывается, боевые деньги за сыновей могут получать родители.

— Вот они и зачастили к нам, — сказал мне полковник. — Приезжают и приезжают...

Потом мы заговорили о чем-то другом: мало ли тем на войне? И эта фраза — тогда я не придавал ей особого значения — тут же забылась. Но вот неожиданно в других, московских, буднях всплыла в памяти:

«РОДИТЕЛИ ПРИЕЗЖАЮТ И ПРИЕЗЖАЮТ...»

Вижу, вижу, как на перекладных, с пересадками, в общих и плацкартных вагонах добирались из российских городков и сел на далекий Кавказ, на войну, к своим сыновьям — отцы, мамы, бабушки, сестры солдат, отданных на кровавый заработок; как искали их части и как потом им долго втолковывали, что такое финчасть; как непривычно им было

расписываться в ведомостях этих финчастей; как бережно прятали эти деньги — немислимые для их нищенских зарплат и пенсий! — на пути домой.

Родители приезжают не только навестить сыновей! Они приезжают к ним, как к спасителям: помощи, сынок...

У кого-нибудь поднимется рука бросить в них камень? Кто-нибудь скажет об отсутствии у них родительских чувств? Или, может быть, даже о деградации душ? Вы понимаете, что произошло? Общество долго убеждали: доведем необъявленную войну до победного конца — тогда и начнем жить лучше. А пока надо потерпеть, ведь казна не резиновая... Хотели «замочить» террористов — а вышло, что «замочили» всю страну.

В конце марта было официально объявлено, что «война закончилась». Тогда же отменили и «боевые».

Вообще, с этими «боевыми» — когда они заслужены на деле, а не на халяву (как в случае многочисленных московских проверяющих, которые умудрялись получать «боевые» в моздокских штабах) — было много разных историй.

И грабили ребят, возвращавшихся с войны (иногда прямо у сберкасс в их поселках и городах), и исчезали они бесследно (до сего дня идут по этому поводу многочисленные суды), и через Военбанк прокручивали...

Но самое-то интересное: президентский Указ о выплате «боевых» сам президент не отзывал. Потому-то и спрашивали нас в батальонах, окопавшихся в Чечне «на постоянной основе»: а где же обещанные «боевые»? И справедливо спрашивали!

Но, как я выяснил уже в Москве, Указ был аннулирован приказом министра обороны.

Вот они, такие вот законы этой странной войны! Кто их пишет? На кого что спи-

*Кто нервы сберег, тот доволен вполне.
Кого-то там пулей, кого-то снарядом.
Есть странного много на этой войне —
Чем дальше от фронта, тем выше награда.*

сывается? Какой кровью оплачиваются чьи-то счета в отечественных и западных банках?

Потому-то очень часто меня спрашивали ТАМ наши офицеры: «Скажите, а за КОГО мы воюем?»

Спрашивали, хотя и сами знали ответ на этот вопрос... Да, прав был Григорий Явлинский, предупреждая тогда, поздней осенью 99-го, что наступать на Грозный — безумие. Это — новая война!

В этой поездке от многих генералов, с которыми пришлось встретиться, слышал, что Явлинский, человек сугубо гражданский, оказался прозорливее, чем «сладкоголосый» Квашнин. Хотя и логику Квашнина я понимаю: тому, кто уже примеривал на себя мантию президента, нужна была «маленькая победоносная война». Как тут не помочь? А солдаты и офицеры? Сотней больше, сотней меньше...

(Кстати, после публикации в «Новой газете» мне позвонили из Главной военной прокуратуры и сказали, что направляют в Чечню специальную комиссию, чтобы выяснить, что же это за «чеченский батальон» на деньги Минобороны сформировал Квашнин в Ведено? Комиссия, как я знаю, выехала, но к каким она пришла выводам, несмотря на все свои

попытки, не знаю и по сей день: никто ничего не хотел говорить.)

Когда наша делегация вернулась в Москву, мы провели через Думу специальное постановление о положении в 46-й бригаде и даже сумели отдельной строкой закрепить ее финансирование в бюджете на следующий год (чем дело закончилось — об этом в следующем блокноте).

Вторая чеченская война отличается от первой своей обыденностью.

Какие акции протеста прокатились по стране в 95-м, 96-м годах! Сколько было митингов, демонстраций! Да хотя бы вспомнить миллион подписей, собранных Борисом Немцовым у себя в Нижнем Новгороде (за что тогда на него смертельно обиделся Борис Ельцин).

А эта война как бы и не война. Приходилось слышать и такое: если бы не вторжение Хаттаба и Басаева в Дагестан, никакой войны вообще бы не было. Если бы так!

Приведу выдержки из статьи корреспондента французской газеты «Le Monde» Франсуа Бонне, который в свою очередь обильно цитирует тогдашнего премьер-министра Сергея Степашина, уже после своего премьерства давшего «Независимой газете» обширное интервью:

«Бывший премьер-министр Сергей Степашин заявляет, что «решение о вторжении в Чечню было принято еще в марте 1999 года». Интервенция была «запланирована» на «август-сентябрь», именно на

период, когда по России прокатилась волна протестов, послужившая для развертывания борьбы с «исламским терроризмом». «Это произошло бы, даже если бы не было взрывов домов в Москве».

В то время как число погибших в чеченской кампании исчисляется уже тысячами, появляется все больше свидетельств о том, что развязывание войны в Чечне было тщательно спланированной предвыборной операцией Кремля. Эти данные порождают все больше вопросов относительно причастности российских властей к террористическим актам в сентябре 1999 года, унесшим жизни 300 человек, и рейду в Дагестан исламских боевиков чеченского полевого командира Шамиля Басаева в начале августа.

В интервью «Независимой газете» бывший премьер-министр Степашин не оставил камня на камне от официальных заявлений о том, что эта война стала «ответом на действия международного терроризма» и «на непрекращающиеся акты агрессии против России». Он пояснил, что уже в марте 1999 года было принято решение о завоевании Чечни. «Я готовился к активной интервенции, мы планировали оказаться к северу от Терека в августе-сентябре». Степашин подчеркнул, что «это произошло бы, даже если бы не было взрывов в Москве», и что Владимир Путин, «бывший в то время директором ФСБ, обладал этой информацией». Сергей Степашин высказал также критическое мнение относительно нынешней военной операции. «Я бы дважды подумал, прежде чем форсировать Терек и продвигаться на юг... блицкриг не получился, и мы столкнулись с партизанской войной».

Статья французского журналиста была напечатана 26 января 2000 года — наше общество как раз пришло в эйфорию от знакового путинского лозунга — «Мочить в сортире».

Да, ждали эту войну, хотели этой войны, иначе не составило бы особого труда прикрыть границу между Чечней и Дагестаном российскими войсками (а прикрывали ее, как помните, только дагестанские милиционеры и ополченцы). Как не дали бы ни Хаттабу, ни Басаеву спокойно уйти от возмездия.

Потому-то до сих пор мы как бы не замечаем вторую чеченскую войну.

Это где-то там, далеко, зарево пожарищ! Это не у нас, это в другой стране умирают солдаты!..

За первые 7 месяцев военной операции в Чечне рейтинг Владимира Путина вырос с 2% до 54%.

Дорога в Кремль была открыта.

История Андрея Бабицкого, корреспондента радиостанции «Свобода», случилась именно тогда.

В мае этого года я написал в «Новой газете»:

«До полудня прошедшей среды, — писал я в своей газете в мае того года, — я знал лишь то, что знали все: задержание на блокпосту журналиста, молчание сначала, потом — все более и более разгорающийся скандал, полувнятные комментарии по теленовостям различных полувнятных официальных лиц, предъявленные ему обвинения в причастности к незаконным вооруженным формированиям, потом откат назад: кого-то командируют из Москвы на Кавказ, кому-то дают приказ разобраться честно и объективно.

Да ладно. Об этом вы и сами все знаете.

В среду днем я узнал, что Андрею Бабицкому пытались предъявить обвинение в нелегальном вывозе иконы из Чечни в Москву, то есть из войны в мир. Икона, как выяснилось, была оценена экспертами из музея Андрея Рублева ровно в десять рублей. Успел написать заметку в уже выходящий четверговый номер «Новой газеты». В тот же день, вернее, еще вечером в среду, узнал, что из следственного изолятора Андрея Бабицкого перевезли в Моздок, на нашу военную базу, где сменили санкцию — с ареста на подписку о невыезде с постоянного места жительства, то есть из Москвы. Помню, даже расстроился, что номер газеты уже печатается и мои ассоциации с прошлым (не в чем обвинить? Подсунем наркотики и т. д. и т. п. — посадим как миленького) глупы и неуместны.

Ошиблись — исправим. Погорячились — с кем не бывает...

То есть я еще надеялся.

Да, это было вечером в среду... Потом произошло то, что произошло. С Андреем Бабицким, хотя не только с ним. Я вдруг понял, перед каким порогом мы встали. Почти перешагнули. Или уже перешагиваем.

Не надо только говорить: ну, понятно! раз попал в передрагу журналист, то есть коллега — то сейчас всех начнете запугивать!

Я видел много войн. Видел, как работают коллеги. Чаще — гордился их работой, иногда — было стыдно за них. Мы внимательно следили за тем, кто как пишет и кто о чем сообщает. Бросались на помощь друг другу, если случалась беда.

Да, но писали-то мы не друг о друге. Что мы-то? Мы лишь гости у тех, кто, даже не зная за что, погибает на войне, оставаясь лишь на случайных фотографиях да в непросыхающих слезах матерей и друзей.

Мы старались показать, сказать, написать правду о том, что происходило и происходит на самом деле, и были, честно, горды, когда нам это удавалось. Ведь правду-то должны знать не в каком-нибудь узком президентско-генеральском кругу: мы же все в одном кругу, в одной стране и в одном времени. Да и смерть-то одинакова, что на свалке, что на Новодевичьем.

Так что, еще раз — не надо. Не имя журналиста Андрея Бабицкого защищаю. Наши с вами имена. Мы-то сами сегодня кто? Кого из нас делают? Кому мы сегодня мечтаем поверить? Каким порядком нас заманивают?

Прошу читателя извинить меня за то, что отвлекся от хронологии событий.

Давайте по порядку.

Первое. Самое сенсационное известие — что Андрея Бабицкого обменяли на трех российских солдат.

Начал сопоставлять все факты — ничего не складывается. В среду вечером официально объявляют: его переводят из следственного изолятора, где он сидел в камере на четверых, в Моздок, откуда, судя по сообщениям, он должен был улететь на военном самолете в Москву и там пребывать под следствием и с подпиской о невыезде. Что? Он вышел из камеры, сказал всем «До свидания» и один потопал из Наурского района на военный аэродром? Нет,

конечно же нет. Посадили в машину, привезли в Моздок и куда-то поселили, не дав, естественно, ни с кем связаться по телефону (ладно уж полевые командиры! домой-то он мог позвонить?) Нет, ни одного звонка!

Дальше. Вдруг новое сообщение: сотрудники ФСБ вышли на чеченских боевиков с просьбой об обмене журналиста. Сколько потом ни слушал новости — больше об этом ни слова. Уже в пятницу утром Александр Зданович, представитель ФСБ, пытался опровергнуть сам факт участия своего ведомства в этом обмене (а телекамера ФСБ в момент обмена — это тоже случайность?)

Уже третий год «Новая газета» занимается спасением наших солдат, оказавшихся в чеченском плену, и мы-то знаем, каким долгим, трудным, мучительным бывает сам этот переговорный процесс. Что, у ФСБ (а если не у ФСБ, то у каких-нибудь других наших спецслужб) есть прямая связь с боевиками? Если так — то почему же ею не воспользовались раньше? Сколько еще можно было бы спасти ребят!

Но куда вдруг запропастилась санкция прокурора о невыезде Бабицкого из Москвы? Из Москвы — нельзя, а к боевикам — пожалуйста? Из-за истории с Андреем, как было официально сообщено, в Чечню выехал и. о. Генерального прокурора Устинов. А он-то куда исчез по дороге?

Иными словами, не могу представить, как можно было провести эту операцию в реальной жизни и в реальные сроки.

У меня очень большое сомнение вызывает сама видеозапись, кочующая по всем телеканалам все последующие дни: на этой видеозаписи нет одного —

строки внизу с указанием даты и часа, когда она была сделана. Это — раз. И почему те, кто отдавал Андрея, были без масок, а те, кто принимал, — в масках? Это — два. Если отдали совсем каким-то неизвестным типам в разгар ожесточенных боев, то со стороны тех, кто отдавал журналиста, это чистый произвол.

Под письмом, направленным федеральным властям по поводу обмена Андрея Бабицкого, стоит подпись полевого командира Усы Хаджиева. Двое суток я потратил на то, чтобы выяснить, кто это. ТАКОГО ПОЛЕВОГО КОМАНДИРА НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Нашелся только рядовой боевик с таким именем и фамилией, но его влияние на то, чтобы принять решение об освобождении трех российских военнопленных, равно нулю.

Кто же тогда были чеченские участники видеошоу, один к одному напоминающего знаменитые кадры из фильма «Мертвый сезон»? Кто скрывался за этими масками? Почему от них мы не услышали ни слова? Только увидели картинные объятия «масок» с Андреем, которые, по замыслу авторов сюжета, должны были доказать всем, кто их посмотрит: отдали нашего, отдали боевика.

Это то, что меня как человека, уже двадцать лет занимающегося расследованиями, смутило прежде всего.

Но теперь — ко второму: от логики житейской — к логике политической. Кем же должен был предстать перед страной российский гражданин, работающий на радиостанции «Свобода»? (А сколько российских граждан работают сейчас в иностран-

ных фирмах? О тех же, включая высших должностных лиц и членов их семей, кто имеет миллионные вклады в иностранных банках, я даже не говорю. Это другая песня.) Кем-кем... Пытаюсь найти определение... Нашел: «литературным власовцем».

В теленовостях один за другим выступают высокопоставленные лица российской политики. Министр обороны Сергеев: «Я бы обменял сотню Бабицких на трех наших солдат». Министр внутренних дел Рушайло: «Он попросился обратно к своим — его и отпустили». Первый зам начальника Генерального штаба Манилов: «Откуда он пришел — туда и ушел». И, наконец, вот что ответил и. о. президента Владимир Путин на вопрос о том, как бы он поступил на месте Бабицкого (это было в пятницу, на полузакрытом брифинге для журналистов): «Как настоящий патриот, я бы не пошел на этот обмен».

Да, ребята-демократы...

Не ручаюсь за точность цитирования, но ручаюсь за смысл сказанного: Бабицкий — это что-то вроде Басаева, только поменьше...

Но письмо самого Андрея Бабицкого (вот оно передо мной) я процитирую дословно:

«Желая оказать содействие Комиссии при президенте по освобождению насильственно удерживаемых военнослужащих, я даю согласие на участие в моем обмене на российских военнослужащих при посредничестве полевого командира Турпалаали Атгериева. Хочу подчеркнуть, что не имею ни малейшего сомнения в собственной невиновности, а потому мое решение продиктовано исключительно желанием оказать помощь в освобождении военно-

пленных. Обязуюсь, со своей стороны, понимая гуманитарную направленность работы комиссии и целиком разделяя ее цели, никоим образом не предпринимать действия, порочащие ее репутацию. Уверен, что со стороны Турпалаали Атгериева таких действий предпринято не будет и он в своих предложениях будет руководствоваться соображениями гуманности».

Перечитываю письмо Андрея еще и еще раз и вдруг впервые замечаю деталь, мимо которой проходил: дату, которой помечено это письмо.

21 января!

16-го он был задержан. Несколько дней о нем не было ничего слышно. То есть в день написания этого письма он еще содержался на фильтропункте (в следственный изолятор он был переведен только 26-го).

Господи!

Еще не было никакого международного скандала. Еще не вмешался и. о. президента, еще не был направлен туда следователь по особо важным делам Генпрокуроры да и сам Генпрокурор еще не стронулся с места. Еще не было нелепого обвинения в краже иконы за десять рублей!

То есть еще ничего не было, а операция уже была подготовлена. Операция, в которой Андрею Бабицкому была предназначена его собственная роль.

Все это время нам ввали, обвиняя журналиста Бабицкого в сотрудничестве с террористами, втапывая в грязь его имя. Может быть, и международный скандал понадобился для того, чтобы чеченские лидеры поняли: подобный обмен на трех солдат-пацанов будет равноценен.

А потом — неведомые чеченцы в масках и — путь

в неизвестность, под улюлюканье тех, кто и направил его на этот путь.

Не знаю, кто и как говорил с Андреем Бабицким на фильтропункте, не могу представить себе, что чувствовал сам Андрей, когда писал это заявление в Комиссию при президенте по освобождению насильственно удерживаемых военнослужащих (заявление это в комиссии так и не было получено), да и с самим Андреем мы никогда не пересекались ни в мирных, ни в военных командировках.

Но в одном уверен: Андрей Бабицкий искренне откликнулся на просьбу спасти пленных ребят. Он — мужественный и честный журналист. Ведь именно он — вспомните! — был одним из немногих, кто сам себя сделал заложником и в самой буденновской больнице, и в автобусе, который вез террористов из Буденновска, да и Черномырдин говорил тогда с Басаевым по телефону Андрея Бабицкого. (Жириновский, между прочим, показался в Буденновске перед телекамерами, но и близко не подошел к самой больнице, — не потому ли сегодня он так охотно принимается Кремлем в ранг «патриотов».)

Но нормальный человек не поступает иначе. Нормальный — спасатель. Помню, как, для того чтобы спасти ребят, сам себя определил в заложники на той, первой чеченской, боевой полковник Слава Пилипенко. Знаю, как много раз удерживали мы от обмена пленных ребят на самого себя нашего Славу Измайлова. Убежден, что точно такое же письмо подписал бы Виталий Бенчарский, с гордостью носящий свой боевой орден. Да большинство наших офицеров, воюющих в Чечне — точно такие же.

Патриотизм — это в первую очередь готовность спасти попавшего в беду гражданина своей страны, а уже потом — всю страну. Всю-то легче...

Вот такие дела...

Ну и, наконец, последнее.

Я уже сказал вначале, что пишу не просто о судьбе своего коллеги-журналиста.

Что-то еще, еще, совсем другое мучало меня все последнее время. Назвал бы это предчувствием опасности (знаете, как это бывает), когда и сам не поймешь, откуда, от кого, почему, но признаешь ее неизбежность, сам кляня себя за детские суеверия.

И вот история с Андреем Бабицким стала тем штрихом, той деталью, которая сделала почти реальной ранее размытую картинку, застывшую в воображении.

Э, да мы все в опасности!..

Сначала удивлялся, почему даже некоторым своим старым знакомым приходилось объяснять, что же делал журналист Бабицкий на чеченской стороне. Да о чем вы? А как же иначе добывать объективную информацию? Вспомним журналистов с первой чеченской — ту же Лену Масюк, других ее коллег, для которых тяжким, почти смертельным испытанием стали репортажи с той стороны. Ведь если бы не жуткие кадры, снятые Андреем в Чечне и показанные по НТВ, с десятками убитых наших солдат, мы так бы и продолжали верить официальным военным сводкам, что в боях погибают «два, три, четыре солдата», оскорбляя и память мертвых, и человеческое достоинство живых. (Может, за эту правду и отомстили Бабицкому? Вдруг и такая мысль мелькнула сейчас.)

Не могу понять логику того же Кошмана, упрекающего Бабицкого в том, что у него при задержании были обнаружены чеченские аккредитации за подписями Басаева и компании. А как же добывать элементарную информацию в той кровавой неразберихе? Да и как вообще продвигаться по охваченным войной дорогам?

Он знал чеченских командиров? Но и я знаю многих из них. Да и Кошман их знает. Рушайло. И Шаманов. Один из наших премьеров сам, лично освободил задержанного в аэропорту Внуково вице-преьера Чечни Атгериева, через посредство которого Андрей надеялся спасти попавших в неволю наших солдат (кстати, кто подсказал ему имя этого полевого командира, чье участие в обмене потом так и не было обозначено?) В чем же обвинять тогда Андрея Бабицкого? Так и Путина можно обвинить в дружбе с сомнительным Собчаком, а Волошина — почти в отцовской привязанности к не менее сомнительному Роману Абрамовичу.

Точно так же не могу понять, почему факт, что российский гражданин Бабицкий работает для радио «Свобода», стал пунктом обвинения в его адрес. Как если бы он сотрудничал с гестапо, не меньше. Да еще совсем недавно ни один из российских политиков не отказывался дать интервью этой «вражеской» радиостанции, а буквально на днях один из новых именитых депутатов сказал мне, что о том, что реально происходит за думскими кулисами, он узнает из «Свободы», отчаявшись пробраться сквозь политическую ангажированность наших клановых телекомпаний.

Что же такое начало у нас происходить?

Да ведь понимаем что.

Помню, как-то, еще в юности, замечательный художник Борис Жутовский объяснял мне две составные части фашизма — неважно, с каким знаком: тоталитарная пропаганда и тоталитарный террор. Тоталитарная пропаганда промывает мозги так, что миллионы будут аплодировать тоталитарному террору. Пока дело не коснется самого человека.

(В тоталитарной пропаганде мы уже поднялись на определенные высоты. Это показала не только прошедшая избирательная кампания, но и история с Андреем Бабицким. Ничего гнуснее не видел за последнее время, чем «Однако» Леонтьева: заявив сначала, что Бабицкий его друг, он почему-то вспомнил, что в период безденежья тот торговал рыбой. Леонтьеву легче: он всю жизнь носится между Гусинским и Березовским, высчитывая, кто подороже купит его грязный товар, завернутый в яркую глянецевую оболочку.)

Повторяю, мы — в опасности. Не только те, кто пишет, говорит или мелькает на телеэкране. Мы — это множество «я», а меч никогда не разбирает, на чью голову он упадет. Одно утешение: потом могут и реабилитировать...

История Андрея Бабицкого — одно из таких подтверждений.

Другое — ленивая реакция Москвы на победу ультраправых в Австрии. В отличие от всего цивилизованного мира. Что, у нас уже неактуален стал лозунг «Фашизм не пройдет»? Мы что, уже и к этому готовы?

Третье — причина отказа Евгения Примакова

баллотироваться в президенты России: «невозможность сделать это в негражданском обществе».

А общество — это мы все. И «неграждане» — тоже мы.

То-то удивимся через год-два, где же мы были раньше, испуганно глядя друг на друга и друг друга переспрашивая: «Смотрите, кто пришел...»

Ведь не случайно в Давосе четверо представителей нашего истеблишмента замялись, когда их спросили, кто такой Путин...

Вот о чем я думаю все последнее время.

Вот почему так горяча для меня история Андрея Бабицкого.

Вот почему я предупреждаю.

Где он сейчас? В каких подвалах? На каких заснеженных дорогах? Здоров ли он? Жив?

Еще один человек с паспортом российского гражданина, брошенный властью и оклеветанный ею.

Их, правда, у нас много. Одним больше, одним меньше...

P. S. Очень тревожное сообщение получил о судьбе Андрея Бабицкого только что. Не хочу в это верить. Не могу. Мне обещали позвонить через два дня. Представляю, что это будут за два дня ожидания».

Сейчас уже не припомню, какого же тревожного сообщения я тогда ждал?

Дело против Бабицкого, как вы все помните, кончилось ничем, пшиком...

Помню только, что однажды позвонил Генри Резник, адвокат Бабицкого, и спросил, смогу ли я — вместе с Сергеем Юшенковым и Димой Муратовым — стать поручителем Андрея: чтобы он во время долгого следствия мог уехать на неделю в отпуск?

Мы все, конечно, согласились, пришли в следственную часть, заполнили всякие анкеты...

Ну а потом дело, вокруг которого устроили целое политическое шоу, было забыто.

Специально напоминаю, чтобы не забывали.

БЛОКНОТ СЕДЬМОЙ: ГОД 2001-й

Вот так и живем походами
Под твоими восходами.
Без тебя не прожить ни дня,
Только не предавай меня,
Родина, не предавай меня.
Родина,
Не предавай.

Этот год запомнился мне тремя событиями.

Первое. Как я уже говорил, после возвращения делегации Комитета по безопасности Госдумы из Чечни мы сумели провести отдельной строкой в бюджете финансирование 46-й бригады внутренних войск МВД РФ.

Спустя год мы оказались там снова.

«Нет ничего заманчивее в жизни, чем возвращаться в места, где ты уже был, пройтись по тем же самым улицам, остановиться у запомнившегося тебе дома, опознать в толпе людей, с которыми ты однажды перемолвился хотя бы словом.

Когда ты возвращаешься, то чувствуешь жизнь в ее бесконечном течении, да и, честно, сам перестаешь сомневаться в том, что ты еще существуешь.

С Чечней — особая история.

Ты возвращаешься не в жизнь — в боль.

Ровно год назад, такой же осенью, мы, члены Комитета по безопасности Госдумы, полетели в расположение 46-й бригады внутренних войск, чтобы самим убедиться, как выполняется Указ президента. Указ важный и принципиальный: на территории Чечни должны разместиться навсегда, навечно люди, которым надлежит заниматься защитой того, что является смыслом их военной профессии».

Я был в тех же самых местах.

И могу повторить то же самое, что уже писал раньше. Прибавилось печали в глазах офицеров, которые потеряли за этот год своих друзей и своих солдат.

Указ президента, в котором было сказано, что находящиеся здесь военные люди получают гарантии для нормальной человеческой жизни, аннулирован правительством. Все льготы, положенные тем, кто рискует не раз в месяц, а каждую минуту, оказались элементарной детской обманкой.

Для Павла Бородина мгновенно, в течение суток, нашлись несколько миллионов долларов, чтобы выпустить его под залог.

Эти ребята — заложники государства, которое награждает их только посмертно.

Повторяю, нам стало стыдно за то, что мы опять увидели: коммунальные палатки, в которых ютятся офицерские семьи, бэтээры, давно списанные в утиль, старинные рации, нищенские зарплаты.

Понимаю, у всех остальных в России — не лучше.

Но здесь-то война, здесь-то жизнь на самом деле может стать мигом.

Ох, было бы здорово, если бы не мы, а люди из правительства, из Минфина увидели все это.

Может быть, тогда и они поставили бы свои подписи под этим документом, рядом с нашими, депутатскими:

«Две зимы личный состав бригады перезимовал в палаточных городках, сейчас в военном городке аэропорта «Северный» г. Грозного 1200 военнослужащих переселяются в построенные казарменные помещения. Но более 7000 военнослужащих в этом городке и остальных пяти пунктах дислокации остаются в палатках, а строительство казарменно-жилищного фонда для них не начато из-за недостатка средств. Программа обустройства 46-й бригады на постоянной основе рассчитана до 2003 года, на ее выполнение необходимо 5,4 млрд рублей. МВД неоднократно обращалось в Правительство РФ с просьбой придать программе государственный статус, но всегда получало отказ по различным основаниям. За 2000—2001 годы из федерального бюджета выделено 0,98 млрд рублей (18 процентов), на 2002 год планируется 410 млн рублей при потребности 1,44 млрд рублей.

На 1 октября 2001 г. в бригаде на квартирном учете состоит 945 семей офицеров, прапорщиков и военнослужащих по контракту... На 2002 год целевым назначением для 46-й бригады средства на жилищное строительство из федерального бюджета не выделяются.

Мы вынуждены констатировать, что Правительство Российской Федерации не до конца понимает опасность, к которой может привести эта ошибка.

Бригада и сегодня недоукомплектована командным составом, а в случае невыполнения обязательств по решению жилищной проблемы семей военнослужащих, два года честно отслуживших в экстремаль-

ных условиях в Чеченской Республике, проблема комплектования бригады станет невыполнимой.

46-я бригада — форпост борьбы с терроризмом в Северо-Кавказском регионе. Для укрепления ее морального и боевого состояния личный состав должен ощущать заботу и поддержку со стороны властных структур».

Извините за цитирование казенного документа.
Но и жизнь какая-то казенная.

Только люди у нас — не казенного качества и не казенной живучести.

«Жилищные условия — хорошие», — доложил нам и. о. комбата в Гудермесе.

Он не хотел жаловаться.

Он не привык жаловаться.

Да, он гордится тем, что утеплил палатки, что сделал свою пекарню и баню.

Единственное отличие от прошлого года: новый памятник с именами двенадцати солдат.

От этой поездки почти не осталось личных впечатлений, которые должны сопровождать в дороге путешественника, пусть даже странствующего по делам казенным.

Все — как обычно: Чкаловск, борт, Моздок, вертолет, «Северный», снова вертолет, посадка, взлет, взлет, посадка... (Нет, все-таки ошибся: из-за того, что полоса в Моздоке ремонтировалась, в этот раз мы летели через Дагестан.)

А в остальном, как обычно.

Если бы не детали, запавшие в душу.

Вечером, в «Северном», комбриг повел нас в суну, которой в прошлом году еще не было.

— Видите, бассейн! — с гордостью сказал комбриг. — А когда мы сюда пришли, в нем плавали два трупа.

Бр-р! Но мы все-таки полезли в воду.

— На восстановление аэровокзала (хотя что там восстанавливать?) из федерального бюджета выделено в прошлом году сто миллионов рублей, — сказал нам комбриг. — Но за год сменился уже четвертый директор несуществующего аэровокзала. Понятно?

И это тоже было привычно и понятно!

В 2002 году самарский губернатор Константин Титов с удивлением спрашивал у меня: «Область сделала для Чечни сто щитовых домиков. Теперь выясняется: в наличии только четыре из ста. Куда же остальные-то делись?»

Туда, туда, в эту бездонную чеченскую войну, благодаря которой меньшинство — его можно на пальцах пересчитать — бесконечно увеличивает свое и так баснословное состояние, а большинству остается только спрашивать у заезжих депутатов: «Боевые»-то будут платить? Квартиры-то получим? Дети поступят в вузы вне конкурса и без денег?» Однажды в этой поездке мы заскочили в Буйнакск, в штаб армейской дивизии. Помню разговор с ребятами из военной контрразведки. Они поминали только что погибшего друга.

— Сейчас пошло представление на Героя, — сказал один.

— Чтобы стать Героем, надо погибнуть, — добавил второй.

— А чтобы дали квартиру, надо, чтобы тебя ранило. Желательно — тяжело, — вздохнул третий...

А так, в принципе: «Жилищные условия — хорошие» — как сказал нам гудермесский комбат, гордясь, что сумели утеплить палатки...

Когда в конце 2002-го я предложил Аркадию Баскаеву навестить ребят из 46-й бригады, он ответил: «А с чем навещать? За этот год у них ничего не изменилось...»

Вот так.

Теперь о второй истории: гибель Сергиево-Посадского ОМОНа. Хотя трагедия эта произошла еще

в 2000-м, именно в 2001-м факт его гибели был наконец установлен официально, и я решился обнародовать стенограмму засе-

*Не убит я, я ранен, я знаю.
Я живой, на меня посмотрите.
Прокричал солдат, умирая:
«Только маме не говорите».*

дания Комитета по безопасности Госдумы РФ. Цитирую по «Новой газете».

«2 марта прошлого, 2000 года произошла очередная чеченская трагедия: на подъезде к Грозному было совершено нападение на колонну Сергиево-Посадского ОМОНа. 22 бойца погибли, 31 получил ранения.

Спустя месяц, 6 апреля 2000 года, Комитет по безопасности Госдумы провел специальное заседание, чтобы проанализировать причины этой трагедии.

Заседанию предшествовала статья в «Новой газете», в которой военный обозреватель Вячеслав Измайлов аргументированно доказал: омовцы погибли не от чеченских боевиков, а от рук своих.

Статья стала предметом специального заседания

думского комитета, на которое были приглашены ответственные чиновники МВД, внутренних войск и Главной военной прокуратуры.

Да, прошел год. Мы отплакались и отспорились. Мы живем в такое время, что то, к чему невозможно привыкнуть, становится привычной частью нашей жизни. А что нельзя забывать — то забывается, как происшествие из далекой прошлой жизни.

Сегодня у нас есть возможность рассказать правду, как это было. Как ответственные государственные чиновники скрыли эту правду от общества, как нагло, не краснея, врали депутатам Государственной Думы, членам Комитета по безопасности.

Впервые привожу избранные места из той стенограммы.

Итак, 6 апреля 2001 года. Заседание ведет председатель Комитета по безопасности А. И. Гуров.

С сообщением выступает старший консультант МВД РФ — генерал-майор Ю. Н. Михайлов.

Ю. Н. М и х а й л о в. Значит, фабула событий примерно такова. В 10 часов утра колонна ОМОН ГУВД Московской области на 11 автомашинах въехала в село Подгорное Старопромысловского района города Грозного. Когда первая автомашина «Урал» находилась примерно в 130 метрах от поворота к базе ОМОН Подольского УВД — месту будущей дислокации отряда, выстрелом из снайперской винтовки был убит ее водитель. После этого автомашина, потеряв управление, резко свернула влево и, проехав несколько метров, остановилась, врезавшись в бетонные столбы промышленной зоны. При этом упавшими солдатами были серьезно трав-

мированы 2 милиционера группы огневого прикрытия Старопромысловского временного отдела.

После первого одиночного выстрела со стороны жилого массива села Подгорное был открыт пулеметный огонь и одновременно слева по ходу движения со стороны промзоны произведено 2 выстрела из гранатомета...

...По автоколонне был открыт массированный огонь из автоматического оружия и снайперских винтовок примерно с 8 точек. От домов муллы — № 53 и 63. От цистерны, находившейся за огородами. И с двух точек, находившихся за плетнями огородов: справа по ходу движения, а также с элеватора, слева сзади по ходу движения. Группой прикрытия Старопромысловского временного отдела в сторону стрелявших был открыт ответный массированный огонь...

...Примерно в 10 часов 15 минут к месту боестолкновения прибыл руководитель группировки внутренних войск в городе Грозном генерал-майор Манюта. Руководимая им группа с ходу вступила в бой...

...Что можно сказать по результатам служебной проверки, привязав это к статье? (Речь о статье В. Измайлова в «Новой газете».) Значит, якобы огонь велся нашими подразделениями из-за забора. Произошло это из-за того, что они, значит, приняли данную колонну за колонну боевиков. Но данный момент легко опровергается тем, что детально установлены места ведения стрельбы, их насчитывается восемь. Обнаружены точки ведения, где найдены гильзы, обнаружено количество брошенных впоследствии боеприпасов, в том числе и от гранатометов.

Второе. О прибытии колонны знало руководство

временного отдела внутренних дел, вблизи которого произошло это боестолкновение, и ошибиться на этот счет было невозможно. Тем более что были предприняты меры по усилению безопасности маршрута движения и, таким образом, ошибиться нельзя. Тем более что колонна имела четкие признаки, квалифицирующие ее принадлежность к федеральным силам».

Все сказанное милицейским генералом Михайловым депутатам было наглой ложью. И он это прекрасно знал.

Точно так же, не сомневаюсь, знал правду и другой докладчик, первый зам Главкома внутренних войск Б. П. Максин.

Б. П. М а к с и н. ...Сказать о том, что тщательно не был продуман этот маневр боевиками, мы не можем, потому что они умело использовали и складки местности, и то, что в какой-то определенный момент, может быть, первые 2—3 секунды (как было сказано в статье), огонь велся своими по своим, я это отрицаю...

...Бой был жестокий. Солдаты первое, что сделали, это прикрывали огнем предгорья (жалко, что здесь нет карты, а то бы я показал). Бандиты были за этим холмом, то есть замаскировались они прилично...

...И по местности вы можете задать такой вопрос: а вот почему они не преградили или не перерезали путь и не блокировали их полностью? По условиям местности техника не могла там пройти. И первые 2 БТР, которые попробовали проскочить, заст-

ряли во дворах. Поэтому бандиты, используя вот эту короткую паузу... сконцентрировались в ущелье и, оставив после себя 20 трупов, сумели отойти...

...Было задержано 60 человек по подозрению в принадлежности к боевикам».

Яковлев (заместитель главного военного прокурора, генерал-лейтенант юстиции). ...Наша военная прокуратура провела проверку правильности деятельности командования в данной конкретной ситуации... По результатам этой проверки было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении действий должностных лиц...

Член Комитета по безопасности, бывший министр внутренних дел РФ А. С. Куликов спрашивает генерала Михайлова:

— Кто расследовал это происшествие?

Ю. Н. Михайлов. Проводилось служебное расследование.

А. С. Куликов. Кто, я спрашиваю? Должностное лицо?

Ю. Н. Михайлов. Главный инспектор Главного оргинспекторского управления.

А. С. Куликов. Ну, извините, это неквалифицированный ответ. В подобном случае должен производить проверку как минимум кто-то из руководства министерства. Это же гибель не одного человека, где должен проверять начальник райотдела или УВД. Двадцать с лишним человек погибло, а у вас полковник поехал расследовать. Назовите фамилию, кто расследовал.

Ю. Н. Михайлов. Общее руководство по слу-

жебной проверке осуществлял заместитель министра Голубев... Главный инспектор инспекции Главного оргинспекторского управления.

А. С. Куликов. Назовите фамилию!

Ю. Н. Михайлов. Генерал-майор милиции Назаров.

А. С. Куликов. Значит, он и проводил расследование?

Ю. Н. Михайлов. Не расследование, а служебную проверку.

А. С. Куликов. А что это за форма такая — служебная проверка? По факту должно производиться расследование.

Ю. Н. Михайлов. Расследование проводится в рамках уголовного дела.

А. С. Куликов. Административное расследование... Ну, мне понятно... Что там написано, зачитайте... Я прошу, чтобы вы зачитали заключение...

Ю. Н. Михайлов. Заключение я просто не могу озвучивать. Тут есть масса обстоятельств, которые...

А. С. Куликов. Нет, что не позволяет?

Ю. Н. Михайлов. По материалам служебной проверки министром внутренних дел подписан приказ об освобождении должностного лица, которое организовало проводку колонны.

А. С. Куликов. Мы с вами говорим на разных языках. Я прошу зачитать официальный приказ, а вы мне рассказываете...

И дальше — вопрос А. С. Куликова:

— Кто из руководства ГУВД Московской области был ответственным за смену отряда и где он находился в момент смены?

Ю. Н. Михайлов. Так точно. Генерал-майор Фадеев. Он находился в Моздоке. Он привел туда отряд.

А. С. Куликов. Почему же он сам не произвел смену отрядов? Ведь и первый, и второй отряды — из одной и той же Московской области?

Ю. Н. Михайлов. Я еще раз, если без всяких обвиняков, могу сказать, что организация колонны была осуществлена на должном уровне. Единственное, что подвело, это то, что они уже находились непосредственно у пункта своего назначения. Это единственное, что их расхолодило. Они уже считали, что доехали до места... А так, на всем продвижения маршрута следования, обеспечивался достаточный уровень...

Наконец, после долгих препирательств, нам зачитывают приказ министра. Одному из виновных, заместителю начальника УВД Московской области, который отвечал за прохождение колонны ОМОНа, приказом министра было объявлено предупреждение о неполном служебном соответствии. (Его понизят — назначат начальником подмосковного ГАИ. Во дела...)

Дальше по той же стенограмме.

Депутат В. Игнатов:

— Прошу прощения... Может быть, недостоверная картинка нарисована в газете (имеется в виду статья В. Измайлова), но в 150 метрах не заметить концентрацию боевиков... Когда с КПП все просматривается и прослушивается...

Ю. Н. Михайлов. Я готов показать фотографии.

В. И. Ф е д о р о в (зам министра МВД). Можно в качестве ремарки? Один снайпер сидел в доме муллы, например... Это в 150 метрах. Видимость была 30—40 метров, туман... Я там был 4 марта... Одна огневая точка была в доме муллы. Вот и все. Он сбежал сразу...

С. Н. Ю ш е н к о в (член Комитета). Публикация в «Новой газете» вызвала огромный общественный резонанс... И было бы целесообразно руководству МВД каким-то образом отреагировать на эту публикацию.

Ю. Н. М и х а й л о в. По этому факту сам министр несколько раз дал комментарии, которые были озвучены по электронным средствам массовой информации.

С. Н. Ю ш е н к о в. Но все это было весьма не убедительно... И еще вопрос. Установлено хотя бы одно лицо, принимавшее участие со стороны боевиков в уничтожении подмосковного ОМОНа?

Ю. Н. М и х а й л о в. Да, такая информация есть.

В. И. Ф е д о р о в. Установлены... Есть... Да... Задержаны...

П. Т. Б а р д у к о в (член Комитета). Уважаемые коллеги и приглашенные! Вот вопрос-то в чем... Один из моментов, который вызывал обсуждение, — публикация в газете. Но здесь меняется концептуальная вещь. Здесь мы все-таки не убедились (и я считаю аргументы вполне конкретные), что такого факта: свои расстреляли своих — не было. Я хотел бы услышать представителя газеты, инициаторов...

Ю. П. Щ е к о ч и х и н (член Комитета). Вы знаете, что автор нашего расследования — известный майор Измайлов, который очень часто бывает в Чечне. И у нас нет оснований не верить людям, которые

сообщили газете, что же там было на самом деле...
Поверьте нам, что кроме генералов мы знаем очень много боевых офицеров, которыми мы гордимся и которые сами находились там в это время...

В. И. Ф е д о р о в. Юрий Петрович, тогда, когда общество и так накалено...

Ю. П. Щ е к о ч и х и н. Мы с удовольствием дадим точку зрения МВД, но до сих пор ее так и не было...

В. И. Ф е д о р о в. Из материалов служебного расследования, я думаю, мы однозначно убедились, что и сам заголовок неэтичен, и он выдуман. Это выдумка журналиста, хотя он и майор...

А. С. К у л и к о в. Я с уважением отношусь ко всем, кто здесь присутствует, хотя абсолютно не знаю генерала Михайлова. Но мне кажется, нам продемонстрировали, как руководство МВД относится к подобным фактам: консультант зачитал подготовленную штабом бумагу... Хотя должен был выступить, как минимум, заместитель министра. Мы не слышали анализа причин происшедшего, не слышали фамилии виновных, не слышали о мерах, которые приняты МВД, чтобы такого больше не произошло...

Именно такой поверхностный подход, я считаю, является главной причиной того, что не принимаются предупредительные меры...

Так, в течение часа, нам, депутатам, членам Комитета по безопасности Госдумы, откровенно и нагло ввали...

Пишу так резко по одной причине: рано или поздно даже наш мир выползает из лжи.

2 февраля Председатель Госдумы Г. Н. Селезнев получил официальный ответ Генерального прокурора РФ В. В. Устинова.

Позволю себе процитировать ту его часть, которая относится к тому, что мы вспоминаем сегодня:

«2 марта 2000 года в прокуратуру г. Грозного поступило сообщение, что утром в 10 час. 30 мин. вблизи блокпоста № 53 неизвестными с использованием огнестрельного оружия было совершено нападение на автоколонну с сотрудниками ОМОН Московской области г. Павлов Посад, следовавшую из г. Моздока в г. Грозный для плановой замены ОМОН г. Подольска Московской области, в результате нападения среди сотрудников ОМОН г. Сергиев Посад имеются убитые и раненые. В тот же день по фактам убийств прокуратурой г. Грозного было возбуждено уголовное дело.

Расследованием установлено, что 1 марта 2000 года руководство Старопромысловского временного ОВД получило оперативную информацию об ожидаемом прибытии в г. Грозный автоколонны неизвестных вооруженных людей, одетых в милицейскую форму и с удостоверениями «гантемировцев».

По приказу руководства РОВД для задержания и разоружения неизвестных вооруженных людей работники Старопромысловского РОВД, военной комендатуры разместились во дворах домов н. п. Подгорное в районе блокпоста № 53.

2 марта 2000 года автоколонна ОМОН ГУВД г. Сергиев Посад, состоявшая из автомобилей «Урал», «ГАЗ», «ЗИЛ» и автобуса «Руслан», при приближении к н. п. Подгорное в непосредственной близости от блокпоста № 53 была обстреляна.

Сотрудники ППС Старопромысловского РОВД г. Грозного Асакаев Б. У., Умаров М. С. и Дакаев А. Н., находившиеся на огневых рубежах в н. п. Подгорное, открыли огонь по головной автомашине автоколонны, так как автоколонна не остановилась в районе блокпоста № 53.

Находившийся в автоколонне личный состав ОМОН ГУВД г. Сергиев Посад открыл ответный огонь, после чего по автоколонне был открыт огонь также с базы Подольского ОМОН, расположенной в непосредственной близости от блокпоста № 53.

В результате обстрела колонны погибло 22 человека из числа сотрудников ОМОН г. Сергиев Посад, ранен 31 человек.

31.01. 2001 генерал-майору милиции Фадееву Б. В. предъявлено обвинение по ст. 293 ч. 2 УК РФ — халатность, ненадлежащее исполнение должностным лицом обязанностей по службе, что повлекло за собой тяжкие последствия. Фадеев Б. В., находясь в должности начальника ГУВД Московской области и будучи ответственным за обеспечение безопасности личного состава ОМОН г. Павлов Посад, находясь в г. Моздоке, не принял необходимых организационных мер. Не обеспечил сопровождение автоколонны бронетехникой, вертолетами, не согласовал движение колонны с Объединенным штабом ОГВ(с) в Чеченской Республике.

01.02 предъявлено обвинение по ст. 293 ч. 2 УК РФ — халатность — полковнику милиции Левченко М. Л., который являлся руководителем Группы управления Объединенной группировки войск (сил) от МВД РФ в Чеченской Республике, ответственным за организацию управления силами и средствами от

МВД РФ по обеспечению безопасности личного состава, не выполнил надлежащим образом свои служебные обязанности, что повлекло за собой гибель людей.

28.01 2001 майору милиции Тихонову И. С. также предъявлено обвинение по ст. 293 ч. 2 УК РФ — халатность, который, являясь и. о. командира ОМОН г. Подольска, не обеспечил должным образом организацию службы личного состава на блокпосту № 53, беспрепятственное и безопасное прохождение автотранспорта федеральных сил в зоне его ответственности».

Кто раз поспешил, тот платит вдвойне.

*Сомкните бокалы за наше здоровье,
Есть новая формула в этой войне —
Чем дальше от фронта, тем больше героев.*

Ну вот и все... Думаю, ложь, как и кровь, неизменный атрибут любой войны.

Но ложь о чеченской войне возведена в ранг официальной политики.

Примеров тому — множество.

Про один — подробно рассказал.

Вот еще один — из того же 2001-го.

Спецоперация, гибель Бараева, публикация в «Новой газете»:

«Никогда не писал о том, что происходит в Думе, не ругался публично со своими коллегами. Но не могу не процитировать «главного рабочего» страны, который, правда, сам еще ни разу не рискнул съездить в «горячую точку».

...Среда. 27 июня. 105-е заседание Госдумы.

Председательствующий. Так, Шандыбин Василий Иванович, пожалуйста.

В. И. Ш а н д ы б и н. Уважаемый Геннадий Николаевич, наконец-то спецслужбы России приступили от слов к делу и продемонстрировали величие русского духа. Уничтожен кровавый террорист Арби Бараев. Все мы знаем, что Бараев был врагом чеченского и других народов. Считаю, что газета «Известия» правильно охарактеризовала эту спецоперацию как начало пути к миру в Чечне.

Предлагаю поручить Комитету по безопасности подготовить от имени Государственной думы приветственную телеграмму на имя министра обороны Иванова, министра внутренних дел Грызлова и непосредственного руководителя этой операции — директора ФСБ Патрушева. А также ходатайствовать перед президентом о награждении участников операции государственными наградами. Кроме того, я предлагаю всем депутатам выразить свое восхищение и благодарность нашим спецслужбам за проведенную операцию.

По мнению депутата Госдумы от Чечни Асламбека Аслаханова, генерала МВД СССР, человека знающего и информированного, Бараева убили кровники (жители его родного села отказались пропустить машину с его телом, родная земля отказалась принимать его). Но почему-то шеф ФСБ Патрушев, которому Шандыбин предлагает вручить высокую награду, специально на один час прилетел в Чечню, чтобы покрасоваться перед телекамерами как автор этой спецоперации.

Не волнуйтесь за него, Василий Иванович.

Примерно два года тому назад по секретному указу (его почему-то называют «пьяным указом») Патрушеву, Рушайло и еще несколькими высокопоставленным чиновникам уже были присвоены звания Героев России. За успехи в Чечне звание Героя России получил также Генеральный прокурор Устинов — и тоже по закрытому указу. (Прямо какая-то подпольная «Молодая гвардия» создается в стране!) Погибшие солдаты и офицеры у нас безымянные. Зато салонных героев не счесть. (Кстати, за Афганистан Звезды Героев получили около 100 человек, а за чеченскую войну, ведущуюся на территории России, уже больше 500.) А я не могу забыть, как спокойно ушла банда Радуева из Первомайского. Я знаю, как и почему отпустили Басаева и Хаттаба из Дагестана. Это ИХ игры. Это ОНИ шлепают друг другу на мундиры новые звездочки героев и ордена.

Хватит врать, а?

Третье событие 2001 года было для меня совсем неожиданным.

Позвонил известный правозащитник Андрей Миронов и предложил поехать в Швейцарию: там будет Тим Гильдеман и представители Аслана Масхадова.

Полетел и потом был вынужден дать подробный отчет в газете.

Пять лет назад в Хасавюрте был подписан договор между воюющей Чечней и воюющей Россией. Одним из тех, кто способствовал этому миру (именно ему принадлежала, так сказать, авторская идея), был спокойный, вежливый дипломат из тихой, ни-

когда не воевавшей Швейцарии. В воюющей Чечне я видел машину ОБСЕ. Жалко, тогда не смог поднять руку и остановить ее, как в автостопе, чтобы познакомиться с человеком из далеких Альп и спросить его: а вам-то зачем это нужно?

Этот человек — Тим Гульдеман, руководитель миссии ОБСЕ в первой чеченской войне.

Мы встретились в конце августа 2001-го, в Швейцарии, на берегу Женевского озера, в «Горном доме» — знаменитом европейском миротворческом центре.

Сидели за столиком маленького горного ресторанчика, откуда открывался ошеленный вид на Альпы: снежные вершины, предгорья, покрытые густым лесом, ущелья и долины. Картинка, знакомая до боли.

— Да, как в Чечне... — согласился Тим.

Как в Чечне...

Сегодня Тим Гульдеман — посол Швейцарии в Иране, но шестнадцать месяцев, проведенных в Чечне, — самое яркое, по его словам, впечатление жизни.

Он представлял ОБСЕ в Чечне в самое напряженное время. Он привел воюющие стороны к Хасавюртовским соглашениям, которые одни считают трагической ошибкой, другие — преступлением, третьи — предательством, четвертые — вынужденной необходимостью, пятые — единственным шансом на пути к миру. В Чечне, по его словам, он оказался совершенно случайно: в то время руководителем ОБСЕ стал министр иностранных дел Швейцарии, а Тим был чуть ли не единственным сотрудником МИДа, хорошо знающим русский язык.

— Эта случайность выбора мне потом здорово помогла: мне было легче вести переговоры, потому что я ничего не знал о прошлом каждой из сторон. Все для меня были одинаковыми, а не хорошими или плохими.

В Грозном шли бои — миссия ОБСЕ сидела в Москве, но, посоветовавшись, решила перебраться в Чечню.

— Вы увиделись с Дудаевым?

— Нет... Он уже погиб. Я встретился с Яндарбиевым... Мы с ним говорили очень долго, и, наконец, он сказал, что готов встретиться с федеральной стороной. Я понял, что это шанс, и тут же полетел в Москву.

— К кому?

— К Вольскому... Он сразу организовал мне встречу с Черномырдиным. И тогда мы очень быстро подготовили встречу в Кремле...

— Какие были ваши первые впечатления от российских руководителей? Они были готовы к миру? Или вам пришлось их уговаривать?

— Они искали выход из тупика, они хотели закончить военные действия... Я просто вовремя появился... И если я помог организовать эту встречу, то лишь потому, что уже до этого получил согласие чеченской стороны на переговоры. Черномырдин меня спросил: «Если будут какие-то договоренности с Яндарбиевым, его военные руководители ему подчинятся?» Я вернулся, нашел Масхадова, задал ему вопрос Черномырдина. Масхадов мне тут же ответил: «Да, обязательно... С Басаевым тоже не будет никаких проблем...» Я понял, что Масхадов очень заинтересован в мире.

Потом были бесконечные ежедневные переговоры, которые Тим Гульдеман вел между Москвой и Грозным. Потом — Хасавюрт.

— Как военные вас воспринимали? Как помеху? Как союзника? Как третьего лишнего в Чечне?

— С Тихомировым было труднее... Но за этим процессом стояли политики, а не военные... Военные были не очень довольны, но так бывает во всех войнах, когда политики начинают мирные переговоры в разгар войны.

Уже там, в Чечне, Хасавюртовские переговоры никак не могли начаться: никто не знал, где именно они должны происходить. Лебедь ждал чеченскую делегацию в Хасавюрте, а чеченцы — совершенно в другом месте.

Лебедь — мне: «Ну, где ваши чеченцы?» Я: «Они вас ждут в другом месте...» Он: «Ищите и привозите их сюда». Я: «Тогда дайте мне вертолет...» Я добрался до Масхадова, привез всю делегацию. Начались переговоры... Я видел, как хотелось Лебедю очень быстро достигнуть положительных результатов...

— Скажите, слово «независимость» было главным для Яндарбиева? Или можно было как-то обойти этот термин?

— Конечно, для него это слово было главным... Но... Но я старался говорить с чеченской стороной о реальном решении... Ясно было, что вопрос о независимости ставить сейчас нельзя... Кроме того, я же представлял ОБСЕ, а все мировое сообщество, за исключением талибов, считало, что Чечня — это часть Российской Федерации.

После президентских выборов в Чечне, когда на пресс-конференции Тим Гульдеман публично огла-

сил позицию ОБСЕ, Яндарбиев выгнал его из республики.

— Выгнал?— удивился я. — Впервые слышу!

— Да, это было в январе 97-го... Уже прошли выборы президента, которые выиграл Масхадов, но его официальной инаугурации еще не было. В Грозном меня вызвал министр иностранных дел Чечни и сообщил, что я объявлен персоной нон грата и должен покинуть Чечню в течение двух часов. Я ответил: «Но обычно на это дают 24 часа!»

— А он?

— Нет, чтобы через два часа вас в Чечне не было! Не было, так не было. Поехал в Назрань, к Аушеву... Он мне сказал: «Когда Масхадова официально объявят президентом, вместе вернемся в Грозный...» И на инаугурации — она происходила в Назрани — Масхадов официально пригласил меня вернуться в Чечню.

— Как вы думаете, Тим, Хасавюрт не стал ли ошибкой? Был ли тогда другой вариант?

— Ну, вариант был: продолжение войны. Такой вариант всегда существует. Но Москва уже поняла, что надо что-то делать, чтобы остановить войну, хотя бы за счет конструктивной неясности...

— Вы когда-нибудь чувствовали, что власти в Москве не хотят вашего присутствия?

— Нет, ни разу... Конечно, это было против всех традиций — участие иностранца в переговорном процессе, но я постарался и, думаю, успел стать полезным. А поскольку я каждый день имел контакты с чеченскими лидерами, они доверяли мне, и в конце концов я смог помочь провести переговоры. Думаю, что в Москве это оценили.

Спрашиваю, какое впечатление произвели на него руководители Чечни. Масхадов, например?

— Очень умный человек... — и повторяет: — Масхадов — очень умный и порядочный человек... Я чувствовал, что именно его хочет чеченский народ... Меня спросили в Москве накануне выборов: а нет ли опасности, что их выиграет Басаев? Ведь Басаев — опасный террорист... Я ответил: «Не волнуйтесь... Надо поддерживать Масхадова... Это человек, с которым можно будет вести переговоры...»

— А Басаев?.. Вы чувствовали во время войны противостояние его и Масхадова?

— Нет, он ощущал себя членом единой чеченской команды. Я никогда не видел, чтобы он имел что-то против Яндарбиева или против Масхадова. Для меня всегда это была одна сторона.

— Скажите, а Хаттаб сильно повлиял на развитие событий в Чечне?

— Тогда — нет. Его мало кто знал... Он из категории международных авантюристов... У них война в крови... В гражданской войне в Испании тоже были международные бригады... Что-то похожее встречалось и в латиноамериканских странах.

Наконец, о войне сегодняшней.

— Вы чувствовали, что будет вторая война?

— Нет, я это исключал... Хотя после Дагестана я почувствовал, что ситуация становится очень опасной... Как крайний вариант такого развития событий я мог бы предположить, что российские войска дойдут до Терека... А потом — изоляция других районов... Я мог бы это представить... Но опять — бои под Ведено...

— Тим, я понимаю, что спрашивать вас об этом не совсем корректно: ваша международная миссия

закончилась, сейчас у вас другая работа. Но вы же всех знали по первой войне, виделись со всеми руководителями Чечни... Зависело ли от воли одного человека, чтобы избежать второй войны? Или от воли одного человека ничего не зависело?

— Не знаю... Думаю, здесь сочетание разных факторов... Ситуация в Москве и события в Дагестане...

— Но вы не думаете, что Масхадов мог быть причастен к нападению Хаттаба и Басаева на Дагестан?

— Это исключено.

— Он не хотел всего этого?

— Нет... Он очень хотел мира.

— А как вы думаете, после событий в Дагестане Масхадов пытался объяснить Москве, Кремлю, что нападение на Дагестан — не спланированная им акция, а бандитская самодеятельность Басаева и Хаттаба? Может, хотя бы это помогло остановить большую войну!

— Конечно, я думаю, оставались шансы для мира, но для этого нужна была политическая воля обеих сторон. Но... Мы всегда должны помнить, что после распада Советского Союза в Чечне больше не было государственных структур. Грозный был русским городом. Исход оттуда почти всех русских людей привел к разрушению государственных структур: чеченцы в СССР практически не принимали — или почти не принимали — участия в управлении. Русские ушли, и в города пришли люди совсем с другой, горской культурой, не знакомые с советскими традициями существования. А потом — война, а потом — полная изоляция. Плюс — криминализация.

— Плюс — молодежь, выросшая в годы войны...

— Естественно.

— То есть, если бы Масхадов тогда, в 1999-м, даже

захотел остановить Хаттаба и Басаева, он ничего не смог бы сделать?

— Не знаю... Не могу сказать... Но я на сто процентов уверен, что Масхадов или Макашев, то есть люди, сделавшие карьеру в советских структурах, лучше знают, как жить с Россией. Но и сами представьте, во время войны Масхадову отдавать приказы куда труднее, чем во время мира.

Я спросил Тима Гильдемана, какие у него остались впечатления о двух политиках, чьи имена у всех на устах.

С Борисом Березовским он проговорил однажды час или два: «Он все время спрашивал... Вопрос, еще вопрос... И это мне понравилось, что он стремится узнать: и кто этот? и что этот? и что делает тот или другой? Он тогда был чиновником федерального правительства, и я с удовольствием отвечал на все его вопросы».

— Виделись ли вы с Кадыровым?

— Однажды, мельком... Мне его представил Масхадов как муфтия... Я начал с ним говорить по-арабски, но, к моему удивлению, он не понял ни одного слова...

— А муфтий должен знать арабский язык? — по своей неграмотности, удивился я.

— Да, если он муфтий...

Вот такой был наш разговор с послом Тимом Гильдеманом в самом конце августа, на берегу Женевского озера, откуда открывался потрясающий вид: занесенные снегом вершины, заросшие густым лесом предгорья, ущелья и долины.

Все, как там...

Только у гор другие имена.

...И — несколько дополнений к этому разговору.

Беседовали мы в двух шагах от «Горного дома», в единственном ресторанчике на двадцать столиков, откуда открывался тот альпийско-чеченский вид, который я, как умел, описал.

Не знаю (первый раз был в Швейцарских Альпах), в этих ли краях был наш Суворов, но с этими местами связано в России очень многое.

Внизу, под горой, на самом берегу Женевского озера, в городке Монтре, жил Стравинский и похоронен Набоков. Эти места описывал Чехов в своей «Даме с собачкой» (и сейчас здесь очень любят русских: самые дорогие номера в отелях считаются те, окна которых выходят на берег озера: в них живут главным образом русские и арабы). Меня немало удивило, что, оказывается, у местных жителей из поколения в поколение передается имя Ленина: «О, Ленин? Это хулиган!». Чуть подумав, я согласился с этим определением, но тут же выяснилось, что добродушные швейцарцы вкладывают в эту нашу 206-ю статью совсем другой смысл. Как гласят предания, когда Ленин бывал в этих местах и катался на лодке, он любил обрызгивать проходящих мимо местных девушек. Чтобы обуздать Владимира Ильича, был призван местный священник. Вот когда он обрызгал и его, местные жители и прозвали Ленина «хулиганом». Это прозвище и осталось в их памяти.

Теперь о самом «Горном доме».

Он на самом деле находится на горе. Его — то ли замок, то ли крепость — видно отовсюду из Монтре. Туда взбирается маленький поезд из двух вагонов с улыбающимся дедушкой-машинистом.

Когда мне объяснили, что это за дом, я понял,

почему он стоит на горе, возвышающейся над этим краем Женевского озера.

В начале прошлого, двадцатого века его строили как дорогой отель. В книге постояльцев того времени — американец Скотт Фицджеральд и русский Артур Рубинштейн. Ну и, конечно, много других великих, чьи фотографии висят в этом странном доме. Потом — Первая мировая, потом — приближающийся фашизм, потом — приблизившийся, потом — реальный. И фешенебельный отель стал убежищем для гонимых евреев.

После Второй мировой войны бывший отель превратился в «Горный дом» — дом мира.

В 1946 году на сцену «Горного дома» поднялась француженка, героиня Сопротивления, и сказала: «Немцы, встаньте!» Немцы в замешательстве поднялись со своих мест. А героиня Сопротивления сказала: «Простите за ненависть, которая была в моей душе к немцам всю эту войну».

В ответ один из немцев сказал: «Я вырос в гитлерюгенде, я служил в войсках СС. Простите меня».

Так было положено начало «Горного дома».

Когда я туда приехал, увидел бывших премьеров, действующих сенаторов, дедушек, чьи имена помнил весь мир, чернокожих эмиров, которые, знакомясь, называли себя только по имени. В «Горном доме» сохранилась традиция, впрочем, не обязательная: желающие могут поработать на кухне, помочь в обслуживании гостей.

Я был там всего четыре дня и, признаться, до кухни дойти не успел. И очень об этом сожалею, вспоминая, как ко мне подошел внук Ганди, член Индийского национального конгресса (в фартуке, с подносом) и спросил: «Вам кофе с молоком или без?»

...А ведь все это имеет самое прямое отношение к теме нашего разговора с Тимом Гульдеманом. Мир могут строить только люди, имеющие одинаковое представление о нем. Все четыре дня в «Горном доме» эта тема продолжала занимать его гостей.

— Скажи мне, почему Селезнев выступил в Думе с требованием моей экстрадиции? Что я такого сделал? Ведь я не числюсь в розыске Интерпола, я не участвовал в нападении ни на Буденновск, ни на Дагестан? — спрашивает меня министр иностранных дел Чечни Ильяс Ахмадов. — Почему Аслан Масхадов объявлен террористом? Он же избранный президент, и на его инаугурации были все представители Москвы!

Я и сам думаю, почему так сказал Селезнев?

Ильяса сделали министром иностранных дел (он и сам весьма иронически относится к собственной должности), когда между Чечней и Россией был еще относительный мир.

Я знаю его биографию. Парень, который завидовал своему брату, воевавшему в Афгане, мечтал служить в Советской армии и остался на сверхсрочную службу, закончил философский факультет в Ростове-на-Дону и там поступил в аспирантуру, чем он навлек на себя такой гнев российских властей?

— Я боюсь звонить своим друзьям по армии, по университету — их тут же затаскают в ФСБ, — говорит Ильяс.

Мы с ним говорим долго, очень долго.

От него я впервые узнаю, что Удугов сейчас живет в Катаре и что его агентство «Кавказ» не имеет никакого отношения к Масхадову: «Мы делали десятки заявлений о том, что Удугов уже давно не представляет чеченское правительство... У меня такое

ощущение, что Удугов нужен прежде всего Ястржембскому, чтобы было кого публично опровергать!»

Он мне — хотя я-то при чем? — выражает благодарность за поимку «тракториста»: «Если бы не вы, то нам, когда наступит мир, надо будет уничтожать всех этих подонков».

Он говорит мне, как мечтают его дети вернуться на землю, которой они еще не видели по малости возраста.

Он сегодня — перекасти-поле: кто-то поселит, кто-то купит костюм («Знакомый бизнесмен-чеченец купил мне два костюма — я приехал в одних брюках. О, министр иностранных дел... Вдруг по ТВ-6 показывают сюжет: я покупаю костюм. И комментарий: «Вам плохо, а они жируют»).

— Если я чеченец, то что? У меня две руки, две ноги. Чем я отличаюсь от других людей? От вас, например? — спрашивает он и тут же: — А вы не задавали себе один вопрос: почему за всю войну ни с той ни с другой стороны не был взорван ни один бензовоз?

Задавал, задавал... Мы понимаем друг друга.

Но вот чего я не понимаю: это как же Ильяс Ахмадов сделался врагом моего друга Саши Раковициана из 205-й бригады, с двумя тяжкими ранениями и двумя орденами Мужества за первую и за вторую войну? Если бы от имени России и Чечни договаривались Саша и Ильяс, уверен, не было бы произведено ни одного выстрела друг в друга.

— Я жил на одной улице с Шамилем Басаевым. В Грозный я приехал в отпуск. Вдруг — война. Пришел к Шамилю: «Я с тобой...» Так я попал в ополчение... Два раза меня чуть не убили свои: «Пуля раз,

два... Я кричу: «Я же свой!» Отполз — снова та же история... Мы же все были одеты одинаково, что мы, что мы... — Так и сказал Ильяс. «Что мы, что мы»...

Отвергнутый Чечней Удугов нужен сегодня Ястржембскому — иначе кого еще опровергать?

Лжемuftий Кадыров нужен сегодня тем, чьи бензовозы никогда не подорвутся на фугасах.

Уголовник Гантемиров нужен Казанцеву: хоть бы это можно вписать в отчет как достижение сотрудничества с чеченскими властями.

Пока эти силы договариваются друг с другом — война не прекратится.

Мир там наступит только в том случае, если договариваться о нем будут не «горные люди» (цитирую Тима Гульдемана).

«Не горные» — в точном смысле этих слов.

Мне все хотелось бы задать президенту Владимиру Путину один вопрос: если, как вы заявляете, боевые действия в Чечне закончились, то к какой же графе статистики относить ежедневно гибнущих там людей? Раз это уже не боевые потери, то, может быть, их следует вписывать в реестр жертв дорожных происшествий? — спрашивает Ильяс.

Но я не могу ответить ему за своего президента.

Не успел я вернуться домой, как в одной швейцарской газете была опубликована пространная статья, утверждавшая, что в Монтре «проходили тайные переговоры между представителями Масхадова и российским правительством», в которых участвовал и я.

О публикации, естественно, в тот же день стало известно в Москве. И вечером того же дня Леонтьев заявил с телеэкрана, что «Щекочихин, который якобы борется с террористами, на самом деле встречается с террористами в Швейцарии».

Я не люблю ни «тайных переговоров», ни Леонтьева и потому решил сразу рассказать, что же на самом деле происходило в знаменитом «Доме на горе», где из года в год, уже несколько десятилетий подряд, собираются люди из разных стран, разных взглядов, убеждений и вероисповеданий, чтобы хоть чуть-чуть слепить наш разрушающийся мир.

Однако месяца через три, это было уже после 11 сентября, ко мне в кабинет вдруг ворвалась девушка из ИТАР-ТАСС:

— Правда ли, что в Швейцарии вы виделись с Бен Ладеном?

Пришлось ее разочаровать. Только удалось ли бы мне это, не опубликуй я тогда, немедленно по возвращении из Швейцарии, отчет о своей командировке?

БЛОКНОТ ВОСЬМОЙ: ГОД 2002-й

Для тебя на руках своих
внуков носили.
Почему ж они так же в танках
сегодня горят?
Ах Россия, Россия, родная Россия,
Береги своих юных солдат.

Тогда еще не было «Норд-Оста», и никто из нас даже в страшном сне не мог бы представить, что то, что случилось в Нью-Йорке, произойдет и у нас, почти в центре Москвы.

Я прилетел в Нью-Йорк на полтора дня. Девять часов туда, девять обратно до Москвы — целый кусок жизни, за который, кажется, можно бы успеть сделать так много! И там — международная конференция, организованная немецким Фондом Эберта на острую тему «Терроризм и отмывание грязных денег», встреча с коллегами из «Тайма», ночной ужин с друзьями, которых не видел целый год. Как за этот год изменилась Америка!

Я не очень люблю Нью-Йорк, но каждый раз, подлетая к нему, ошалеваю от вида Манхэттена сверху, от плывущих над ним крыльев самолета и от вида тех двух зданий, которых уже нет.

— А ты знаешь, мы уже привыкли, что этих домов нет, будто их и не было, — говорит российский ньюйоркец и наш корреспондент в Штатах Марик Туревский.

Нам уже надо в аэропорт, но как не увидеть ТО место? Не просто любопытство (пустота на Каширке на месте взорванного московского дома — точно такая же печаль), а какое-то воспоминание о будущем. Не дай бог...

11 сентября прошлого года мир перевернулся, и мы поняли уже окончательно, что человек совершенно незащищен в этом мире. А от человека до человечества — один шаг. Может, даже меньше.

ТО место окружено хвойным забором: да, правда, хвоя по всему периметру котлована да одинокий веночек. Соседние пустынные небоскребы с еще не вставленными стеклами, им, бедным, тоже тогда досталось. Туристы, жадно фотографирующие пяточок человеческого горя. Что еще? А еще жизнь, в которой так все переплетено.

— Вот будет смешно, если тендер на строительство здесь выиграет фирма Бен Ладена, — говорит Марк.

Он не шутит: восстановление посольства США в Танзании, взорванного (как официально сообщалось) Бен Ладеном, поручено именно строительной фирме Бен Ладена. Он выиграл тендер, и от этого мир становится еще более непонятным.

Семью Бен Ладена после 11 сентября спешно эвакуировали из США: она могла стать жертвой народного гнева. Американские власти мгновенно подавили тогда чувство мести лицам «арабской национальности».

Но в остальном — мы очень похожи.

Считать Америку примером безопасного места существования для человека — то же самое, что оценивать жизнь в колхозах по фильму «Кубанские казаки».

Бардак у них точно такой же!

Меры безопасности носят советско-показушный характер. Неимоверные очереди для прохода в аэропорт (с шумом, гамом, истериками). Тройные кордоны, полицейские собаки разгуливают между чемоданами, вынюхивая чего-то. Зам министра иностранных дел РФ В. Трубникова, который прилетел в Госдеп на переговоры о борьбе с терроризмом, в аэропорту пытались заставить снять ботинки: нет ли в них мины? Вице-спикера Госдумы Ирину Хакамаду дважды, при прилете и при вылете, подвергли личному досмотру. (Меня не раздевали — видно, не показался). Но одновременно дают визу приемному сыну Саддама Хусейна и продлевают сроки пребывания в США террористам-самоубийцам (посмертно): тем самым, которые направили самолеты на здания Всемирного торгового центра.

.То есть, все по-нашему, по-советски.

Даже сегодня, когда минул почти год после сентябрьской трагедии, в самолет можно пронести все что угодно. Совсем недавно ФБР провело масштабную проверку всех американских аэропортов: на самолетные борта пытались пронести муляжи пистолетов, автоматов, гранат и т. д. Бдительные стражи поймали ровно половину всего этого взрывоопасного багажа, а половину — не заметили. Шоком для американцев было и то, что, как оказалось, двести работников аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке являются нелегальными эмигрантами, а около сотни — ранее судимые.

...Повторяю, я не очень люблю Нью-Йорк. Куда милее мне Бостон или Сан-Франциско. Но мне показалось, что ньюйоркцы стали более одушевленными, то есть не холодными манекенами, думающими только о том, чтобы их не приняли за слабых и убогих. И куда больше, чем раньше, американских флагов: на домах, автомобилях, в кафе и пивных.

11 сентября сплотило нацию. (В Нью-Йорке, например, неимоверно повысились цены на сигареты: семь с половиной долларов за пачку, но курящий народ отнесся к этому с пониманием: ущерб от терактов — это миллионы и миллионы.) И президент Буш неимоверно популярен.

Но, но... Что-то такое родное увидел я в Штатах?

Нация сплотилась на слове «мочить». У них — Бен Ладена.

Народ рукоплещет.

Понимаю, почему такие дружеские отношения у наших двух президентов...

Но после того, что произошло у нас самих, в Москве, на Дубровке, меня уже не так тянет подсмеиваться над тем, что в Штатах тоже много бардака. И не так упрямо отстаивать тезис, что именно в этом наша похожесть.

До этой поездки я был в Штатах, наверное, раз пятьдесят. В том числе, и довольно часто, — по приглашениям коллег из конгресса.

Но что меня поражало в последнее время: на наших встречах все реже и реже звучало слово «Чечня». А после 11 сентября (за редкими исключениями) перестало звучать совсем.

Каждый из президентов наших двух стран борется с олигархами. Каждый из них укрепляет систему

национальной безопасности. Каждый не очень-то жалуется вольных журналистов и морщится при словах «свобода прессы» (хотя за Путиным — куда больше исторического опыта). Наконец, и президент Путин и президент Буш назвали имя главного врага, который соединил (или должен был соединить) нацию под руководством своего президента.

Правда, с одной разницей.

В Америке расист — человек «руконепожимый». Расист, антисемит, антилатинос и всякие другие «анти».

Даже те, в ком живут эти пещерные чувства, открыто никогда в этом не признаются (разве что самые оголтелые).

Заметьте, даже в самых глупых американских боевиках вы никогда не увидите борьбу белых полицейских против чернокожих бандитов. У них и полицейские напарники — черный и белый, или индеец и белый, или даже приезжий китаец в паре с белым полицейским.

Да и не только в Америке!

Помню, моя французская знакомая рассказывала, как полицейский попросил ее предъявить документы у входа в метро.

«Как вы смеете!» — накинулась она на него. — «Мадам, извините! Нас упрекают в том, что мы проверяем документы только у арабов... Еще раз извините!»

А начальник полиции одной из немецких земель рассказал мне, какой шум поднялся в прессе, когда он заявил, что слишком быстро растет цыганская преступность. «Знаешь, как мы теперь говорим о цыганских преступных группах?» — «Как?» — «Задержана группа лиц южноевропейской национальности, склонных к кочевому образу жизни».

Да, понимаю, что знаменитое путинское «Мочить в сортире» легло на хорошо вспаханную и удобренную почву (потому-то мгновенно вырос рейтинг тогда еще почти неизвестного политика).

Только почему-то вся Америка не бросилась громить арабские кварталы после 11 сентября...

У них — «мочить» террористов. У нас — «мочить» чеченцев и всяких других лиц кавказской национальности.

Не потому ли пропасть между народами России если и будет расширяться дальше, то только из-за безумных заявлений политиков? И если московские дети играют уже в «белых» и «черных», то в кого они будут играть, когда вырастут? (Да уже выросли, выросли! Помните погромы на рынках, которые учинили наши бритоголовые?)

Бензином не залить огонь. Но когда очередной раз была предпринята такая попытка — вдруг у нас началась оголтелая антигрузинская кампания, — я не выдержал и написал в «Новой газете»:

«Давно не было так беспомощно стыдно, как в три последних дня прошедшей недели.

Когда в среду на закрытом заседании Госдумы министр обороны Сергей Иванов назвал Грузию не только «так называемым государством», но и обозначил ее как чуть ли не «потенциальным» противником России, серьезно не воспринял эти его слова: Иванов человек в политике молодой, в армейской системе тем более. Мало ли что сорвется с языка! И не такое слышал!

Но когда спустя два дня почти то же самое, слово в слово, услышал уже от президента Путина, да еще больше, серьезнее — с угрозой военного вмеша-

тельства в дела соседнего с нами государства, — стало как-то не по себе.

У кого-то из нас поехала крыша.

Ладно уж, у меня: кроме довольно мирного существа, кота Кузи, мне просто некого направлять для выполнения очередного «интернационального долга». Но президент, Верховный главнокомандующий, имеющий в своем распоряжении одни из самых мощных (хотя бы по численности) армию, авиацию, флот...

Да, отношения с Грузией испортились дальше некуда... Да даже не России и Грузии — куда нам деваться друг без друга? — а между политическими элитами двух стран.

Но одно дело — политические покусывания президентов, спикеров, министров и политтехнологов. А тут — прямые, откровенные, неприкрытые угрозы!

Понимаю, дерутся малолетки на окраинном дворе: «Ах, вы Васю Косого позовете, так у нас есть свой Петя Кривой», «получай, фашист, гранату» и так далее... Поразило другое: почти единодушная эйфория, охватившая политиков разных мастей и окрасок при президентском обещании очередной крови, при новом «мочить», при откровенном призыве к охотничьему азарту: «Ату их, ату!..»

Стоп! Это что, грузинский кремль (у них и кремля-то своего нет, всю жизнь был один наш, московский!) сначала привез Дудаева в Чечню, а потом не знал, как от него избавиться? Это там, в Тбилиси, сквозь пальцы смотрели, как образуется в Чечне беспредельный режим? Это грузинский генерал сказал, что возьмет Грозный силами одного десантно-

го батальона? Это их самолеты раздолбали Грозный, Гудермес и десятки, сотни поселков, сел и аулов? Это их командиры подписывали — и подписывают — тысячи похоронок? Это их генералы спокойно выпустили Хаттаба и Басаева из Дагестана, обрекая Россию на очередную чеченскую войну? Это их спецслужбы годами гонялись за Радуевым и Бараевым, пока, наконец, одного сдали сами чеченцы, а второго сами же убили (как-то позабылось, что в родном селении Бараева отказались его хоронить: знаете, что это значит для кавказцев?). Наконец, на чьих счетах оказались миллионы и миллионы бюджетных денег, которые выделяли и выделяют на вечное восстановление Чечни, — разве на грузинских?

И, наконец, разве Грузия звала к себе тысячи беженцев из Чечни? Их загоняли туда наши, российские, бомбы, наши, российские, танки, наш, российский, спецназ с жестокими и часто бессмысленными зачистками!

Да что же вы не ловите своих, то есть наших, российских, террористов в Панкисском ущелье! — грозно стучают кулаком по столу наши генералы, в штатском и в форме.

Господа, да подойдите к зеркалу!

Если за две чеченские войны через эту бойню прошло около миллиона российских мальчишек, то где же маленькой Грузии взять такую армаду? Или опять у нас выборы на носу?

Но куда хуже, куда опаснее, что результатом этой «мочительной эйфории» станет не временная вражда между двумя президентами — президенты приходят и уходят, — а трещина между нашими народами, та пропасть, которая страшнее всяких ущелий...

Нет уж! Свою Грузию я не отдам!

И не забуду, как маленьким чуть не плакал на последних кадрах фильма «Отец солдата».

В начале 1993 года я начал писать повесть «Жизнь после». Писал долго, мучительно по одной причине: то, что придумывалось, — начинало сбываться, будто я сам выстраивал этот фантастический мир: от комендантского часа в городе до грядущей кавказской войны. Потому-то я издал ее лишь в 99-м.

Тогда, в начале 93-го, я не мог бы даже представить, что картинка, родившаяся в авторском изображении, сможет стать реальностью.

Мой герой, выброшенный из жизни силами политических обстоятельств, одиноко плутая по городу, нечаянно встречает свою знакомую, с которой он не виделся много лет. В конце концов они оказываются в гостинице на ВДНХ.

«... А потом я мгновенно провалился в сон. Мне показалось, что я спал вечность, и потому, проснувшись от каких-то мешающих сну звуков, сначала с ужасом взглянул на часы, так как нет ничего хуже, чем выйти из гостиницы, в которой ты не живешь, после одиннадцати — спокойно можешь провести остаток ночи в отделении милиции или, что еще хуже, в районной комендатуре под храп казаков и бессонные лошадиные стоны.

Но часы показывали всего лишь десять минут одиннадцатого. Шум же, который меня разбудил, доносился из гостиничного коридора.

— Грузины, — сквозь сон пробормотала женщина, голова которой покоилась на моем плече. — Про-

хода не дают... Всю гостиницу заполонили... Выйдешь — черным-черно...

Но коридорный шум был совершенно другого рода — в нем была какая-то законченность: голоса то поднимались, то вдруг смолкали, как подрезанные, и — после хлопанья дверей — снова шли вверх, чтобы потом вновь наступила мертвая тишина, длящаяся долгие, какие-то звенящие секунды. И самое главное — и сквозь хлопанье дверей, и сквозь голоса, и даже сквозь бросающие в холодную дрожь секунды тишины, — я слышал то, что уже ни с чем не мог перепутать: размеренный, спокойный, сопровождаемый мелодичным перезвоном шпор звук шагов.

Я уже высунул ноги из-под одеяла и начал шарить в темноте штаны, как дверь номера с шумом распахнулась (хотя, естественно, после того, как мы вошли в номер, я запер замок на два оборота и еще накинул щеколду) и меня ослепил свет фонарика, направленный прямо в лицо. Я инстинктивно поднес ладонь к глазам, а когда отпустил, то уже смог различить в светлом дверном проеме две застывшие фигуры: немолодого человека с усталым, изможденным лицом, с погонами не то полковника, не то подполковника, и за его спиной — совсем еще мальчишку с большой челкой, выбивающейся из-под приплюснутой казачьей фуражки...

— Русские? — спросил полковник (или подполковник). — Россияне? — тут же поправил он сам себя, не отрывая фонарика от моего лица.

— Да, россияне, россияне, — глотая слюну, выдавил я из себя и просительно добавил: — Фонарем... В глаза... Не надо...

Мне показалось, что фонарик на моем лице за-

держивается целую вечность, и страх быть узнанным подступил прямо к горлу, но старший конный казак (судя по нагайке, переkreщенной с седлом на его петлице) равнодушно скользнул по моему лицу и перевел фонарик на женщину, забытое воспоминание о которой даже сейчас, когда я пишу эти строки, шевелит уже затухающее сердце.

— А ваша супруга? — спросил он.

Но не дав мне возможности что-то пробормотать в ответ, она вдруг выпрямилась на кровати, так что одеяло соскользнуло с ее плеч, и с вызовом, напугавшим меня, сказала, не жмурясь от направленного на нее света:

— Из Воронежа! Вы, надеюсь, знаете, где находится Воронеж?

Фонарик тут же погас, и на лице полковника (или подполковника) вдруг появилась мягкая, стеснительная улыбка. Он снял фуражку, тыльной стороной ладони вытер капли пота, выступившие на лбу, и, обернувшись к своему молодому напарнику, сказал: «Видишь, Павлушка, наши, воронежские. А им жить спокойно не дают», — и, уже закрывая дверь, сказал, обращаясь в темноту, откуда сейчас слышалось только наше учащенное дыхание: «Извините за беспокойство... Если что, мы рядом... В Останкинской комендатуре. Телефон есть у дежурной».

Потом, уже одетые и снова отчужденные друг от друга, мы стояли, прислонившись к оконному стеклу. А за окном, несмотря на поздний час, кипела жизнь, к которой я тогда только-только начинал привыкать.

Сквозь строй казаков — попеременно конных с пешими — в обычные городские автобусы (даже но-

мера почему-то запомнил: 120-й и 196-й) залезали, втаскивая сумки и чемоданы, мужчины: черноголовые, носатые, большинство — с усами, то закрученными лихо вверх, то нерешительно опущенными вниз, старые и молодые; гордые, нарядно одетые женщины, старухи, закутанные в длинные, тяжелые платки и беззвучно рыдающие дети.

— Куда их теперь? — спросила она, прикоснувшись к моей руке своей, теплой и влажной.

— Откуда я знаю, — ответил я, отдергивая свою руку.

— Не так уж они и шумели... — нерешительно сказала она. А потом мы расстались, чтобы, скорее всего, больше никогда не увидеться в жизни...»

Это написано почти десять лет тому назад. Я сам тогда думал, что это фантастика. Но реальность оказалась намного хуже.

Еще об одной встрече 2002 года. Вновь, как и годом раньше, известный правозащитник Андрей Миронов пригласил на встречу с представителями Масхадова, такую же неофициальную, как и тогда.

Но на этот раз — в Лихтенштейн.

Российскую сторону представляли четверо: два бывших спикера двух наших парламентов — Руслан Хасбулатов и Иван Рыбкин — и два депутата Госдумы — Асламбек Аслаханов и я. Один из тех, кто представлял чеченскую сторону, а точнее, Аслана Масхадова, был человек, российской общественности хорошо знакомый: Ахмед Закаев. В свое время он был (да и остается, по его мнению) вице-премье-

ром Чечни и полномочным представителем Масхадова. Ахмеда мы множество раз видели в теленовостях: и когда, еще в прошлой, первой войне он был одним из активных участников переговоров с Борисом Ельциным, и совсем недавно, когда неожиданно для всех он провел трехчасовые переговоры в аэропорту Шереметьево-2 с Виктором Казанцевым.

Хочется, чтобы вы услышали точку зрения Ахмеда Закаева: ведь слово убивает только лишь в романтических произведениях прошлого... Услышали так, как услышал я там, в Лихтенштейне, на высоте полторы тысячи километров, в горах...

— Чечня проиграла войну... Но и Россия войну проиграла, — говорит Ахмед Закаев. — Все войну проиграли...

Мы просто гуляем по этому крошечному городку, забытому миром, — даже его название мне ни о чем не говорит. Да ладно, пусть мир и не помнит. Зато здесь не знают слов «заложник» и «зачистка», не могут — даже в страшном сне — представить, как рвутся артиллерийские снаряды, не боятся тени вертолетов над головой (господи, какие здесь вертолеты — паропланы да дельтапланы!) и слово «тракторист» здесь — лишь обыкновенное название обыкновенной профессии, а не уголовная кличка подонка-террориста.

Ну, попали мы в яму... Выберемся? Или продолжим падать все ниже и ниже?..

Мы просто говорим, пользуясь перерывом в нашей встрече, откуда только что выгнали незваного представителя Бориса Березовского.

И говорим не только о войне.

Ахмед вспоминает своих друзей из Воронежа, с

которыми вместе учился на актерском, и, как давний сон, перечисляет роли, которые он играл в театре. Идем, будто по московскому бульвару, будто по дороге в Ленком или в «Современник»...

Но все равно, все равно — о войне. Куда от нее денешься?

— Ваши говорят: «Какие переговоры? С кем переговариваться?» Да пока еще осталось с кем... С теми, кто вырос тогда, когда не было никакой войны и всего прочего, кто закончил российские вузы, кто книги читал, кто музыку слушал, кто хотя бы знает какие-то имена. А что дальше? Дальше-то что? Дальше-то с кем? Да они и тебя убьют за то, что ты русский... Просто — русский, — и, после паузы: — Да и меня заодно... Те, кто вырос за годы этих двух войн, ничего, кроме войны, не видел. Да и до войны, при Дудаеве, много ли видели, когда как плугом вспахали весь культурный слой?.. С кем-то когда-нибудь все равно придется говорить. Но как и о чем?

До самого рассвета мне не давали покоя эти слова Ахмеда Закаева.

На следующий день понял: подробнее, подробнее об этом. Точнее, точнее...

Этот наш разговор происходил уже накануне отъезда из Лихтенштейна.

— Ахмед, может быть, именно это новое чеченское поколение, которое выросло под бомбежками и вообще не прошло элементарную школу, и есть сегодня самый главный вопрос для нас всех, кто еще готов обсуждать, что делать. Обсуждать, а не только бряцать оружием и пугать друг друга? Ведь, навер-

ное, парень, которому было десять лет тогда, уже сегодня, семнадцатилетний, не сядет со мной, например, за стол переговоров? Да и ни с кем не сядет, боюсь...

— Для нас, для чеченцев, — это самый злободневный вопрос. Да, за десять последних лет у нас выросло поколение войны. В его сознании четко отложилась одна серьезная вещь: русские несут смерть, русские — враги...

— Да уже и в России чеченец воспринимается как преступник и террорист...

— Когда я говорю, что мы представляем сейчас последнее поколение, прежде всего я имею в виду, что Аслан Масхадов, законно избранный президент, еще может обеспечить мир. С ним еще можно говорить, можно договариваться по тем проблемам, которые нам иногда кажутся абсолютно тупиковыми. Об этом говорил неоднократно сам Масхадов: между Россией и Чечней не существует неразрешимых проблем. И я тоже полностью с ним согласен. Но мне кажется, что мы сами их порождаем... Согласись, что в любой войне победить очень трудно...

— В этой — невозможно...

— Да, войну мы проиграли, и Россия, и Чечня. Но сейчас мы стоим перед колоссальной опасностью — потерять мир. Навсегда.

— Но вы знаете официальную российскую точку зрения: войны нет, война закончилась. Есть только остатки бандформирований, с которыми ясно, что нужно делать... Я понимаю, что все это новый виток официальной пропаганды, которая воздействует не только на умы людей, просто людей, без чинов и званий, но и на президента Путина. Что же происходит на самом деле?

— Вы сами уже ответили на этот вопрос... Может быть, война закончилась для Путина, для Квашнина, для других высокопоставленных военных чиновников, которые на этой войне ничего не теряют, наоборот, только приобретают. Когда идет война — любая война — военные на первом плане. Это и звания, и должности, и ордена, и известность... Но Россия — огромная страна, и я вас уверяю, что ежедневно туда, в Россию, приходят похоронки. Для женщин, матерей, сестер тех солдат и офицеров, кто гибнет ежедневно! — повторяю, ежедневно! — эта война не закончилась и никогда не закончится. Не вернешь сына, брата, отца...

— То есть, вы считаете, что цифры потерь — а цифры очень большие, только убитых под три тысячи, как сообщает Генштаб, — не достоверны?

— Мы не занимаемся подсчетом потерь с российской стороны, но есть те же Комитеты солдатских матерей: они называют цифры неизмеримо большие... Это о том, что «война закончилась». И у меня тут же вопрос: если сегодня в полном объеме применяется артиллерия, авиация и каждый день идут боевые столкновения...

— Каждый день? Убеждены?

— Каждый день!

— То есть российская общественность просто не знает о них?

— Не знает и не узнает! Ведь сегодня Чечня закрыта и для правозащитников, и для представителей международных организаций, и даже для журналистов... В Чечне сегодня полный хаос и правовой беспредел... Ну а что касается разрозненных групп боевиков, против которых проводятся лишь «спецмеро-

приятия», то хочу напомнить: в российско-чеченских отношениях это не ново. В 96-м году Завгаев упорно доказывал россиянам, что война закончилась и в Чечне добивают последние двадцать — тридцать человек, которые «бегают по горам», а в тот самый день бойцы сопротивления штурмовали правительственные здания. Он-то сидел в Москве, и эта война для него давно закончилась, хотя, впрочем, для него она и не начиналась... Сегодня — ситуация точно такая же.

— Такая и не такая...

— «Не такая» только в одном. В 96-м году невозможно было скрыть все это. Тогда журналисты честно выполняли свой профессиональный долг...

— А сегодня, считаете, не выполняют?

— Да, к большому сожалению, должен констатировать: нет, не выполняют! И доля вины журналистов за то, что происходит в Чечне, на мой взгляд, есть. Думаю, когда пройдет время и будет дана точная правовая оценка этим событиям, многим журналистам станет очень стыдно. Настолько заметен откат назад, возвращение к тоталитарному режиму, что только самый наивный человек может это не чувствовать и не видеть. Мы же с вами жили при «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Все эти лозунги, все эти съезды, решения этих съездов — мы же с этим росли! И сегодня картина повторяется, но если тогда вывешивались везде двадцать (или сколько там было) портретов членов Политбюро, то сегодня один портрет — Путина! Да, я знаю многих людей, в том числе и журналистов, которые искренне переживают из-за событий в Чечне, но они одиноки, потому что официальная Москва, официальная элита, кто молча, кто громко, поддерживают то,

что делает Путин в Чечне. И не только в Чечне! Мне кажется, сегодня беда россиян в том, что они не хотят знать правду. Был опыт царской империи, советской империи, потом — претензии на новое, демократическое государство. Но гражданское общество так и не было сформировано. В советской империи под бурные аплодисменты трудящихся расстреливали интеллигенцию. Сейчас, мне кажется, могут повториться эти же аплодисменты — «бурные и продолжительные».

— И знаете, что меня удивляет в сегодняшней официальной пропаганде? Когда смотришь официальную хронику из Чечни, создается ощущение, что, с одной стороны, воюет цивилизованная российская армия, а с другой — какие-то отморозки, спустившиеся с гор. Хотя я знаю и многие мои товарищи, кто работал или работают в Чечне, знают, что среди чеченского сопротивления, среди боевиков (называйте как хотите) много людей образованных, много интеллигенции... Не одни же «трактористы» представляют чеченский народ!

— Ну снова вы ответили сами себе! Меня-то другое интересует. Как это сильная держава, Россия, в течение одиннадцати лет не может справиться с какой-то горсткой бандитов, которые бегают по горам!

— Вы берете период с девяносто первого, с развала Союза? Правильно ли это? Ведь военные действия начались в девяносто четвертом.

— Но конфликт начался в девяносто первом, с принятия Декларации о независимости Чечни. Лишь потом он принял откровенные силовые формы... Было маленькое затишье, а с 1999-го — снова война. Так что уже одиннадцать лет... И если бы в са-

мом деле Россия имела дело с кучкой бандитов, то, уверяю вас, все бы давно кончилось! Эта война ведется не с некими преступными элементами, которые объявили вызов всему цивилизованному человечеству, эта война идет с народом. Если бы не поддержка народа, то «маленькая кучка» давным-давно исчезла бы с лица земли. А вспомните, последние три года из Москвы слышишь только одно: «остались последние», «запрем в горах», «уничтожим...»

— Но из Москвы, из Кремля все время слышится, что именно Кадыров контролирует ситуацию в Чечне. Да и он сам не раз заявлял об этом!

— «Кто такой Кадыров?» — очень часто задается этот вопрос. Но самое главное: те, кто его задают, сами прекрасно знают ответ.

— А вы сами были с ним знакомы во время первой войны?

— Как не был... Он же наш идейный вдохновитель и духовный вождь. Ведь это он сказал, это был его лозунг, что каждый чеченец должен уничтожить сто пятьдесят русских! Это же правда! Это он делал публично! Если каждый чеченец уничтожит сто пятьдесят русских, то проблема России будет решена... Что сейчас контролирует Кадыров? Лишь тот участок, на котором сам непосредственно находится! И даже не он сам, а его охрана, которая состоит из двухсот или трехсот человек!.. Сегодня Чечню никто не контролирует полностью, ни Кадыров, ни Масхадов, ни Путин... Контролирует один начальник: его зовут — правовой беспредел. В Чечне сегодня не действуют никакие законы — только право сильного. Поэтому Кадыров никогда не смирится, чтобы в Чечне наступил мир. Он пришел с войной и, убежден, война уйдет вместе с ним.

— Напомните еще раз факты биографии Кадырова...

— Как он сам сказал: «Владимир Владимирович Путин очень хорошо знает мою биографию».

— Он сам так и сказал?

— Да, вот так... Однажды Любимов свел на телеэкране Гантемирова и Кадырова (один в студии гостиницы «Россия», а второй в «Останкино»). И Гантемиров спросил Кадырова, что он делал в девяносто четвертом — девяносто пятом годах в ответ на обвинение в казнокрадстве, которое сделал Кадыров Гантемирову... Тогда Кадыров и сказал о том, что Путин знает... Он был муфтием, потом, по его словам, сказанным мне, у него после первой войны была своя банда... Правда, я знал это и без него... Слишком многим в Чечне известны его похождения, связанные, в том числе, и с похищениями людей... Я думаю, не стоит тратить на него время.

— Не думаю, что не стоит. Ведь вас упрекают все время в том, что Масхадов не может сесть с Кадыровым за стол переговоров. Ведь вы все — чеченцы! Что же не можете друг с другом договориться?

— Да не сядем мы с ним за стол переговоров! Зачем садиться за стол переговоров с человеком, пытаться с ним о чем-то договориться, когда у него есть хозяин? Переговоры должны вестись с теми, кто реально решает какие-то вопросы, так? Кадырову дали сегодня команду из Кремля сидеть там и оправдывать преступные действия военных, — он это и делает. Переведут послом в Африку — будет служить там, налаживать какие-нибудь отношения с африканцами. Ему-то все равно!

— Скажите, вдруг появился хоть какой-то свет в

конце этого бесконечно черного туннеля... Имею в виду вашу недавнюю встречу с Виктором Казанцевым в Шереметьеве-2. Как это случилось? Почему? Кто был ее инициатором? О чем в конце концов вы сумели договориться?

— Да, тогда, по-моему, надежда появилась у всех людей доброй воли... Сама встреча была следствием заявления Владимира Путина, которое он сделал 24 сентября после трагических событий в США. Это заявление интерпретировали кто как мог. Кто-то в нем усмотрел 72-часовой ультиматум Чечне (ссылаюсь на Сергея Иванова, который сказал: «Кто не спрятался, я не виноват»), и даже пошли разговоры о какой-то бомбе, которая будет на Чечню сброшена. Но мы в этом заявлении усмотрели призыв к диалогу... Был налажен контакт с Виктором Казанцевым, ему было в Москве поручено встретиться с представителями Аслана Масхадова... Потом после очень сложной технической процедуры (кстати, у этой встречи было много противников) встреча состоялась. Мы проговорили три часа. И на мой взгляд, состоялся очень позитивный диалог, который должен был иметь хорошие последствия...

— Я знаю, у вас была достигнута договоренность с Казанцевым не обнародовать до поры до времени детали ваших переговоров. Но об одном, мне кажется, сказать необходимо. Чеченская сторона выдвинула идею прямого президентского правления в Чечне, то есть правление личного представителя Владимира Путина?

— Об этом, я думаю, сказать необходимо. Прямое президентское правление необходимо хотя бы на этот, сегодняшний период, когда в Чечне не дей-

ствуют никакие законы: ни российские, ни международные... Только беспредел. Мы, кстати, интересовались, кто же отвечает сегодня за все? Если Россия считает, что на территории Чечни проживают ее граждане и что Чечня — часть Федерации, то необходимо, чтобы был хоть какой-то контроль со стороны центра, кто конкретно несет ответственность за все происходящее там. Вот такого человека сегодня просто нет. Но есть же Путин! Ведь я хорошо помню его слова на инаугурации: за все, что происходит в России, ответственность несет лично президент.

— И еще одно. Правда ли, что буквально за полчаса до вашего прилета в Шереметьеве срочно снимали вашу фотографию с доски объявлений «Их разыскивает федеральная милиция»?

— Об этом писали российские журналисты... Я же сам в общий зал не заходил... Меня встретили у трапа и провели в VIP-зал... Но возвращаясь к этой встрече. На мой взгляд, Казанцев был настроен на серьезный диалог, но в российском руководстве совершенно разные люди с совершенно противоположными взглядами на решение наших проблем. И мне кажется, что те, кто хочет завершить эту грязную, кровавую, позорящую Россию войну, проиграли тем, кто войну хочет продолжить. И как результат — наш диалог прервался... Повторяю, у нас был очень конструктивный диалог с Казанцевым, в котором мы старались обходить все острые углы. Кто бы и что бы сегодня ни говорил, силового решения чеченской проблемы не существует. Опыт последних лет это доказал. Нам надо в любом случае остановить эту бойню...

— Ахмед, раз уж увиделись, не могу не попро-

сильно прокомментировать несколько мифов и легенд (а может быть, это чистая правда), касающихся второй чеченской войны. Первое. Роль Хаттаба и арабских фундаменталистов в этой войне. Правда ли, что неожиданная смерть Хаттаба приблизила ее окончание — сошлюсь на заявления некоторых военных и гражданских высокопоставленных чиновников...

— Хаттаб оказался в республике в девяносто пятом году... Я знаю одно: если бы не было Хаттаба, то людям, которым нужна эта война, нужно было бы его придумать...

— Скажите, Хаттаб имел сильное влияние на того же Аслана Масхадова?

— Он был один из многих-многих командиров, которые имели свои подразделения. Если бы эта война велась против Хаттаба, то она бы и закончилась с его гибелью. И это абсолютнейшая чепуха — ввязать события в Чечне в контекст борьбы с международным терроризмом. Наш конфликт начался задолго до того, как в мире всерьез заговорили о «международном терроризме». А эта мифическая наемная армия арабов и других наемников...

— Ахмед, все-таки мифическая? Но я сам, когда был в Карамахи, видел убитых арабских наемников...

— Когда я употребляю слово «мифическая», то в первую очередь говорю о значимости для событий в Чечне тех же арабов... Сегодня добровольцев из других стран, включая арабов, не наберется в Чечне более двадцати человек...

— Двадцати?

— Да, сегодня вообще нельзя серьезно говорить о них. Перед началом второй войны их было очень много. И знаете, как они попадали в Грозный? Че-

рез Москву! Визы они получали российские и проезжали в Чечню через всю территорию России.

— Не через горы, не через Грузию...

— Нет... Когда наши, чеченские пограничники задерживали их и доставляли в наш МИД, то у всех оказывались российские визы... Да, до войны их было много, но с началом войны они почти все уехали. Тем же маршрутом: через всю Россию — в Москву. Осталась горстка добровольцев... Спрашивать их, почему они у нас оказались, то же самое, что спрашивать у русского парня, что он делал в Сербии, что им движет... Мы не спрашивали их об этом, точно так же как и сербы — русских добровольцев. Но на сегодняшний день присутствие огромного числа арабов и других добровольцев на территории Чечни — это полный миф. Мне кажется, что постоянное муссирование Москвой слухов о каких-то наемниках, группах международных террористов и т. д. — просто способ оправдать эту войну.

— Но ведь шли же деньги и из Арабских Эмиратов, и из Саудовской Аравии. Тогда кому же шли эти деньги? Мифическим отрядам?

— Отвечу. В каждой войне есть жертвы и те, кто на ней наживается. Не исключая, что эти деньги списывались некими арабскими фондами якобы на чеченскую войну. Не исключая этого. Но сами смотрите, когда весь мир восстал против терроризма, когда перекрываются все международные финансовые потоки, сопротивление в Чечне не ослабло! Никогда оно не держалось на чужих деньгах! Точно так же никогда оружие и боеприпасы не перебрасывались к нам (как любят говорить в Москве) через Кавказский хребет.

— Но я сам видел новейшее российское вооружение, которое оказывалось в руках боевиков! Российская армия такого не имела!

— Все это вооружение куплено в Чечне.

— У кого?

— У российских военных. Это делалось элементарно. За деньги. Почему не сказалась всемирная борьба с международным терроризмом на ситуации в Чечне? Пока есть временная администрация, у бойцов сопротивления будут деньги, пока остаются федералы — всегда будет оружие и боеприпасы. Сегодня какая схема работает? Нет в Чечне ни одного чиновника, ни одного руководителя предприятия, который не содержал бы какую-либо группу боевиков. Нет ни одного министра, который бы кого-то не поддерживал из бойцов сопротивления.

— Сегодня? Это правда?

— Почему я вам об этом говорю? Кто-нибудь был бы на моем месте — он бы промолчал. И сегодняшняя администрация, и российские генералы заинтересованы в этой войне. Но мы же говорим о мире...

Вот таким был наш неспешный разговор с Ахмедом Закаевым. Вечерело, и уже тени упали на вершины гор, так похожих на чеченские...

Все то же, да не то...

Предвижу, предвижу гневные упреки: какой смысл спрашивать? какой смысл слушать? какой смысл верить?

С тревогой и печалью наблюдаю за тем, что в нашем обществе все больше и больше поощряется **ЕДИНОПОСЛУШАНИЕ**, **ЕДИНОСЛОВИЕ** и **ЕДИНОМЫСЛИЕ**.

И потому мы говорили с Ахмедом Закаевым не только о том, что сейчас происходит в Чечне и как ей вернуть мир с Россией. Нет, мне кажется, и о другом: что это со всеми нами происходит — с тем поколением, кто в это, НАШЕ время, пришел из ТОГО, прошлого, но тоже НАШЕГО времени.

Мы еще можем говорить между собой. Те, кто идут за нами, боюсь, сумеют разглядеть друг друга уже только через прицел автомата.

Говорю не только о чеченцах.

По данным, которыми я располагаю и от наших военных, и от чеченских политиков, за две войны через Чечню прошли около одного миллиона российских ребят, со всех наших земель от Москвы до самых до окраин. Одни были здесь по месяцу, другие — по году. Третьи остались там навсегда.

Наша встреча проходила в крошечном альпийском городке, специально придуманном для туристов: с двумя улочками, семью маленькими, семейными гостиницами и фуникулером.

По склонам бродило стадо коров, позвякивая колокольчиками, и когда появился Иван Рыбкин (а он приехал позже, чем мы), я, вспомнив его знаменитую избирательную кампанию: «Голосуйте за Ивана», сказал: «Иван — это не коровы, это твои избиратели».

Но Иван приехал не один, а в сопровождении некоего зама Березовского (Гейфельд или Гейфрих), который неожиданно тоже сел за длинный стол, где уже день — до приезда Рыбкина — мы обсуждали, как же прекратить эту бессмысленную бойню. Не только сел, но и начал говорить, ссылаясь на Бориса Абрамовича.

— Так. Стоп. По-моему, вас сюда никто не звал, и мнение ваше, а также Бориса Абрамовича, здесь никого не интересует, — прервал я его.

Он продолжал говорить.

Тогда мягкий и интеллигентный Тим Гульдеман с недипломатичной резкостью сказал:

— Мы прерываем наше заседание до тех пор, пока вы не уйдете отсюда...

Мы выгоняли этого Гейфельда (или Гейфриха) раза четыре: и Гульдеман, и Хасбулатов, и я, но он нагло рвался назад. Все-таки одного Березовский добился: он научился клонировать подобных себе.

Потом, уже в Москве, мы долго смеялись над тем, что этот Гейфельд (или Гейфрих) рассказывал по радио «Свобода» о том, как он вел от имени Березовского переговоры с представителями Масхадова.

Еще одна деталь.

Ахмед Закаев сказал мне, что они с Казанцевым пришли к соглашению на 99 процентов. Повторяю, в варианте, который был предложен Масхадовым, во-первых, не шла речь об отделении Чечни от России, во-вторых, предлагалось прямое президентское правление, в-третьих, в новом правительстве Чечни не должно было быть места ни тем, кто участвовал в боевых действиях, ни тем, кто был замешан в коррупции.

Разумеется, мне и в голову не могло прийти, что после событий в театре на Дубровке, где шел мюзикл «Норд-Ост», именно Закаева объявят главным террористом.

Когда я читал обвинительное заключение Генпрокуратуры, переданное сначала в Копенгаген, за-

тем в Лондон для экстрадиции Закаева в Россию, я не мог понять: почему он оказался главным террористом? Был полевым командиром на первой чеченской войне? Но была же думская амнистия! Его никак не могут найти в течение десяти лет? За эти годы он пять раз виделся с Ельциным, семь раз — с Черномырдиным, да и с Казанцевым — только что, год назад!

Я вспоминаю и вспоминаю его слова: «Мы последние, с кем можно еще говорить».

Последние — те, кто вырос и получил образование еще в СССР.

Дальше — придут «отморозки».

И они уже пришли.

«Я ехал ТУДА по еще почти ничего не знающей вечерней Москве...

На Пролетарском проспекте — там, где мне надо было повернуть на улицу Мельникова, — дорога была перегорожена двумя машинами с мигалками, возле которых стояли четверо похожих, как братья, гаишников.

— Туда нельзя, там заминировано, — сказал мне один из них, печально провожая взглядом мчащийся мимо бесхозный автомобильный поток.

— Где заминировано? Где?

— Да везде... — протянул он руку в какое-то далекое московское пространство.

...Еще не было десяти, когда мне позвонил Сан Саныч Чикунов, мой старый друг еще с первой чеченской войны. В тот вечер он был оперативным дежурным по Центральному федеральному округу. Сначала я не поверил: что? на спектакле? террористы? заложники? целый зал?

Нет, я верил, но хотелось отказаться верить.

— Там, в зале, на спектакле — наш офицер... У него мобильный... Он только что сообщил...

В оперативном штабе царила, как всегда в таких случаях, неразбериха и суета. Начальства было заметно больше, чем подчиненных и исполнителей. Какие-то сановные зеваки, боящиеся пропустить момент славы (а вдруг Путин приедет?). И целая толпа лиц, просто подпирающих стены.

Наконец, нашел Сергея, генерала из ФСБ. Его подчиненный связался по мобильному с офицером, пришедшим на шоу и оказавшимся в нужное время в нужном месте. Именно от него в оперативном штабе впервые узнали те подробности, которые позволили увидеть эту жуткую картинку: сколько террористов? их вооружение? их приметы? их расположение? И, наконец, главное: заминировано, на самом деле заминировано! И про тот страшный грушевидный заряд (как профессионал, он даже определил его примерную мощность), который был оставлен в центре зрительного зала.

— Спасибо вам большое, вы нам здорово помогли, — сказал мне Сергей.

— Я-то при чем? Этому парню скажите спасибо, когда все это закончится...

(Не называю его имя и фамилию — не могу без его ведома. А найти его в ту субботу: где он? что с ним? жив? в списках 68? — не сумел, как ни старался.)

До субботнего рассвета никто не знал, чем же все это кончится. Даже Владимир Абдуалиевич Васильев, зам министра МВД (вот еще пример человека, оказавшегося в нужное время в нужном месте), честно признался утром того дня, что, начиная опера-

цию, никто не был уверен в том, как она закончится, сколько людей погибнет — десятки? сотни? тысяча?

Мы еще долго, очень долго будем заниматься разбором этого жуткого московского полета. Мертвых похоронят, живых наградят, как обычно бывает у нас, не только тех, кого надо, но и других, подпиравших стены в предчувствии мимолетного взгляда президента.

Но вспомним ли мы мины, заложенные давно, а взорвавшиеся только в эти страшные октябрьские дни? Пройдем ли с миноискателем по будущему?

Эйфория победы затмит память о погибших. Рейтинги популярности разнокалиберных политиков, выплясывавших на трагическом пяточке на Дубровке, перевесят их же собственные сумасшедшие ошибки. И война окажется самым светлым путем к миру и благоденствию в России.

Забудутся, забудутся вопросы, которые задавали мы сами себе в эти страшные дни.

И главные: почему президент в эти дни так и не обратился к нации? Что, «Курск» снова затонул? И почему спецслужбы могут провести операцию по освобождению заложников, которую их западные коллеги (по крайней мере, те, с кем я говорил) считают высокопрофессиональной, но никогда не могут просчитать, а где же у нас еще вспыхнет? И что делать с юным поколением чеченских парней, которые ничего не видели в своей жизни, кроме войны, бомб — над головой, мин — из-под ног, гибели своих близких и жизни сквозь прицел автомата? Им что — погибнуть или жить с нами в одной стране? И, наконец, исчезнет или дойдет до большой крови та волна ненависти против всех «черных», которая сейчас — особенно сейчас, после этих октябрьских дней,

затмила разум многих моих соотечественников, в том числе и занимающих немалые посты?

Но есть вопросы, которых мы не можем не задать себе немедленно, сейчас.

«Две с половиной недели назад ЦРУ официально передало вашему правительству данные о том, что в России готовится новый Буденновск», — позвонил мне ночью в пятницу (трагедия «Норд-Ост» еще продолжалась) весьма компетентный человек из Вашингтона. Но, как я знаю, эти сообщения приходили не только из-за океана: и у наших была такая же информация, и на сайте «Кавказ» она появлялась. Где, в каких архивах все это потерялось?

Откуда же взялись террористы с горой оружия и взрывчатки? С каких самолетов их сбросили? Где они закапывали свои парашюты?

Да здесь, в центре Москвы. Прямо в здании этого культурного центра, бывшего ДК шарикоподшипникового завода! Как мне стало известно, немалая часть из них оказались в Москве в качестве рабочих на строительстве ресторана, который делается здесь же, в здании культурного центра, прогрессившего теперь на весь мир. И ни один опер, ни один участковый так и не поинтересовался, что за «цемент» был в мешках, который они сюда затаскивали, что за «арматуру» они приносили, что за «разметки» наносили на стены?

Два вопроса... А их наверняка больше.

Забудут ли о них? Или вспомнят, когда разорвется следующая мина?

С первого листа из чеченского блокнота я пытался досказать то, что тогда не сумел, не успел или не мог рассказать в своих газетных заметках.

Мог бы и сейчас написать: «Теперь о том, что тогда...»

Но слишком уж это все близко, рядом, горячо.

От позора политиков, рвавшиеся в те ночи на все телеканалы, чтобы чье-то горе стало их собственной избирательной кампанией, до тайн этого смертельного газа.

Но, повторяю, не хочу этого делать.

Лучше я закончу этот дневник рассказом о еще одной встрече 2002 года, которая заслуживает вашего внимания.

*Ах, война, что ты сделала, подлая.
Кто-то грязью вас хочет полить.
Почему вы в окопах, вы поняли —
Чтоб другим досталось пожить.*

*Посмотрю, как птицы взлетают.
Вы подняться и мне помогите.
Попросил солдат, умирая:
«Только маме не говорите».*

Полковник Владимир Владимирович Щербаков создал в Ростове-на-Дону уникальную лабораторию по идентификации останков погибших солдат.

И вдруг узнаем — Минобороны

решило закрыть эту лабораторию (сотней неизвестных солдат больше, сотней меньше — кто вспомнит?).

Вместе с моим другом, зампреда Комитета по обороне Госдумы Алексеем Арбатовым мы обратились к министру обороны Сергею Иванову с официальным запросом: кто мог отдать такое распоряжение?

Официальное письмо ушло, но я стал перечитывать документы, которые предоставил мне В. Щербаков, и вдруг понял: ОНИ опять врут НАМ.

Так появилась эта заметка в «Новой газете»:

...«Когда на прошедшей неделе мы с моим товарищем и коллегой по Госдуме Алексеем Арбатовым направили депутатский запрос министру обороны России Сергею Иванову о судьбе уникальной лаборатории Щербакова в Ростове-на-Дону, мы не заметили одной цифры. Вернее, заметили, но не сразу осознали, что за ней стоит.

По официальным данным Министерства обороны, за вторую чеченскую войну погибло около трех тысяч человек. Но по документам, которые представил мне В. В. Щербаков, за вторую чеченскую только через его лабораторию прошли (вернее, проплыли в небо) тела 2550 солдат и офицеров.

Я спросил у своего коллеги генерал-полковника Аркадия Баскаева (до избрания в Думу он был командующим Московским округом внутренних войск, а до того комендантом города Грозного): всех ли погибших доставляют для идентификации в Ростов?

— Конечно нет. Только тех, кого не могли опознать.

Позвонил в Ростов, Владимиру Владимировичу Щербакову.

— В число опознанных вами тел входят жертвы и с первой чеченской войны?

— Нет, только со второй.

Еще он мне сообщил, что тела убитых для идентификации свозили в Ростов только до марта 2001 года. Потом уже их сюда не везли, и сколько с тех пор погибло, он не знает.

Понимаете, о чем идет речь? О наглom обмане Министерства обороны. По данным, которыми я располагаю, на второй чеченской войне (то есть на

«мочилровке в сортире») погибло не менее 4000 человек (по данным Комитета солдатских матерей — 10 000).

Помню, в окопах спросил мальчишку в солдатской форме:

— Тебе пишут из дому?

— Нет, — ответил он. — У меня нет дома. Я из детского дома.

Таких историй — множество.

В Чечне воюет рабоче-крестьянская армия из пацанов, призванных на войну из далеких поселков, сел и городишек. Москвичей в Чечню не посылают. Потому что каждый «груз-200» мог бы вызвать в Москве митинг — даже уставших от политики людей.

Еще раз задумайтесь: через ростовскую лабораторию прошло 2550 тел наших ребят.

А сколько мы на самом деле недосчитались?

Сколько невидимых нами слез не пролилось на наши души?

На прошедшей неделе я спросил вице-премьера Кудрина:

— Во сколько нам обходится чеченская война? И сколько денег на войну запланировано в бюджете на будущий год?

Кудрин смог вспомнить одну цифру за 2000 год: только на «боевые» (доплата за участие в боевых действиях) ушел 1 млрд рублей.

Во что обходится «остальная» война, никто не говорит. Да и не знает.

Я понимаю, мы очень богатая страна, чтобы считать такие мелочи.

Как деньги списываются на войну, мы все знаем. Даже боевики хохочут над тем, что не был взорван

ни один бензовоз и эшелон с нефтью. Война — войной, дело — делом.

Я знаю, как из-за войны — мы не готовы к войне. Солдаты из элитной воинской части едут на стрельбище с полной экипировкой, с автоматами, с боезапасом на электричке — чеченская война съела весь бензин.

Не хочу считать чужие деньги.

Посчитайте убитых пацанов».

«И вдруг — одна деталь жизни, одно впечатление, от которого уже не могу отделаться: кладбище под Беншем — городом в нескольких милях от Монса, где находится штаб-квартира военной организации НАТО.

Крис Доннели, советник генсекретаря НАТО по Восточной и Центральной Европе,

ведет экскурсию по местам боев. Совсем давних и далеких от нас — боев под Монсом Первой мировой войны.

Крис говорит:

— Представьте — сегодня 21 августа 1914 года. Солнце уже склонялось... Немцы шли оттуда, — показывает он на чистое поле. — Англичане стояли здесь, на пригорке. Немцы были видны как на ладони. Немецкий командир увидел, что его солдаты лежат. Он подумал, что они испугались и легли на землю. Он еще не понял, что они не испугались, — они уже убиты...

*Как вас теперь называть,
Кто не вернулся с войны.
Вас никому не обнять,
Братья, мужи и сыны.
Павшие не поют,
Третьим тостом — помолчим.
Тем, кто остался в бою,
Память свою отдадим.*

Крис рассказывает о событиях давно минувших дней. А я думаю о днях сегодняшних. Не о Бельгии — о России. И даже не о павших и живых. О том, как надо, а не о том, как получается.

После боя, в котором полегли несколько сотен человек, немецкий командир, убежденный, что это было самое крупное сражение войны (кто мог знать, что война только начиналась и станет Первой мировой,) приказал захоронить погибших — и немцев, и англичан — здесь, на холме. После войны в течение пяти — пяти! — лет работала английская комиссия по идентификации каждого убитого.

Сегодня — белые надгробия с именами англичан. Серые — с именами немцев. Ухоженные могилы. Ухоженное кладбище.

Крис рассказал, что каждый год сюда приезжают англичане. Что там, в Англии, создана специальная ассоциация, которая шефствует над этим кладбищем и каждый год там, в Англии, продают бумажные гвоздики, чтобы были деньги на заботу о давно погибших».

При чем здесь Бельгия? При чем Англия? При чем Германия?

Казалось: напишешь об этом — и тебя отпустит. Но я знаю, что все, кто был там, хотят забыть все, что там видели, но — не получается.

Со мной, наверное, такая же история.

БЛОКНОТ ДЕВЯТЫЙ:

**Полковник, который ненавидит войну,
потому что воевал слишком много
для жизни одного человека**

Вот так получилось, что враз постарели.
Мы были, как все, нас война изменила.
И так же, как все, мы войны не хотели.
Никто не забудет того, что там было.

Не надо жалеть, боевые друзья,
Какую судьбу мы себе нагадали.
Мы будем жалеть тех, кто не был в боях,
Но гордо надел ордена и медали.

Человечество — это человек.

Люди — это тоже человек.

И государство — человек.

Иногда я просыпаюсь с чувством, казалось, мне несвойственным: с чувством ненависти к тем, кто одно ставит выше другого. Я понимаю, что неправ. Что есть идеи, способные спасти мир, и есть люди, которые, спасая мир, опираются на эти идеи. Есть, наконец, политики (иногда я с горечью отношу к ним и себя), утверждающие, что идеи, которые они проповедуют, спасут человечество, а значит, и человека. Вытащат из проруби, вынесут из горящего дома, перехватят нож, нацеленный в живое сердце...

Но стоп, стоп... Я же хотел о другом.

О недавно вышедшем в отставку полковнике Главного штаба внутренних войск России Александре Александровиче Чикунове, чьи кассеты с песнями о горечи и предательстве чеченской войны, на-

зываемой официально восстановлением конституционного порядка, разлетаются по России, как подбитые птицы; еще способные взлететь.

Ладно. Как мы познакомились.

Да там, там... В начале 95-го. Во время моего возвращения из первой чеченской командировки.

В Моздоке мне сказали: «Борт есть. Тебя берут...»

Стоявшие возле борта пилоты с сомнением посмотрели на мои черные от грозненской грязи джинсы. Какие-то важные полковники. Два не менее важных генерала. Они были чистыми — они возвращались с войны.

Так вот, уже после погрузки в тяжелый Ан (а люди все прибывали, и, судя по их парадной камуфляжной форме, в этой войне они были просто свидетелями) вдруг случилось одно происшествие: из кабины самолета с уже включенными двигателями вышел пилот и сказал, что всем надо покинуть самолет.

Какой-то полковник что-то грозно заверещал... «Раненых везут», — смущенно объяснил пилот.

Потом мы стояли на летном поле в томительном ожидании и тревожных размышлениях: а если не поместимся в этот самолет, то когда следующий? Вечером? Завтра? Никогда?

Знаете, даже сейчас, когда впечатления после стольких чеченских командировок слились в привычную боль, я не могу забыть ни тот аэродром, ни те вертолеты, откуда кого-то выносили, а кто-то выходил сам, ни те четыре деревянных ящика — «груз 200», поднимаемые аккуратно в самолетное чрево, ни удивленные глаза парнишки, по возрасту, показалось мне, не старше моего шестнадцатилетнего сына, которого пронесли на носилках мимо нас.

Да, мы тогда все улетели. Все уместились...

Я приткнулся с какими-то людьми на мате в хвосте самолета, думая, о чем должен написать срочно, чтобы не задержать уже подготовленный к печати номер. И вдруг меня позвали:

— Что ты там лежишь? Иди, уместимся...

Я сел между двумя людьми в грязных камуфляжах.

— Вижу, какой-то седой боец в грязных джинсах лежит... Потом вижу — лицо вроде знакомое... — произнес, заикаясь, один из них.

Так мы познакомились с полковником Александром Александровичем Чикуновым. Он только что вышел из госпиталя, после того как его контузило, то есть оставило в живых, то январское грачевское наступление на Грозный.

Тогда-то я и услышал от Сан Саныча страшную в своей реальности цифру первых потерь.

Думаю, что эта цифра — точная.

Именно тогда почти полностью полегла Майкопская бригада. Такая же судьба постигла злополучную 201-ю.

Рассказ его был нервным и злым. Матерясь, он рассказывал, как врывался в блиндаж большого генерала и орал: «Что же вы по своим-то лупите!»; как места раненых занимал мародерский багаж из «гуманитарной помощи», загружаемый в самолеты ошалелыми от предательства генералов солдатами; как уже в январе 95-го почти в десять раз было преуменьшено число погибших; о зверствах омоновцев, насилующих поочередно шестнадцатилетнюю чеченскую девчонку; и о том, как на его руках умирал пацан со словами, которые потом стали строчкой его песни: «Только маме не говорите»...

Мы подлетали к Чкаловску.

— Сынки... — подозвал он двух солдат с акээмами, летевших по какой-то военной надобности в Москву вооруженными. — Если кто выйдет из самолета раньше мертвых и раненых — открывайте огонь на поражение. Приказываю...

— Есть... — ответили ребята...

Из самолета он вышел последним, еще не отошедший от грозненской боли, уже не слыша злого бурчания экскурсантов в генеральских погонах.

Тогда я и понял, как он ненавидит эту войну. Я не позабуду этого.

Думаю часто, может быть, постоянно: а для чего ему все это надо?

Фергана, Сумгаит, Баку, Карабах, Осетия, Чечня — пять нашивок за ранения... Денег — просто никаких. Переведенный после ранения на службу в Москву, семью и ту только что перевез из Владикавказа. Все, что дала ему Родина, — это кровать в подвальной офицерской общаге, в комнате, которую он делил с полковником, награжденным — тоже кроватью — за участие в миротворческой миссии в Боснии.

Зачем? Почему? Что это за люди?

Что им чеченцы? Враги, как в детских играх в русских и немцев, в которые, может быть, и в своих казахстанских скитаниях играл в детстве будущий советский полковник и будущий президент независимой Ичкерии Аслан Масхадов?

Чеченцы — враги русских, русские — враги чеченцев: все это придумали те, кто сам никогда не стрелял в другого человека, убивая целые поколения резолюциями на документах.

Нет, нет...

В чем-то мы не разобрались, что-то не понимаем, принимаем за российское офицерство то недоумков типа Грачева, то ряженных типа Терехова.

Оно есть. Оно никуда не делось.

Эти люди терпеливы и верны своим собственным присягам.

Может быть, их уже осталось мало. Из-за тех, кто ими командует.

Но все равно, все равно...

Без них — никуда не деться.

И их-то не вините.

Вместо эпилога

1

*«Новая газета»,
3—5 марта 2003 года*

СЕКРЕТНЫЕ ГЕРОИ

Помню октябрьскую ночь 2002 года на Дубровке. Врачи, депутаты, журналисты, в том числе из «Новой газеты», таскали воду людям, оказавшимся в плену у террористов. Вместе оплакивали тех, кого не удалось спасти. В принципе это была нормальная работа в ненормальной ситуации.

Но были еще ребята, имен которых мы не знали, да и сегодня не знаем: те, кто брал штурмом этот ставший известным на весь мир Дом культуры. Мы вместе хохотали над тем, как некоторые депутаты Мосгордумы взяли почетные знаки за участие в операции по освобождению заложников, и даже краснели за них. Но на самом деле из спецслужб только бойцы из «Альфы» и «Вымпела», двух спецподразделений ФСБ России, были достойны наград. И вдруг...

А что «вдруг», вы поймете из этого письма...

«Пишут Вам бойцы группы «Альфа» ЦСН ФСБ России, участвовавшие в штурме «Норд-Оста».

Сразу же после Нового года состоялось награждение орденами и медалями сотрудников спецподразделений ФСБ, принимавших участие в штурме. Пятерым было присвоено высокое звание Героя России.

Из них по одному бойцу групп «Альфа» и «Вымпел» получили звезды Героя — ребята во всех отношениях заслуженные: прошли все горячие точки.

Кто же остальные три «героя», примазавшиеся к чужим заслугам?

Это первый замдиректора ФСБ генерал В. Проничев — руководитель штаба по освобождению заложников — и начальник ЦСН генерал А. Тихонов. Причем именно Проничев и Тихонов отвечают за борьбу с терроризмом на территории России.

Мало того что они не понесли никакого наказания за проникновение террористов в центр Москвы, но и получили звезды Героев, отняв их, по сути, у более достойных ребят, действительно рисковавших своими жизнями.

Пятый герой — это химик, пустивший газ в театральном центре. Человек, ставший и спасителем, и убийцей многих заложников. /.../

*С уважением,
Бойцы группы «Альфа».*

Я стал выяснять: правда это или нет? Что дали Героев еще и людям, которые не участвовали в освобождении?

Оказалось — чистая правда. Сам президент Путин закрытым указом наградил бывших своих кол-

лег — двух генералов ФСБ и сам лично вручил им звездочки Героев на коллегии ФСБ России.

Почему обижены ребята из «Альфы» и «Вымпела»? Оказывается, на офицерских собраниях в присутствии своих начальников они решили наградить только тех, кто был там, в том здании, в том мраке и кошмаре.

Но, как обычно, на мраке и кошмаре другие делают свое светлое будущее.

Не понимаю, что у нас происходит с закрытыми указами о присвоении звания Героя России. Раньше было все ясно: нелегальные разведчики, ядерные академики. Но только за последнее время по закрытым указам Героями России стали директор ФСБ Патрушев, секретарь Совета безопасности Рушайло, генеральный прокурор Устинов. Их приходится награждать тайно из опасения за их жизни? Но генералы — тот же Казанцев или Трошев — не стесняясь носят свои Звезды.

Рушайло, Устинов и Патрушев стали Героями за успехи в чеченской войне. Сколько еще таких Героев?

Я позвонил в Ассоциацию Героев СССР и России, возглавляемую генералом Варенниковым. Мне сообщили точные цифры, сколько званий Героев было присвоено за 9-летнюю афганскую войну: 40-я армия — 44, КГБ — 6, МВД — 1, погранвойска — 7.

Однако на вопрос, сколько геройских званий присвоено за чеченскую войну, нам ответили: не знаем. Почему? — удивились мы. Нам сообщили, что это секретные данные.

И я понимаю, почему они секретные: 90 процентов тех, кто воевал в Чечне, награждены посмертно.

Помню, что сказал мне грустный майор контр-

разведки в Чечне, только что потерявший своего боевого товарища: «Если погибну и мне дадут Звезду Героя посмертно, может быть, моя семья будет жить в квартире». Те, кто прошли войну, знают, что это такое. А «секретные» — это «левые герои», которые идут за спинами героев настоящих. Как и случилось с «Норд-Остом».

Не понимаю, почему наш президент раздает великие звания не тем, кто делает что-то, а тем, на чью поддержку он может рассчитывать. Так обычно происходит в африканских и латиноамериканских странах в периоды военных диктатур.

И я понимаю обиду ребят из «Альфы» и «Вымпела»: они что, лишь сопровождение для этих генералов?

Думаю, что любому начальнику было стыдно получать награды за «Норд-Ост». Так отдали бы их тем, кто честно занимался своим рабочим военным делом.

У нас есть друг — Саша Раковициан. Дважды после ранений он возвращался к своим солдатам. У него два ордена Мужества. Дважды представлялся к званию Героя России. Когда после первого ранения он лежал в госпитале, его попросили послать в Москву ящик коньяка, и все его ребята скидывались своими маленькими деньгами, чтобы это сделать. Потом попросили передать деньги. Но денег у него не было.

Приведу только одно его представление на звание Героя:

«Прапорщик Раковициан Александр Викторович, командир комендантского взвода 205-й отдельной мотострелковой бригады, в период с 13 августа 1999 года по 17 января 2000 года выполнял правительственное

задание по уничтожению вооруженных бандформирований на территории Республики Дагестан...

6 октября прапорщик Раковицян А. В. возглавил обходящий отряд, переправлявшийся через реку Терек. Бандиты подготовили мост к подрыву. Прапорщик Раковицян А. В., спрыгнув с моста, своим весом оборвал провода и тем самым спас единственный мост через реку Терек.

...15 ноября 1999 года... зашел во фланг противника и закидал боевиков гранатами...

...31 декабря... 9 января... 17 января... Тяжело ранен, но продолжал руководить боем...

Вывод: за личное мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, в условиях, сопряженных с риском для жизни, прапорщик Раковицян Александр Викторович достоин присвоения звания Героя Российской Федерации.

*Командир оперативной группы войск
«Запад» полковник Стволов С. Н.»*

Помню, как мне позвонил Герой России Сергей Стволов, командир Саши: «Мне стыдно: я получил Героя, а Саша — нет. Сделайте что-нибудь». Я писал письма министру обороны, президенту. Ответов не было. Герой России полковник Стволов погиб. Больше никто не просит меня за своих ребят.

2

*«Новая газета»,
17—19 марта 2003 года*

После «Секретных героев» меня замучили вопросами, которыми не мучили со времен СССР: «Какие меры приняты после вашей статьи?»

Ладно бы, просто читатели. Нет — бывшие и действующие сотрудники спецслужб, даже мои коллеги, депутаты Госдумы. Честно, я уже отвык от таких вопросов.

Что бы я ни писал в газете о грязных делах наших чиновников, какие бы депутатские запросы ни посылал, в 90 процентах случаев в ответ — молчание о правде.

Невольно вспоминается сладкое время советской несвободы. Да, была цензура. Да, был ЦК КПСС. Но если вдруг что-то удавалось напечатать, это становилось поводом для официальной реакции. Примеров — множество. Приведу хотя бы один.

«После шторма» — статьи, опубликованной в «Литературной газете», — в Одессе вылетели из своих кресел областной прокурор, начальник КГБ и начальник ОВД области. Я не испытал от этого чувства удовлетворения, но именно тогда я понял: государство, власть существуют.

Сейчас мы живем в другой стране. Забыт старый советский закон о том, что на политические публикации чиновники должны давать ответы в течение десяти дней.

Это об отношениях власти и человека, государства и общества.

Так вот... Почему я удивился тому, что меня стали спрашивать о принятых мерах? Какие меры, кто их должен принять? Что, «секретные герои» должны вернуть свои Звезды? Да еще и извиниться перед ребятами из «Альфы» и «Вымпела»?

Знаю ответы на эти вопросы, но ответы не укладываются в официальные письма.

Один из высших госчиновников, комментируя

мою статью, сказал: «Кажется, Устинову дали не Героя, а орден Мужества. Но спустя всего несколько дней, когда Владимир Путин был в Тюмени, его спросили о секретных героях, и он ответил, что Владимиру Рушайло и Владимиру Устинову дали Героев за мужество, проявленное в Чечне, а Патрушеву пока нет, хотя он тоже достоин награды.

Но я-то знаю точно, что Николай Патрушев «секретным указом» получил Звезду Героя России. («Новая газета» писала об этом — никакого опровержения не последовало.)

Не понимаю, президент и его окружение обманывают, обманываются или... им наплевать на то, что думают люди об этом «цирке»?

Теперь я дам ответы на вопросы, которые мне задавали.

Какая же могла быть официальная реакция на публикацию «Секретных героев»?

Они должны были хотя бы покраснеть!

**Песни полковника
Александра Александровича Чикункова**

**КАК НАЗЫВАТЬ ВАС ТЕПЕРЬ
(Братишка)**

*Посвящается
бойцам ОСН ВВ «ВИТЯЗЬ»*

Как называть вас теперь,
Тех, кто под пулями был.
Кто, опьянев от потерь,
Рядом со смертью ходил.
Снится опять и опять
Этот закат на крови.
Как вас теперь называть?
Братьями нас назови.

Не привыкли мы к одиночеству,
Намекни о нас между строк.
Не по имени, не по отчеству,
Можно просто — братишка, браток.

Как вас теперь называть,
Тех, кто прошел этот ад.
Может, иным не понять,
Что виноват не солдат.
Снятся опять и опять
Эти свинцовые сны.
Как вас теперь называть,
Тех, кто вернулся с войны.

Братству нашему ты не изменил
И оставил последний глоток.
Называй меня не по имени,
А как раньше — братишка, браток.

Как вас теперь называть,
Тех, кто остался в плену.
Память нельзя оборвать,
Совесть нельзя обмануть.
Вас победить не смогли,
Проще предать и продать.
Дети Российской Земли,
Как вас теперь называть?

И, признаюсь, мне очень хочется
Этой горной воды хоть глоток.
Называй меня не по отчеству,
А как надо — братишка, браток.

Как вас теперь называть,
Кто не вернулся с войны.
Вас никому не обнять,
Братья, мужи и сыны.
Павшие не поют,
Третьим тостом — помолчим.
Тем, кто остался в бою,
Память свою отдадим.

По приказу ли, по призванию,
Мы свое всегда отстоим.
Не по должности, не по званию —
Вы военные братья мои.

Не по должности, не по званию, —
Все вы просто братишки мои.

НАС ВОЙНА ИЗМЕНИЛА

Вот так получилось, что враз постарели.
Мы были, как все, нас война изменила.
И так же, как все, мы войны не хотели.
Никто не забудет того, что там было.

Не надо жалеть, боевые друзья,
Какую судьбу мы себе нагадали.
Мы будем жалеть тех, кто не был в боях,
Но гордо надел ордена и медали.

На наших руках умирали солдаты,
Мы честно свое под огнем отпахали.
Кто там, за спиной — мы за тех виноваты.
Они нашу честь, наши души продали.

Кто раз поскупился, тот платит вдвойне.
Сомкните бокалы за наше здоровье,
Есть новая формула в этой войне —
Чем дальше от фронта, тем больше героев.

И каждую ночь снится только война,
В своих разговорах про женщин забыли.
Кто пали потом — это наша вина,
За то, что при жизни их мало любили.

Кто нервы сберег, тот доволен вполне.
Кого-то там пулей, кого-то снарядом.
Есть странного много на этой войне —
Чем дальше от фронта, тем выше награда.

РОДИНА, НЕ ПРЕДАВАЙ МЕНЯ

Вы не встречайте нас весело,
Мы не с победою прибыли.
Не говорите нам песнями,
Из нас бойцов сколько выбыло.

Ветви ива развесила,
Все равно нам не весело.
Нынче рано проснулась земля.
Только не предавай меня,
Родина,
 Не предавай меня.

Наша жизнь, как на лезвии,
В горле стоим кому-то мы.
Землю пахать полезнее,
Но надо стрелять, хоть и мучорно.

Сколько там наворочено —
Не прикроешься строчками.
И опять нас во всем винят.
Только не предавай меня,
Родина,
 Не предавай меня.

Вот и звоны плывут колокольные
Над полями, березами грустными.
Почему мы не птицы вольные?
Разве наша вина, что мы — русские?

Ты нас досыта кормила сказками,
Не сыны тебе ближе, а пасынки.
Из огня идем в полымя.
Только не предавай меня,
Родина,
 Не предавай меня.

Вы все хотели жить смолоду,
Вы все хотели быть вечными...
И вот войной перемолоты,
Ну а в церквах стали свечками.

Вот так и живем походами
Под небесными сводами.
Даже сына забыл обнять.
Только не предавай меня,
Родина,
 Не предавай меня.

Вот так и живем походами
Под твоими восходами.
Без тебя не прожить ни дня,
Только не предавай меня,
Родина, не предавай меня.
Родина,
 Не предавай.

ЗЕМЛЯ ОСИРОТЕЛА

Гражданская война,
Разбитые дороги.
Рванула тишина,
И не дождутся многих.

Мы тихо песни пели
Вчера у медсанбата.
И вдруг осиротели
На одного солдата.

Суровая Чечня,
Расстрелянные горы.
Проклятая война,
Зачем нам столько горя?

Вернуться все хотели
До дома да до хаты,
Но вот осиротели
На одного солдата.

Кавказские кресты...
За ними слезы вдовьи.
На грудь получишь ты,
А друг на изголовье.

Мы все успеть хотели,
Нас раньше было трое.

И вот осиротели
На одного героя.

На нас ничья вина,
Нас просто меньше стало.
Жестокая война
Возьмет еще немало.

Вот пуля просвистела
По кронам тополей.
Страна осиротела
На сотни сыновей.
Страна осиротела
На лучших сыновей.

РАЗГОВОР С СЫНОМ (Разговор о войне)

Как-то раз заглянул
Друг ко мне по весне.
Он со мною полжизни
Протопал.
Завели незаметно
Разговор о войне
И забыли, что мы
Не в окопах.

Рядом сын мой присел,
У меня отобрал
Недокуренную сигарету.
Расскажи мне, отец,
Как ты там воевал,
На Кавказе в Чечне
Или где-то.

И как будто снаряд
Разорвался во мне,

Мы молились тогда,
Что, даст Бог, устоим.
Разгулялась там смерть
Беспредельно.

А еще артиллерия —
По своим.
Может — случай,
А может — прицельно.

Не поднять головы,
Грохот, крик, свист и вой.
Где-то пуля нашла
Себе жертву.
Вдруг братишка упал,
И груз 200 домой.
Вот и все. Правда, орден
Посмертно.

Чтоб над телом моим
Не поставили крест,
Чтоб врагу не показывать
Спины,
Именами святыми
Наших жен и невест
Нарекли боевые
Машины.

По горам
Покатились бои...
Ошалевшие роты,
Этот мир поделив
На чужих и своих,
Шли в открытую
На пулеметы.

Я с тревогой смотрел
На багровый закат —
Ночью снова
Разведке за дело.
Но от тысячей душ
Наших павших солдат
Даже темное небо
Светлело.

Пусть простят меня все,
Что я там уцелел.
Пусть не знают войны
Наши дети.
Позабыв про весну,
Я сидел и бледнел,
И не знал, что мальчишке
Ответить.

Пусть, сынок, долго будет
У нас тишина,
Да и смерть нам
Совсем не подруга.
И добавил потом:
Там была не война,
Просто люди стреляли
Друг в друга.

ОБРАЩЕНИЕ К РОССИИ

(посвящена 50-летию Победы – когда внуки ветеранов Великой Отечественной войны умирали в Чечне)

Пусть нас мало осталось, бойцов сорок пятого,
Пусть морщины секут наши старые лица.
Остаемся, как прежде, твоими солдатами,
За тебя, наша Родина, будем молиться.

Мы тогда у тебя ничего не просили,
А сегодня нам стало больней во сто крат.
Ах Россия, Россия, родная Россия,
Не бросай своих старых солдат.

На военных дорогах мы много сапог износили,
И прощались с друзьями навечно у свежих могил.
Скольких жизней ценой мы войну погасили,
Но никто никогда и нигде о тебе не забыл.

Для тебя на руках своих внуков носили.
Почему ж они так же в танках сегодня горят?
Ах Россия, Россия, родная Россия,
Береги своих юных солдат.

ГОСПИТАЛЯ

Госпиталя, госпиталя... И кровь, и стоны.
В бреду кричит сосед сержант: «Давай патроны!»
В сестер влюблялись и врачей вполне серьезно,
И все хотели поскорей туда — на Грозный.

Остались братцы наши там,
Кто пал, кто дышит.
Давай, водила, по газам —
Авось услышат.
Под траки полегла трава,
Моторы пели.
Броня горела, как дрова,
Мы не сгорели.

За залпом залпы:
Лупит «град»,
Отходим снова.
По книжкам знали Сталинград
Сорок второго.
Туда, где выстрелы с домов —
Прямой наводкой.
Прикройте только пацанов,
Всех первогодков.

Здесь трусов нет, нет подлецов —
В тылу остались.
А если кто-то и дошел,

Те разбежались.
Нет пьяных на передовой,
Пусть врут с надрывом.
Мы опьянели от огня
И от разрывов.

Госпиталя, госпиталя...
И кровь и стоны.
Госпиталя, госпиталя...

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Не забудем тех, кто нам дороги
На чужой земле, но в России.
На асфальте разбитого города
Умирал солдат за Россию.

Не убит я, я ранен, я знаю.
Я живой, на меня посмотрите.
Прокричал солдат, умирая:
«Только маме не говорите».

Ах, война, что ты сделала, подлая.
Кто-то грязью вас хочет полить.
Почему вы в окопах, вы поняли —
Чтоб другим досталось пожить.

Посмотрю, как птицы взлетают.
Вы подняться и мне помогите.
Попросил солдат, умирая:
«Только маме не говорите».

А зачем их туда посылают,
Матерей-то опять не спросили.
Почему вас всегда убивают,
Самых лучших и самых красивых.

Только зла в душе не носили бы.
Генералы — они тоже разные:

Кто в окопах с бойцами — красивые,
В кабинетах — те безобразные.

Ваши судьбы война протаранила,
Ваши матери с вами под пулями.
Поколение ваше израненное.
Не сломали бы вас, не согнули бы.

А глаза у него застывают.
Братцы, Бога за меня помолите.
Прошептал солдат, умирая:
«Только маме не говорите».

Оглавление

Вместо предисловия	3
Пролог	4
БЛОКНОТ ПЕРВЫЙ: год 1995-й	7
БЛОКНОТ ВТОРОЙ: год 1996-й	61
БЛОКНОТ ТРЕТИЙ: год 1997-й	87
БЛОКНОТ ЧЕТВЕРТЫЙ: год 1998-й.	117
БЛОКНОТ ПЯТЫЙ: год 1999-й	143
БЛОКНОТ ШЕСТОЙ: год 2000-й	167
БЛОКНОТ СЕДЬМОЙ: год 2001-й	199
БЛОКНОТ ВОСЬМОЙ: год 2002-й	233
БЛОКНОТ ДЕВЯТЫЙ: Полковник, который ненавидит войну, потому что воевал слишком много для жизни одного человека	271
Вместо эпилога	278
Песни полковника Александра Александровича Чикунова	285

Литературно-публицистическое издание

С е р и я

«НЕТ — ЭКСТРЕМИЗМУ!»

Юрий Петрович Щекочихин

**ЗАБЫТАЯ ЧЕЧНЯ:
СТРАНИЦЫ ИЗ ВОЕННЫХ БЛОКНЕТОВ**

Редактор *А. К. Манцевич*

Технический редактор *Н. В. Сидорова*

Компьютерная верстка *М. С. Ананко*

Корректор *Е. Н. Петрова*

Подписано в печать 24.03.03. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 3000 экз. Заказ № 9911.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»

121151, Москва, а/я 92

E-mail: olimpus@dol.ru

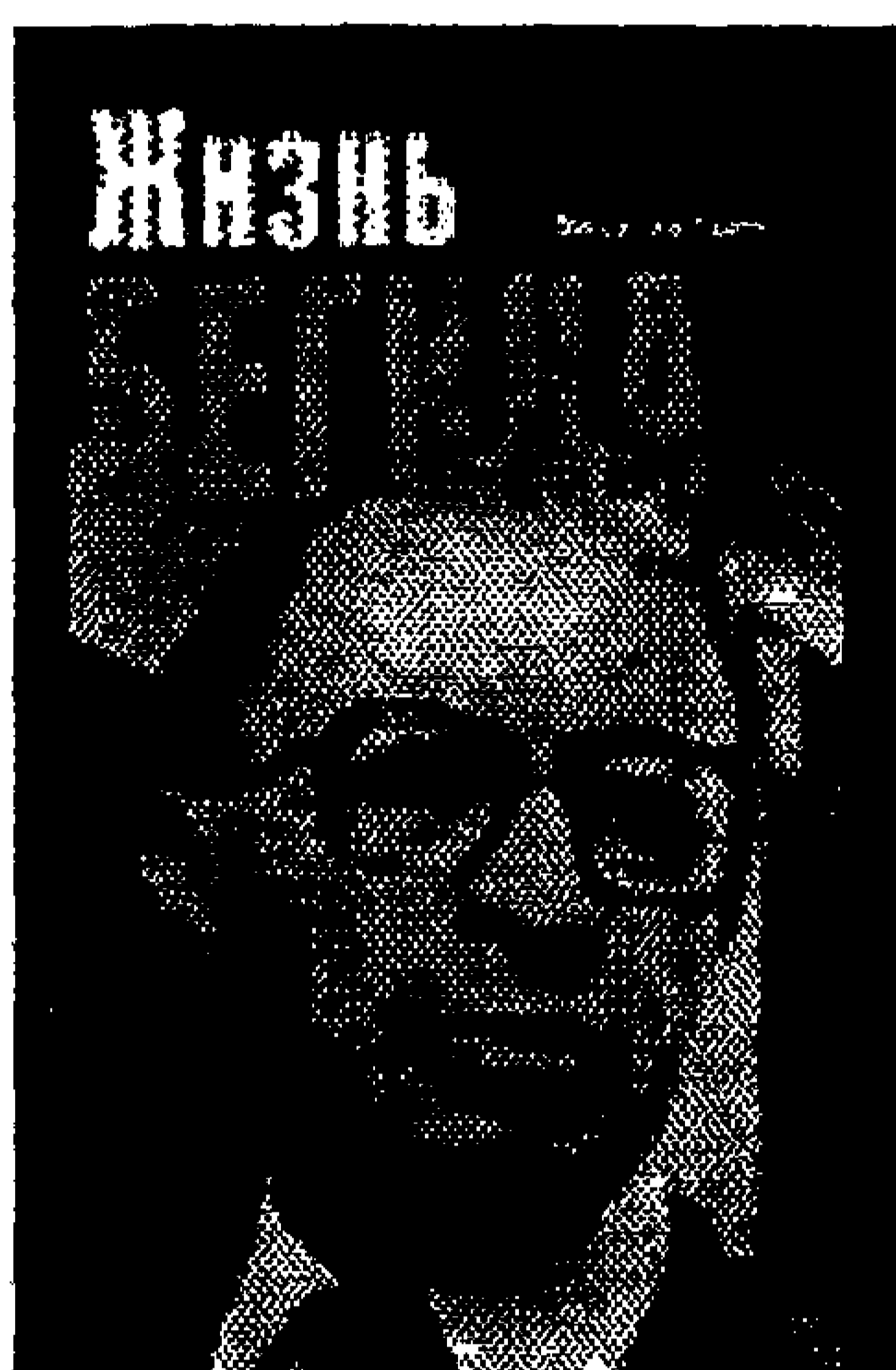
Страницу издательства «Олимп»

см. на сайте «www.neznansky.ru»

БИБЛИОТЕКА
«Нет – экстремизму!»

Марк Зайчик

«ЖИЗНЬ БЕГИНА»

Нобелевский лауреат премии мира, премьер-министр Израиля в 1977—1983 гг., Менахем Бегин принимал участие во многих важнейших событиях прошедшего века и решал кардинальные проблемы своей страны и своего народа. Он был хозяином нестандартной судьбы, и его личность заслуживает того, чтобы о ней говорить.

Человек побед, ошибок, мудрых решений и разочарований, он твердо верил в благородство своей цели и был способен взять на себя ответственность за собственные поступки. И поэтому Менахем Бегин (1913—1992), один из самых значительных политиков XX века, бесспорно, остается в истории как деятель мирового масштаба.

О судьбе одного из самых удивительных людей XX века — книга писателя Марка Зайчика «Жизнь Бегина»

**По вопросам приобретения книг
и за информацией о новых изданиях
просьба обращаться по адресу:**

E-mail: olimpus@dol.ru

БИБЛИОТЕКА
«Нет — экстремизму!»

Аркадий Ваксберг

«ИЗ АДА В РАЙ И ОБРАТНО

Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну»

Аркадий Ваксберг — известный писатель, историк, журналист, юрист. Его книги всегда имеют огромный успех у читателей и переводятся на многие языки мира.

Что такое «еврейский вопрос» и для чего он был нужен в России? Какова была роль евреев в революционном и антиреволюционном движении, в становлении и упрочении советской власти, в карательной политике государства при Ленине, Сталине и его преемниках, в советской и русской культуре? Это лишь малая часть вопросов, поставленных автором перед читателем. Ответы же помогут найти собранные в книге никогда ранее не публиковавшиеся свидетельства участников и очевидцев событий, материалы из семейного архива и воспоминания писателя.

**По вопросам приобретения книг
и за информацией о новых изданиях
просьба обращаться по адресу:
E-mail: olimpus@dol.ru**

БИБЛИОТЕКА
«Нет – экстремизму!»

Виктор Левашов

«УБИЙСТВО МИХОЭЛСА»

У Шекспира король Лир был один. На театральной сцене королей лиров – тысячи. Но любой просвещенный зритель, а тем более театральный критик, когда речь заходит об этой роли, вспоминает осамом ярком, самом удивительном и незабываемом короле Лире — Соломоне Михоэлсе.

Огромный талант, неумный темперамент и... трагическая судьба. Таким актер, режиссер и политический деятель Соломон Михоэлс остается для нас навсегда.

Даже через полвека после гибели художественного руководителя Еврейского Государственного театра, председателя президиума Еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса и расстрела членов президиума ЕАК, виднейших деятелей советской науки и искусства, эта трагическая история представляется чрезвычайно загадочной. Виктор Левашов, автор исторического романа «Убийство Михоэлса», основывает свою версию чисто политического убийства на документах из архивов Лубянки — протоколах допросов и докладных непосредственных участников убийства Михоэлса. Автор делает убедительную попытку ответить на основной вопрос: почему Сталин убил Михоэлса.

**По вопросам приобретения книг
и за информацией о новых изданиях
просьба обращаться по адресу:**

E-mail: olimpus@dol.ru

917857391012616

ISBN 5-7390-1261-9

Юрий Щекочихин – человек, которого знают все. Или почти все. Заместитель главного редактора «Новой газеты», депутат Государственной Думы, заместитель председателя Комитета по безопасности, член Комиссии по борьбе с коррупцией... Но прежде всего Юрий Щекочихин – писатель и журналист. Репортер горячей темы – именно так он себя называет.

Чечня... Земля, о которой хотели бы забыть. Война, которая не кончается. Репортажи оттуда, из самого пекла, собраны в этой книге. Автор пристально вглядывается в судьбы молодых россиян, одетых в камуфляж: за что они воюют? кто послал их под пули и во имя чего? кто столкнул в этом жестоком конфликте людей одной страны? Он старается привлечь внимание общества к вопросам войны и мира, к ответственности за то, что происходит там, в горячих точках.

Юрий Щекочихин – человек без оружия, но калибром своей незаурядной личности он заметно влияет на ход событий в стране.

НОВАЯ
газета